

Жюль Верн

Приключения капитана Гаттераса

Жюль Верн

Приключения капитана Гаттераса

«Public Domain»

1866

Верн Ж. Г.

Приключения капитана Гаттераса / Ж. Г. Верн — «Public Domain», 1866

Произведение дается в дореформенном алфавите. «“Завтра, съ отливомъ, бригъ Forward, подъ командою капитана К. З., при помощникѣ капитана Ричардѣ Шандонѣ, отплыветъ изъ Новыхъ доковъ принца по неизвѣстному назначенію”. Это можно было прочесть въ Liverpool Herald'ѣ отъ 5-го апрѣля 1860 года. Отплытіе простого брига не составляетъ важнаго событія для одного изъ самыхъ большихъ торговыхъ городовъ Англіи. Кто замѣтитъ его среди цѣлой массы судовъ всѣхъ размѣровъ и національностей, которыя едва могутъ помѣститься въ громаднхъ докахъ, простирающихся на двѣ мили въ длину?..»

Содержание

Часть первая	6
I. Бригъ Forward	6
II. Неожиданное письмо	11
III. Докторъ Клоубонни	12
IV. Собака-капитанъ	17
V. Въ открытомъ морѣ	22
VI. Большое полярное теченіе	27
VII. Дэвисовъ проливъ	31
VIII. Розказни матросовъ	36
IX. Новость	41
X. Опасное плаваніе	45
XI. Чертовъ палецъ	50
XII. Капитанъ Гаттерасъ	55
XIII. Предположенія Гаттераса	61
XIV. Экспедиція, отправленная на поиски за Франклиномъ	65
XV. Forward отброшенъ къ югу	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Жюль Верн

Приключения капитана Гаттераса

* * *

Часть первая

I. Бригъ Forward

«Завтра, съ отливомъ, бригъ *Forward*, подъ командою капитана К. З., при помощникѣ капитана Ричардѣ Шандонѣ, отплыветъ изъ *Новыхъ доковъ принца* по неизвѣстному назначенію».

Это можно было прочесть въ *Liverpool Herald* въ 5-го апрѣля 1860 года.

Отплытіе простого брига не составляетъ важнаго событія для одного изъ самыхъ большихъ торговыхъ городовъ Англіи. Кто замѣтитъ его среди цѣлой массы судовъ всѣхъ размѣровъ и національностей, которыя едва могутъ помѣститься въ громаднѣхъ докахъ, простирающихся на двѣ мили въ длину?

Однако же 6-го апрѣля значительная толпа народа покрывала обширную набережную Новыхъ доковъ; безчисленное множество городскихъ морскихъ корпорацій, казалось, назначили себѣ тамъ свиданіе. Рабочіе съ сосѣднихъ верфей побросали свои работы, негоціанты – свои мрачныя конторы, торговцы – свои опустѣвшіе магазины. Разноцвѣтные омнибусы, проходящіе подлѣ наружной стѣны доковъ, ежеминутно высаживали на набережную цѣлыя толпы любопытныхъ; казалось весь городъ только одного и желалъ: присутствовать при отплытіи брига *Forward*'а.

Forward былъ винтовой бригъ въ семьдесятъ тоннъ вмѣстимостью, съ машиною въ сто двадцать силъ. Его легко можно было-бы смѣшать съ другими стоящими въ портѣ бригами. Но если онъ не представлялъ ничего необычнаго глазамъ простой публики, то знатоки замѣчали въ немъ особенности, на счетъ которыхъ морякъ никогда не ошибется. Такъ, на бортѣ невдалекѣ стоявшаго на якорѣ *Nautilus*'а группа матросовъ дѣлала самыя разнообразныя предположенія относительно назначенія брига.

– На кой ему такія мачты? говорилъ одинъ изъ матросовъ. Обыкновенно, паровыя суда не несутъ много парусовъ.

– Должно быть, отвѣтилъ краснощекій боцманъ, бригъ больше рассчитываетъ на вѣтеръ, чѣмъ на свою машину, и если его верхніе паруса такъ широки, то потому только, что нижнимъ придется часто бездѣйствовать. Я вполнѣ увѣренъ, что *Forward* отправляется въ арктическія или антарктическія моря, гдѣ ледяныя горы зачастую перехватываютъ и задерживаютъ вѣтеръ больше, чѣмъ это можетъ быть желательно для добраго и крѣпкаго судна.

– Да, вы правы, Корнгиль, – подхватилъ третій матросъ. А замѣтили вы, что его форштевень¹ опускается въ море совершенно отвѣсно?

– Къ тому-же, – сказалъ Корнгиль, – онъ снабженъ стальнымъ, острымъ какъ бритва лезвеемъ, способнымъ разрѣзать на двое трехпалубный корабль, если *Forward* на полномъ ходу навалится на него.

– Совершенно вѣрно, подтвердилъ лоцманъ – потому что при помощи своего винта бригъ преисправно отмахиваетъ по четырнадцати узловъ въ часъ. А какъ онъ поднимался противъ течения во время пробнаго плаванія – просто заглядѣнье! Повѣрьте, что это судно – ловкій ходокъ!

– Да и подъ парусами бригъ не ударитъ въ грязь лицомъ, началъ Корнгиль; его не кренить² и онъ отлично слушается руля. Не будь я Корнгиль, если бригъ не отправляется въ полярныя

¹ Форштевень – брусъ (обыкновенно кривообразный), служащій основаніемъ передней части судна.

² Кренить – склоняться на бокъ.

моря! Да, еще одно. Замѣтили-ли вы, какъ широко у него гельмъ-нортъ (отверстіе), въ который проходить голова руля?

– И впрямь,– замѣтили собесѣдники Корнгилля. Но что-же это доказываетъ?

– А то, голубчики мои, съ презрительнымъ самодовольствіемъ отвѣтилъ Корнгиль,– что и наблюдать-то вы не умѣете, да и смекалки-то у васъ не много. Это доказываетъ, что рулю хотѣли дать побольше простора, чтобы его легко можно было снять и снова поставить на мѣсто. А среди льдовъ, сами знаете, это дѣлается частенько.

– Что правда, то правда,– отвѣтили матросы.

– И къ тому-же,– продолжалъ одинъ изъ нихъ,– мнѣніе Корнгилля подтверждается еще и грузомъ брига. Я узналъ отъ Клифтона, который отправляется на бригъ, что *Forward* имѣетъ на пять или на шесть лѣтъ провіанта и значительный запасъ угля. Уголь и съѣстные припасы – весь его грузъ, да еще шерстяная одежда и тюленьи шкуры.

– Значить,– сказалъ Корнгиль,– и сомнѣваться нечего. Но если ты знаешь Клифтона, то не сказалъ-ли онъ тебѣ, куда именно отправляется бригъ?

– Ничего не сказалъ, потому что самъ ничего не знаетъ. Такъ и заподраженъ весь экипажъ. Куда отправляется судно – узнаетъ каждый по прибытіи на мѣсто.

– Узнаетъ, какъ-же! – къ черту въ зубы – вотъ куда, замѣтилъ одинъ изъ скептиковъ.

– Но зато какое жалованье,– началъ, воодушевившись, пріятель Клифтона,– какое славное жалованье! Въ пять разъ больше обыкновеннаго! Безъ этого Ричардъ Шандонъ, при настоящихъ условіяхъ, не завербовалъ-бы ни одного человѣка. И то сказать: какое-то странное судно, отправляется Богъ вѣсть куда и не имѣетъ, повидимому, особеннаго желанія вернуться назадъ! Нѣтъ, это не по мнѣ, я бы не согласился ни за сто печеныхъ раковъ!

– По тебѣ или не по тебѣ, дружище,– отвѣтилъ Корнгиль,– все равно ты не попалъ-бы въ составъ экипажа.

– Это почему?

– Потому что ты не удовлетворяешь требуемымъ условіямъ. Мнѣ говорили, что женатые не принимаются на бригъ, а ты принадлежишь къ большой категоріи обабившихся. Значить, и покобенишься-то тебѣ не представилось-бы случая.

Осаженный такимъ образомъ матросъ разсмѣялся вмѣстѣ съ другими.

– Даже и самое названіе брига чересчуръ ужъ того... смѣлое,– началъ опять Корнгиль. *Forward* – впередъ, да до какого же мѣста впередъ? А о томъ, что никто не знаетъ капитана брига, я уже и не говорю.

– Напротивъ, его знаютъ,– сказалъ одинъ молодой матросикъ съ довольно наивною фیزیономіею.

– Какъ знаютъ?

– Да такъ-таки знаютъ.

– Послушай, молодчикъ,– сказалъ Корнгиль,– ужъ не считаешь ли ты Шандона капитаномъ брига?

– Но... отвѣтилъ молодой матросъ.

– Такъ знай-же, что Шандонъ – помощникъ капитана, и ничего больше. Это бравый и смѣлый морякъ, китобой, съ хорошей стороны заявившій себя, парень теплый и во всѣхъ отношеніяхъ достойный командовать судномъ. Какъ бы то ни было, но онъ не командуетъ бригомъ; говоря попросту, онъ такой же капитанъ, какъ ты или я, не въ обиду мнѣ будь это сказано. Что же касается человѣка, который, послѣ Бога, долженъ быть старшимъ на кораблѣ, то объ немъ ничего неизвѣстно самому Шандону. Въ свое время настоящій капитанъ явится, не знаю только въ Новомъ или Старомъ свѣтѣ, потому что Ричардъ Шандонъ не говорилъ, да и не имѣетъ права говорить, въ какую страну свѣта онъ направить свой бригъ.

– Однако, возразил молодой матрос, могу вас уверить, мистер Корнгиль, что кое-кто уже объявлен капитаном на бриг, об нем упомянуто в письме, которое получил Шандон и в котором ему предлагалась должность помощника капитана.

– Как? заметил Корнгиль, нахмутив брови, – не думаешь ли ты утверждать, будто на бриг находится сам капитан?

– Само собою разумеется.

– И ты говоришь это мне, – мне?

– Конечно, потому что так сказал мне Джонсон, шкипер брига.

– Джонсон?

– Да.

– Сам Джонсон?

– И не только сказал, но даже показал мне капитана.

– Показал капитана? – переспросил ошеломленный Корнгиль.

– Да, показал.

– И ты его видел?

– Собственными глазами.

– Кто же это такой?

– Собака.

– Собака?

– О четырех ногах?

– Да, как есть собака.

Велико было изумление матросов *Nautnlus'a*. При других обстоятельствах они просто-бы расхохотались. Собака оказывается капитаном брига к семьдесят тонн. Просто умора! Но *Forward* – такой странный корабль, что, прежде чем смеяться или отрицать что-нибудь, следовало хорошенько пораздумать. Впрочем, сам Корнгиль уже не смеялся.

– И Джонсон показал тебе этого диковинного капитана, – начал он, обращаясь к молодому матросу. И ты его видел?..

– Видел, как вижу вас.

– Ну, как вы думаете на счет этого? – спросили матросы у Корнгилья.

– Ничего я не думаю, – резко ответил последний, – за исключением того, что *Forward'ом* командует или сам сатана, или безумцы, которых следовало-бы запереть в Бэдлам³.

Матросы молча смотрели на бриг, на котором заканчивались приготовления к отплытию. Никому из них и в голову не приходило, что шкипер Джонсон мог подшутить над молодым матросом.

Молва о собаке облетела уже весь город, и в толпе любопытных не один отыскивал глазами *собаку-капитана*, будучи не прочь считать ее каким-то сверхъестественным существом.

Впрочем, несколько уже месяцев *Forward* обращал на себя общее внимание. Его несколько необычная конструкция, облакавшая его таинственностью, инкогнито капитана, самый способ, которым Ричарду Шандону было предложено наблюдать за вооружением брига, тщательный выбор экипажа, неизвестное, едва-ли подозреваемое многими назначение корабля – все это набрасывало на бриг больше чем странный оттенок.

Ничто в такой степени не возбуждает интерес мыслителя, мечтателя и в особенности философа, как готовящееся к отплытию судно. Воображение охотно следует за кораблем во время его борьбы с океаном и бурями, во время его отважных странствований, не всегда оканчивающихся в порту. Но подвернись тут какое-нибудь необыкновенное обстоятельство,

³ Бэдлам – сумасшедший дом.

и корабль немедленно предстанетъ въ фантастическомъ образѣ даже предъ людьми съ очень неподатливымъ воображеніемъ.

Такъ было и въ отношеніи брига *Forward'a*. Если большинство зрителей не могли дѣлать ученыхъ замѣчаній Корнгиля, то скопившихся втеченіе трехъ мѣсяцевъ розсказней было совершенно достаточно для того, чтобы доставить обильную пищу сплетнямъ города Ливерпуля.

Бригъ былъ заложенъ на верфи въ Биркенгедѣ, предмѣстьи города, расположенномъ на лѣвомъ берегу рѣки Мерсея и имѣющемъ постоянное сообщеніе съ портомъ посредствомъ безпрестанно снующихъ взадъ и впередъ паровыхъ лодокъ.

Строитель Скоттъ и К^о, одинъ изъ искуснѣйшихъ корабельныхъ инженеровъ Англіи, получилъ отъ Шандона смѣту и подробный планъ, въ которомъ съ величайшею точностью были указаны вмѣстимость, размѣры и модель (лекалы) брига. Все свидѣтельствовало о полнѣйшей предусмотрительности сдѣлавшаго ихъ опытнаго моряка. Шандонъ располагалъ значительными средствами, работы начались немедля и, по требованію неизвѣстнаго судовладѣльца, продолжались быстро.

По конструкціи своей бригъ представлялъ всѣ гарантіи прочности. Очевидно, онъ долженъ былъ выносить громадную силу давленія, потому что его стѣны изъ индійскаго дуба, отличающагося крайнею твердостью, были скрѣплены еще желѣзными связями. Среди моряковъ возбуждался даже вопросъ, почему корпусъ корабля, снабженнаго такими средствами сопротивленія, не былъ сдѣланъ прямо изъ одного желѣза, подобно корпусамъ многихъ паровыхъ судовъ. На это получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ: у таинственнаго инженера имѣлись свои важныя причины.

Мало по малу бригъ принималъ на верфи опредѣленную форму, и его крѣпость и изящный видъ изумили всѣхъ знатоковъ дѣла. Какъ замѣтили матросы *Nautilus'a*, его форштевень, составлявшій прямой уголъ съ килемъ, былъ снабженъ не остроугою, а стальнымъ лезвіемъ, отлитымъ въ мастерскихъ Гауторна, въ Ньюкестлѣ. Этотъ металлическій, сверкавшій подъ лучами солнца форштевень сообщалъ бригу нѣчто необыкновенное, не смотря на то, что судно не имѣло воинственнаго вида. Однакоже, на бакѣ его стояла пушка; укрѣпленная на вертикальномъ стержнѣ, она могла быть направляема во всѣ стороны. Слѣдуетъ замѣтить однако, что и пушка, подобно форштевеню, не дѣлала бригъ воинственнѣе.

5-го февраля 1860 года странный корабль былъ счастливо спущенъ на воду при громадномъ стеченіи зрителей.

Но если бригъ не былъ ни военнымъ, ни купеческимъ судномъ, ни потѣшной яхтой, такъ какъ не совершаютъ-же увеселительныхъ поѣздокъ съ шестилѣтнимъ запасомъ продовольствія въ трюмѣ, то чѣмъ-же его слѣдовало считать?

Судномъ, отправляющимся на поиски за кораблями *Erebus* и *Terror* сэра Джона Франклина? Но въ предшествовавшемъ, 1859, году лейтенантъ Макъ-Клинтонъ воротился изъ полярныхъ морей, представивъ неопровержимыя доказательства гибели злополучной экспедиціи Франклина.

Не намѣревался-ли *Forward* сдѣлать новую попытку къ открытію знаменитаго Сѣверо-западнаго прохода? Но капитанъ Макъ-Клоръ открылъ его въ 1853 году, а его лейтенанту Кресуэлю первому выпала честь обогнуть американскій материкъ отъ Берингова до Дэвисова пролива.

Для людей компетентныхъ было несомнѣнно, что *Forward* отправляется въ полярныя моря. Не думаетъ-ли онъ отправиться къ южному полюсу и пройти дальше китобоя Ведаля и капитана Росса? Но къ чему и съ какою цѣлью?

Хотя область предположеній была очень ограничена, но изъ сказаннаго видно, что воображеніе и въ ней нашло возможнымъ сбиться съ пути.

На слѣдующій день, послѣ того какъ бригъ спустили на воду, его машина была доставлена изъ мастерскихъ Гауторна въ Ньюкестлѣ.

Машина эта, въ сто двадцать силъ, занимала мало мѣста. Сила ея была очень значительна для судна въ сто семьдесятъ тоннъ, несшаго много парусовъ и, притомъ, замѣчательнаго по быстротѣ своего хода. Сдѣланные опыты не оставляли въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ что даже шкиперъ Джонсонъ счелъ необходимымъ замѣтить своему другу Клифтону.

– Когда *Forward* одновременно идетъ подъ парусами и парами, то подъ парусами онъ идетъ быстрѣе.

Ничего ровно не понявъ изъ этой фразы, Клифтонъ считалъ однакожъ все возможнымъ для судна, которымъ командовала собака.

Послѣ установки машины началась погрузка провизіи, – дѣло очень нелегкое, потому что бригъ запасался продовольствіемъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Продовольствіе состояло изъ соленого и вяленнаго мяса, копченой рыбы, сухарей и муки; горы кофе и чаю сваливали прямо въ трюмъ. Ричардъ Шандонъ присутствовалъ лично при погрузкѣ этого драгоценнаго товара. Все было размѣщено, снабжено ярлыками и занумеровано въ строжайшемъ порядкѣ. На корабль погрузили также большое количество такъ называемаго пеммикана⁴, содержащаго въ незначительномъ объемѣ большое количество питательныхъ веществъ.

Самый родъ състныхъ припасовъ не оставлялъ никакого сомнѣнія на счетъ продолжительности плаванія.

При видѣ боченковъ lime-juice (лимоннаго сока), пакетовъ горчицы, известковыхъ лепешекъ, щавельнаго сѣмени и ложечной травы, словомъ, при видѣ этой массы антискорбутныхъ средствъ, столь необходимыхъ для плаванія въ южныхъ и сѣверныхъ полярныхъ моряхъ, чело-вѣкъ смысленный сразу-же догадывался, что *Forward* отправляется въ области вѣчнаго льда. Безъ сомнѣнія, Шандону поручили обращать особенное вниманіе на эту статью груза, такъ какъ онъ заботился о немъ не меньше, чѣмъ и объ аптекахъ.

Если на бригъ было немного оружія, что успокоивало людей робкихъ, то его крѣпко-камера⁵ была переполнена, – признакъ очень тревожнаго свойства. Единственная пушка на бакѣ не могла заявлять претензіи на такое количество пороха; слѣдовательно тутъ можно было и призадуматься.

На бригъ находились также громадныя пилы, разнаго рода машины, рычаги, свинцовыя бабы, ручныя пилы, большіе топоры, мы считая порядочнаго количества blastig-cylinders (родъ петардъ), при помощи которыхъ можно-бы поднять на воздухъ громадную лондонскую таможеню. Все это было странно, если не ужасно; о ракетахъ, сигнальныхъ аппаратахъ, горючихъ составахъ и фонаряхъ мы уже не говоримъ.

Многочисленные зрители на набережныхъ доковъ любовались также длинною китобойною шлюпкою изъ краснаго дерева, пирогаю изъ листоваго желѣза, покрытою гуттаперчею, и halkett-boat's – каучуковыми плащами или мѣшками, которые можно было превратить въ лодки, вдувая воздухъ за ихъ подкладку. Каждый изъ зрителей все больше и больше испытывалъ чувства любопытства и даже тревоги, потому что съ отливомъ *Forward* долженъ былъ отправиться по своему таинственному назначенію.

⁴ Пеммиканъ – сушенное особымъ способомъ мясо.

⁵ Отдѣленіе гдѣ хранится порохъ.

II. Неожданное письмо

Вотъ текстъ письма, полученнаго Ричардомъ Шандономъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ.
Абердинъ, 2-го августа 1859 г.

Г. Ричарду Шандону.

Ливерпуль.

«Милостивый государь!

«Настоящимъ письмомъ увѣдомляю васъ о передачѣ шестнадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ гг. Маркуартъ и К°, банкирамъ въ Ливерпуль. Прилагаемые при семъ и подписанные мною ордера поставятъ васъ въ возможность обращаться съ требованіями къ сказаннымъ гг. Маркуартъ на сумму шестнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

«Вы меня не знаете. Это неважно. Но я васъ знаю, и это главное.

«Предлагаю вамъ мѣсто помощника капитана на бригъ *Forward* на время компаніи, быть можетъ, продолжительной и опасной.

«Не изъявите вы согласія – и конецъ дѣлу; въ противномъ случаѣ, вы ежегодно будете получать пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, а по окончаніи каждаго года, въ теченіи всей компаніи, размѣръ вашего содержанія будетъ увеличиваться на одну десятую.

«Бригъ *Forward* не существуетъ. Вы примите на себя трудъ постройки его съ такимъ расчетомъ, чтобы въ первыхъ числахъ апрѣля 1860 года, никакъ не позже, онъ могъ выйти въ море. При семъ прилагается подробный отчетъ и смѣта, которыхъ вы будете строго придерживаться. Бригъ долженъ быть построенъ на верфи гг. Скоттъ и К°, съ которыми вы и войдете въ соглашеніе.

«Въ особенности обращаю ваше вниманіе на экипажъ *Forward'a*. Онъ будетъ состоять изъ меня – капитана, изъ васъ – помощника капитана, третьяго офицера, шкипера, двухъ машинистовъ, ice master'a (лоцмана среди льдовъ), восьми матросовъ и двухъ кочегаровъ, всего – изъ восемнадцати человѣкъ, въ томъ числѣ и доктора Клоубонни, который явится къ вамъ въ свое время.

«Желательно было-бы, чтобы лица, отправляющіяся на бригъ *Forward*, были англичане, люди независимые, безсемейные, неженатые, готовые все предпринять и все вынести и притомъ воздержанные, потому что употребленіе крѣпкихъ напитковъ и даже пива не допускается на бригъ. Вы предпочтительно будете выбирать людей сангвинического темперамента и, по тому самому, въ высшей степени обладающихъ источникомъ животной теплоты.

«Вы предложите имъ плату, въ пять разъ превосходящую обыкновенную плату, которая, по окончаніи каждаго служебнаго года, будетъ увеличиваться на одну десятую. По окончаніи кампаніи, каждому изъ служащихъ выдастся по 500, а вамъ – 2,000 фунтовъ стерлинговъ. Необходимыя для этого суммы реализованы у поименованныхъ гг. Маркуартъ и К°.

«Компанія будетъ продолжительная и трудная, но зато почетная, слѣдовательно колебаться вы не можете, г. Шандонъ.

«Отвѣчайте: въ Готтеборгъ (Швеція), poste restante, подъ инициалами К. З.

«P. S. Въ будущемъ февралѣ мѣсяцѣ, 15-го числа, вы получите большую датскую собаку, съ отвислыми губами, сѣро-черную, съ поперечными черными полосами. Вы примете ее на бортъ и распорядитесь кормить ячменнымъ хлѣбомъ и наваромъ изъ говяжьяго сала. О полученія собаки не забудьте увѣдомить въ Ливорно, Италія, подъ указанными выше инициалами.

«Капитанъ брига *Forward'a* явится въ надлежащее время. Въ моментъ отплытія вы получите новыя инструкціи.

«Капитанъ брига *Forward K. З.*»

III. Докторъ Клоубонни

Ричардъ Шандонъ былъ заправскій морякъ; втеченіе долгаго времени онъ командоваль китобойными судами въ арктическихъ моряхъ и во всемъ Ланкастерѣ пользовался хорошою репутаціею. Такое письмо по всей справедливости могло изумить его; дѣйствительно, онъ изумлялся, но только съ выдержкою человѣка, издавашаго виды.

Ричардъ Шандонъ удовлетворялъ всѣмъ требуемымъ условіямъ: онъ не имѣлъ жены, дѣтей, родственниковъ, значить былъ – вольная птица. Не имѣя надобности совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было, онъ прямо отправился къ гг. Маркуартъ и К°.

– Если денежки на лицо, – подумаль онъ – то остальное устроится само собою.

Въ банкѣ его приняли съ почтительностію, подобающею человѣку, котораго ждутъ въ кассѣ шестнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ⁶. Разъяснивъ вопросъ о деньгахъ, Шандонъ приказаль подать себѣ бумаги и своимъ крупнымъ почеркомъ моряка написалъ, по указанному адресу, письмо, въ которомъ изъявилъ согласіе на сдѣланное ему предложеніе.

Въ тотъ-же день онъ вошелъ въ соглашеніе съ биркенгедскими судостроителями и двадцать четыре часа спустя киль брига *Forward'a* лежалъ уже на стапель верфи.

Ричардъ Шандонъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, сильный, энергичный и смѣлый. Слѣдовательно, онъ обладалъ тремя качествами, необходимыми каждому истому моряку, качествами, которыя поселяють довѣріе въ самому себѣ, придають бодрость и хладнокровіе. Его считали человѣкомъ завистливымъ и неуживчивымъ; матросы скорѣ боялись, чѣмъ любили его. Но такая слава не затруднила Шандона въ отношеніи вербовки экипажа, такъ какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, что онъ умѣлъ выпутаться изъ всякаго затруднительнаго положенія и зналъ свое дѣло отлично.

Шандонъ однако опасался, чтобы таинственная сторона предпріятія не стѣснила его свободы дѣйствій.

– Лучше всего – сказалъ онъ себѣ – не разглашать дѣла. Конечно, найдутся люди, которые заходятъ знать всю подноготную, зачѣмъ, молъ, да почему; но такъ какъ мнѣ и самому ничего неизвѣстно, то я очень-бы затруднился отвѣчать имъ. Этотъ К. Z. навѣрное какой нибудь чудакъ; но онъ знаетъ меня и разсчитываетъ на мою опытность, а этого совершенно довольно. Что же касается корабля, то мы отдѣлаемъ его на славу, и не будь я Ричардъ Шандонъ, если бригъ не отправится въ полярныя моря! Однако все это останется между иною и моими офицерами.

Затѣмъ Шандонъ занялся вербовкою экипажа, придерживаясь требованій капитана относительно семейнаго положенія матросовъ и условія ихъ здоровья.

Одъ зналъ одного молодца, по имени Джемса Уэлля, человѣка лѣтъ подъ тридцать, не разъ уже побывавшаго въ сѣверныхъ моряхъ. Шандонъ предложилъ ему мѣсто третьяго офицера. Джемсъ Уэллеръ не колебался ни минуты, потому что страстно любилъ свое ремесло и желалъ только одного – какъ можно скорѣе отправиться въ море. Шандонъ подробно разсказаль ему, равно какъ и нѣкому Джонсону, поступившему на бригъ въ качествѣ шкипера, все, что только зналъ самъ.

– Что-жъ – сказалъ Уэллеръ – попробуемъ; все равно, куда ни плыть. Если дѣло идетъ о Сѣверо-западномъ проходѣ... Ну, что-жъ, возвращались люди и оттуда.

– Не всегда, – отвѣтилъ Джонсонъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы туда нельзя было ѣздить.

– Къ тому-жъ – началъ опять Шандонъ, – если мы не ошибаемся въ нашихъ предположеніяхъ, то нельзя не согласиться, что настоящее путешествіе предпринимается при благо-

⁶ 160,000 рублей.

пріятныхъ условіяхъ. *Forward* судно доброе и при помощи своей машины можетъ уйти далеко. Восемнадцать человѣкъ экипажа – больше намъ и не надо.

– Восемнадцать человѣкъ, – сказалъ Джонсонъ, – столько именно было на кораблѣ американца Кэна, когда онъ предпринялъ свою знаменитую экспедицію въ сѣверному полюсу.

– А все-же странно, что отыскивается еще человѣкъ, рѣшающійся пройти изъ Дэвисова пролива въ Берниговъ! Экспедиціи, отправлявшіяся отыскивать адмирала Франклина, обошлись Англіи болѣе 760,000 фунтовъ стерлинговъ⁷, а между тѣмъ ни въ какомъ практическому результату онѣ не привели. И какой дьяволъ рѣшается еще разъ рискнуть своимъ состояніемъ для такого дѣла?

– Прежде всего, Джемсъ, отвѣтилъ Шандонъ, – это только предположеніе, но куда отправимся мы, – въ сѣверныя или южныя моря, – этого я не знаю. Быть можетъ, дѣло идетъ о новыхъ открытіяхъ. Наконецъ, на дняхъ долженъ явиться къ намъ нѣкто докторъ Клоубонни, которому таинственное предпріятіе извѣстно лучше нашего; я полагаю, что онъ дастъ намъ необходимыя разъясненія. Подождемъ – увидимъ.

– Ну, ладно, подождемъ, сказалъ Джонсонъ. А я, между тѣмъ, постараюсь подыскать надежныхъ ребятъ. Что-же касается до ихъ животной теплоты, какъ говорить капитанъ, то за это я ручаюсь вамъ напередъ. Въ этомъ отношеніи вы можете положиться на меня и быть совершенно покойны.

Джонсонъ былъ неоцѣненный человѣкъ. Онъ освоился съ плаваніемъ въ высокихъ широтахъ, находясь въ качествѣ боцмана на кораблѣ *Phenix*, входившемъ не разъ въ составъ экспедицій, отправлявшихся отыскивать Франклина. Отважный морякъ былъ свидѣтелемъ смерти французскаго лейтенанта Бэлло, сопровождая послѣдняго во время его экскурсіи среди льдовъ. Джонсону былъ извѣстенъ личный составъ моряковъ въ Ливерпулѣ и онъ немедленно приступилъ къ вербовкѣ экипажа.

Шандонъ, Уэлль и Джонсонъ дѣйствовали такъ успѣшно, что въ первыхъ числахъ декабря экипажъ былъ въ полномъ составѣ. Дѣло не обошлось однакожь безъ труда; многихъ соблазняла высокая плата, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшила будущность экспедиціи; иной матросъ, смѣло принявъ предложеніе, черезъ нѣсколько времени бралъ свое слово назадъ и возвращалъ задатокъ, такъ какъ друзья не совѣтовали ему принимать участіе въ таинственной экспедиціи. Но всѣ они старались проникнуть тайну и надоедали разспросами Шандону, который спроваживалъ ихъ къ Джонсону.

– Но что-же я могу сказать тебѣ, другъ мой? – неизмѣнно отвѣчалъ Джонсонъ. Я знаю не больше твоего. Во всякомъ случаѣ, ты будешь въ хорошемъ обществѣ, съ лихими, на робкаго десятка, товарищами, а это что нибудь да значить. Слѣдовательно, раскидывать тутъ умомъ долго нечего: согласенъ или несогласенъ?

И большая часть матросовъ соглашалась.

– Пойми-же, наконецъ, – добавлялъ иногда шкиперъ, – что я нисколько не затрудняюсь на счетъ выбора. Высокая плата, какой никто не запомнитъ изъ моряковъ, и увѣренность по возвращеніи получить кругленькій капиталецъ – штука, братецъ ты ной, лакомая.

– Что и говорить: больно лакомая! – говорили матросы. Къ тому-же, если вернешься цѣль и невредимъ – обезпеченъ и всю жизнь, а это штука важная!

– Не скрою отъ тебя, – продолжалъ Джонсонъ, – что кампанія продолжительная, трудная и опасная. Это формально выражено въ нашихъ инструкціяхъ. Необходимо, поэтому знать, за что берешься. По всѣмъ вѣроятіямъ, придется дѣлать все человѣчески-возможное, но, быть можетъ, и того больше. Значить, если ты не изъ храбрыхъ и характеръ у тебя не выносливый, если въ тебѣ не сидитъ самъ сатана, и ты порою говоришь себѣ, что на одинъ шагъ успѣха у тебя имѣется двадцать шансовъ погибнуть, словомъ, если тебѣ пріятнѣе оставить свою кожу въ

⁷ 7.600.000 рублей.

этомъ, а не въ другомъ мѣстѣ, здѣсь, а не тамъ, то поворачивай оглобли и дай мѣсто молодцамъ. посмѣлѣе тебя.

– Но, – говорилъ прижатый къ стѣнѣ матросъ, – по меньшей мѣрѣ, вы знаете капитана?

– Капитанъ – это Ричардъ Шандонъ до поры, до времени.

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ думалъ и самъ Шандонъ; онъ легко поддавался мысли, что въ послѣднюю минуту получатся точныя инструкціи на счетъ цѣли путешествія и что онъ останется капитаномъ брига. Онъ даже высказывалъ такое мнѣніе въ бесѣдѣ съ офицерами или съ матросами, слѣдя за работами на бригѣ, ребра котораго торчали на бирвенгедской верфи, подобно ребрамъ лежащаго на спинѣ кита.

Шандонъ и Джонсонъ строго сообразовались съ полученными инструкціями относительно выбора матросовъ. Видъ у послѣднихъ былъ вполне удовлетворительный и они обладали элементами животной теплоты въ количествѣ достаточномъ для приведенія въ движеніе машины брига *Forward'a*. Ихъ упругіе члены, бѣлыя, румяныя лица давали имъ полную возможность противустоять сильной стужѣ. То были увѣренные въ себѣ, энергическіе, рѣшительные и крѣпкаго сложенія люди. Однакожъ, не всѣ они обладали равными силами; Шандонъ даже не рѣшался принять нѣкоторыхъ изъ нихъ, на примѣръ, матросовъ Гриппера, Гарри и гарпунщика Симпсона, показавшихся ему нѣсколько худощавыми. Но такъ какъ они были люди здороваго тѣлосложенія и смѣлые, то въ концѣ концовъ, дѣло уладилось и они были приняты.

Всѣ матросы принадлежали въ одной и той-же сектѣ. протестанской религіи, – обстоятельство достойное замѣчанія. Общая молитва и чтеніе библіи служатъ лучшимъ средствомъ поддержать и укрѣпить упавшій духъ въ минуту несчастія, а потому весьма важно было, чтобы между матросами – характеры и темпераменты которыхъ различались между собою очень рѣзко, – не возникли-бы впослѣдствіи препирательства по какимъ либо религіознымъ вопросамъ. Шандонъ по опыту зналъ пользу совмѣстныхъ религіозныхъ упражненій и ихъ вліяніе на нравственную сторону матросовъ; общая молитва и чтеніе священнаго писанія – обычное явленіе на корабляхъ, зимующихъ въ полярныхъ странахъ.

Покончивъ съ вербовкою экипажа, Шандонъ, Джонсонъ и Уэлль занялись заготовкою сѣстныхъ припасовъ, строго придерживаясь инструкцій капитана, инструкцій точныхъ, ясныхъ, подробныхъ, опредѣлявшихъ какъ число, такъ и количество малѣйшихъ предметовъ пищевого довольствія. Благодаря ордерамъ, которые имѣлъ Шандонъ, все оплачивалось чисто-ганомъ, съ надбавкою восьми процентовъ, тщательно относимыхъ Шандономъ за счетъ К. Z.

Въ январѣ 1860 года, все было въ полной готовности: экипажъ, провіантъ и грузъ. Бригъ, со своей стороны, принималъ опредѣленную форму. Шандонъ каждый день бывалъ въ Биркенгедѣ.

23 января, утромъ, по своему обыкновенію, Шандонъ находился на палубѣ одной изъ тѣхъ широкихъ паровыхъ лодокъ, которыя имѣютъ по рулю на каждой изъ своихъ оконечностей и безпрестанно совершаютъ рейсы между обоими берегами Мерсея. Въ воздухѣ стоялъ обычный туманъ, заставлявшій прѣсноводныхъ моряковъ прибѣгать къ помощи компаса, не смотря на то, что каждый рейсъ длился не болѣе десяти минутъ.

Какъ ни густъ былъ, однакожъ, туманъ, онъ не помѣшалъ Шандону замѣтить какого-то невысокаго роста, но довольно толстаго человѣка, съ интеллигентнымъ, веселымъ лицомъ и ласковыми глазами. Человѣкъ этотъ подошелъ въ Шандону, схватилъ его за обѣ руки и сталъ трясти ихъ съ горячностью, живостью и фамиллярностью «чисто южною», какъ сказалъ-бы французъ.

Однако субъектъ этотъ не былъ уроженцемъ юга; когда онъ говорилъ, то страшно жестикулировалъ; казалось, что мысль его во чтобы то ни стало должна была проявиться въ какомъ либо жестѣ или тѣлодвиженіи, иначе она могла-бы взорвать его мыслительный аппаратъ. Его глаза, маленькіе какъ у человѣка умнаго; большой подвижной ротъ, были чѣмъ-то въ родѣ

предохранительныхъ клапановъ, которыми выходилъ излишекъ его внутренняго содержанія; онъ говорилъ такъ много и быстро, что, по правдѣ сказать, Шандонъ ничего даже не понималъ.

За всѣмъ тѣмъ, онъ узналъ маленькаго человѣчка, котораго никогда не видѣлъ. Въ головѣ его промелькнула свѣтлая мысль, и въ то время, когда незнакомецъ началъ отдуваться, Шандонъ быстро проговорилъ:

– Докторъ Клоубонни?

– Онъ самъ, собственною особою! Болѣе четверти часа я ищу васъ, и у всѣхъ спрашиваю про *Forward!* Поймите-же мое нетерпѣніе! Еще пять минутъ – и я сошелъ-бы съума? Итакъ, вы помощникъ капитана, Ричардъ Шандонъ? Значитъ, вы существуете, вы не миѡ? Вашу руку, вашу руку. Позвольте мнѣ еще разъ пожать ее! Да, эта рука Ричарда Шандона. Но если существуетъ Ричардъ Шандонъ, то существуетъ и бригъ *Forward*, которымъ онъ командуетъ; если онъ командуетъ бригомъ, то отправится въ море, а если отправится въ море, то возьметъ съ собой доктора Клоубонни.

– Да, докторъ, я Ричардъ Шандонъ, бригъ-же *Forward*, отправляющійся въ плаваніе, существуютъ несомнѣнно, а не только въ одномъ воображеніи.

– Это совершенно логично, – отвѣтилъ докторъ, вдохнувъ значительное количество воздуха, – это совершенно логично. Я несказанно радуюсь этому, я на вершинѣ блаженства! Давно уже я жду такого случая, давно уже хотѣлъ предпринять подобное путешествіе. Мы увѣрены...

– Позвольте... перебилъ Шандонъ.

– Мы увѣрены, – продолжалъ докторъ, не слушая Шандона, – что съ вами мы уйдемъ далеко и не сдѣлаемъ шагу назадъ.

– Однакожъ... возразилъ Шандонъ.

– Потому что вы представили доказательства своего умѣнья, и мнѣ извѣстенъ вашъ послужной списокъ. Да, вы отличный морякъ!

– Если вы...

– Нѣтъ, я не желаю, чтобы ваше мужество, ваша храбрость, ваше искусство подвергались сомнѣнію, хотя на единую минуту, даже съ вашей стороны. Капитанъ, назначившій васъ своимъ помощникомъ, не далъ маху, увѣряю васъ!

– Да не въ томъ дѣло, – сказалъ вышедшій изъ терпѣнія Шандонъ.

– А въ чемъ-же? Ради Бога, не мучьте меня!

– Да вы не даете мнѣ сказать слова! Прежде всего, докторъ, что понудило васъ принять участіе въ экспедиціи брига *Forward'a*?

– Письмо, очень достойное письмо – вотъ оно – письмо добрѣйшаго капитана, очень лаконическое, но зато вполнѣ достаточное!

Говоря это, докторъ подаль Шандону письмо слѣдующаго содержанія:

«Инвернесъ, 22-го января 1860 года.

«Доктору Клоубонни

«Ливерпуль.

«Если доктору Клоубонни угодно отправиться на бригъ *Forward'нъ* въ продолжительное плаваніе, то онъ можетъ явиться въ помощнику капитана Ричарду Шандону, получившему въ этомъ отношеніи надлежащія инструкціи.

«Капитанъ брига *Forward*

«К. Z.».

– Письмо получено сегодня утромъ, и я готовъ сегодня-же подняться на бортъ брига.

– По меньшей мѣрѣ, вамъ извѣстна цѣль настоящей экспедиціи, докторъ? – спросилъ Шандонъ.

– Нисколько; впрочемъ, это не имѣетъ для меня никакого значенія. Главное – лишь-бы отправиться куда-нибудь! Говорятъ, будто я человѣкъ ученый. Но я ничего не знаю, и если я

издалъ кое-какія книженки, которыя расходятся недурно, то въ этомъ отношеніи я былъ не правъ. Публика слишкомъ ужъ снисходительна, если покупаетъ ихъ. Ничего я не знаю, говорю вамъ, за исключеніемъ того, что я величайшій невѣжда. Но мнѣ даютъ возможность пополнить или, скорѣе, исправить мои познанія въ медицинѣ, хирургіи, исторіи, географіи, ботаникѣ, минералогіи, конхиліологіи, геодезії, химіи, физикѣ, механикѣ и гидрографіи; ну что-жъ, я согласенъ и, увѣряю васъ, просить себя не заставляю.

– Слѣдовательно, – началъ разочарованный Шандонъ, – вамъ неизвѣстно, куда отправляется *Forward*?

– Напротивъ, извѣстно. Онъ отправляется туда, гдѣ можно чему-нибудь научиться, гдѣ можно что-нибудь открыть, сравнить, гдѣ встрѣчаются другіе обычаи, другія страны, гдѣ можно изучать другіе народы и процессъ присущихъ мнѣ функцій; словомъ, бригъ отправляется туда, гдѣ мнѣ никогда не приводилось бывать.

– Но болѣе опредѣленно? – вскричалъ Шандонъ.

– Какъ я слышалъ, – отвѣтилъ докторъ, – бригъ отправляется въ сѣверныя моря. Ну что-жъ, на сѣверъ, такъ на сѣверъ!

– По крайней мѣрѣ, – спросилъ Шандонъ, – вы знаете капитана брига?

– Нисколько! Но, повѣрьте мнѣ, это достойный человѣкъ!

Высадившись въ Биркенгедѣ, Шандонъ разъяснилъ доктору настоящее положеніе вещей, и таинственность предпріятія не замедлила воспламенить воображеніе Клоубонни. При видѣ брига онъ пришелъ въ восторгъ. Съ этого дня докторъ не разставался съ Шандономъ и каждое утро осматривалъ корпусъ *Forward'a*.

Впрочемъ, ему специально была поручена установка аптеки на бригѣ.

Клоубонни былъ докторъ и притомъ хорошій докторъ, но практикою онъ занимался мало. На двадцать пятomъ году отъ роду онъ былъ уже докторомъ медицины, какъ и всѣ, въпрочемъ, а на сороковомъ – настоящимъ ученымъ. Извѣстный всему городу, онъ былъ членомъ литературнаго и философскаго общества въ Ливерпулѣ. Его небольшое состояніе позволяло ему пользоваться больныхъ безвозмездно, что нисколько не уменьшало достоинствъ его безкорыстныхъ совѣтовъ. Любимый всѣми, какъ личность въ высшей степени обязательная, онъ никогда не причинялъ вреда ни другимъ, ни самому себѣ. Живой и, пожалуй, нѣсколько болтливый, онъ былъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, съ рукою всегда готовою помочь всѣмъ и каждому.

Какъ скоро въ городѣ узнали объ переселеніи доктора на бригъ, друзья Клоубонни дѣлали всевозможныя попытки удержать его въ городѣ, что еще больше укрѣпляло ученаго въ разѣ принятомъ имъ рѣшеніи. – Стоило только доктору гдѣ нибудь пустить корни, и едва-ли нашелся-бы человѣкъ, способный сдвинуть его съ мѣста.

Съ этого времени всякаго рода догадки, предположенія и опасенія увеличивались не по днямъ, а по часамъ, что не помѣшало, однакожъ, спустить бригъ *Forward* на воду. Черезъ два мѣсяца бригъ былъ уже готовъ къ выступленію въ море.

15-го марта, какъ сказано было въ письмѣ капитана, по эдинбургской желѣзной дорогѣ въ Ливерпуль была доставлена датская собака, по адресу Ричарда Шандона. Повидимому, то было злое, трусливое и даже злобѣщее животное, съ какими-то странными глазами. На мѣдномъ ошейникѣ было начертано слово: *Forward*. Шандонъ въ тотъ-же день принялъ собаку на бортъ и о полученіи ея отправилъ въ Ливорно увѣдомительное письмо, подѣ указанными инициалами.

Такимъ образомъ, не считая капитана, экипажъ брига *Forward'a* находился въ полномъ комплектѣ и состоялъ: 1) изъ капитана, К. Z.; 2) Ричарда Шандона, помощника капитана; 3) Джемса Уэлля, третьяго офицера; 4) доктора Клоубонни; 5) Джонсона, шкипера; 6) Симпсона, гарпунщика; 7) Белля, плотника; 8) Брентона, перваго машиниста; 9) Шовера, втораго машиниста; 10) Отронга (негра), повара; 11) Фокера, лоцмана; 12) Уольстена, оружейника; 13) Болтона, матроса; 14) Гарри, матроса; 15) Клифтона, матроса; 16) Гриппера, матроса; 17) Пэна, матроса; 18) Уэрена, кочегара.

IV. Собака-капитанъ

Бригъ долженъ былъ выйти въ море 5-го апрѣля. Присутствіе доктора на бригѣ нѣсколько успокоивало недовѣрчивые и трусливые умы; куда бы достойный ученый ни отправился, можно было смѣло слѣдовать за нимъ. Однакожь, большая часть матросовъ все-таки тревожилась, и Шандонъ, опасаясь, чтобы побѣги не произвели пробѣловъ въ рядахъ экипажа, очень желалъ выйти поскорѣе въ море. Потерявъ берега изъ виду – разсуждалъ помощникъ капитана – матросы покорятся своей участи.

Каюта доктора Клоубонни находилась на ютѣ и занимала всю кормовую часть брига. Тутъ-же были каюты капитана и его помощника, выходившія окнами на палубу. Каюту капитана наглухо заперли, снабдивъ ее различными инструментами, мебелью, носильнымъ платьемъ, книгами и утварью, указанными въ подробномъ спискѣ. По распоряженію таинственного незнакомца, ключъ отъ этой каюты былъ отправленъ въ Любекъ, слѣдовательно только капитанъ и могъ войти въ нее.

Это обстоятельство очень тревожило Шандона, такъ какъ оно лишало его многихъ шансовъ на командованіе бригомъ. Что касается его собственной каюты, то онъ отлично приспособилъ ее въ нуждамъ предстоявшаго путешествія, тѣмъ болѣе, что ему вполне были извѣстны требованія полярныхъ экспедицій.

Каюта Уэлля находилась въ помѣщеніи между двумя деками, служившими спальнею для матросовъ. Экипажу было тамъ очень просторно, и едва-ли онъ нашель-бы на другомъ суднѣ болѣе удобное для себя помѣщеніе. О матросахъ заботились, какъ дорогомъ грузѣ; посрединѣ общей залы стояла чугунная печь.

Докторъ, вступившій во владѣніе своею каютою 6-го февраля, т. е. на другой день послѣ спуска на воду брига, всецѣло предался своимъ занятіямъ.

– Счастливейшимъ животнымъ – говорилъ онъ – была-бы улитка, если-бы по своему усмотрѣнію она могла устроить себѣ раковину. Постараюсь быть разумною улиткою.

Дѣйствительно, какъ раковина, въ которой ему суждено было пробыть долго, каюта доктора принимала очень приличный видъ. Клоубонни радовался, какъ ребенокъ или какъ ученый, приводя въ порядокъ свой научный багажъ. Его книги, гербаріи, математическіе и физическіе инструменты, коллекціи термометровъ, барометровъ, гигрометровъ, подзорныхъ трубъ, компасовъ, секстантовъ, картъ, плановъ, стклянки, порошки, бутылки его походной, очень плохой, аптеки, – все это приводилось въ порядокъ, которому могъ-бы позавидовать Британскій музей. Помѣщеніе въ шесть квадратныхъ футовъ содержало въ себѣ неисчислимыя богатства; доктору стоило только протянуть руку, не сходя съ мѣста, чтобы мгновенно сдѣлаться медикомъ, математикомъ, астрономъ, географомъ, ботаникомъ или конхиліологомъ.

Надо сознаться, что онъ гордился своимъ хозяйствомъ и былъ счастливъ въ своемъ плавучемъ святилищѣ, которое могло-бы наполнить собою трое изъ его самыхъ тощихъ пріятелей. – Послѣдніе не замедлили явиться и, притомъ, въ количествѣ, стѣснительномъ даже для столь покладливаго человѣка, какъ докторъ, такъ что подъ конецъ онъ сказалъ, перефразируя извѣстное изрѣченіе Сократа:

– Мой домъ не великъ, но дай Богъ, чтобы никогда онъ не наполнялся моими друзьями.

Для полнаго описанія брига добавимъ еще, что канура датской собаки находилась какъ разъ подъ окномъ таинственной каюты отсутствующаго капитана. Но свирѣпый обитатель кануры не любилъ сидѣть въ своей берлогѣ и предпочиталъ бродить между двумя деками и въ трюмѣ брига. Повидимому, не было никакой возможности приручить его; положительно никто не могъ совладать со страннымъ характеромъ угрюмой собаки. По ночамъ, жалобный вой ея зловѣще раздавался въ глубинѣ судна.

Не тосковала-ли собака по своему отсутствующему хозяину? Не сознавала-ли она инстинктивно опасности предстоящего путешествия, не было-ли это предчувствие грядущих несчастий? Матросы высказывались охотнее в пользу последнего предположения. Правда, некоторые из них как будто и подсматривали над этим, но в душе считали собаку каким-то дьявольским отродьем.

Пэнъ,— один из матросов — человек вообще грубый, бросившись однажды отколотить собаку, неловко упал на шпиль, причем страшно разкроил себе череп. Само собою разумеется, что этот случай был отнесен также на счет нечистой силы животного.

Клифтонъ, суевѣрный человек из всего экипажа, замѣтилъ, что, находясь на ютѣ, собака постоянно ходила на подвѣтренной сторонѣ; даже позже, когда бригъ находился уже въ морѣ и когда ему приходилось лавировать, странное животное, послѣ каждого поворота, перемѣняло мѣсто и упорно держалось подвѣтренной стороны, словно настоящий капитанъ *Forward'a*.

Докторъ Клоубонни, который своею кротостью и ласковостью могъ-бы, казалось, смирить тигра, бесполезно старался снискать благосклонность собаки, и только даромъ потратилъ при этомъ свои труды и время.

Такъ какъ собака не откликалась ни на одно имя «собачьяго» календаря, то матросы под конецъ стали называть ее Капитаномъ, потому что она отлично знала всѣ морскіе порядки и, очевидно, не разъ уже побывала въ плаваніи.

Понятны, поэтому, забавный отвѣтъ боцмана пріятелю Клифтона и причина, по которой предположеніе его не встрѣтило довѣрія среди матросовъ. Некоторые, правда и улыбались, вспоминая курьезный отвѣтъ боцмана, тѣмъ не менѣе были вполне увѣрены, что въ одинъ прекрасный день собака приметъ человѣческій образъ и на бригъ раздастся громкая команда настоящаго капитана.

Если Ричардъ Шандонъ и не опасался этого, то, во всякомъ случаѣ, не былъ совершенно покоенъ и питалъ кое-какія сомнѣнія, разрѣшить которыя надѣялся 5-го апрѣля вечеромъ, въ бесѣдѣ съ докторомъ, Уэллемъ и Джонсономъ.

Всѣ четверо оканчивали уже по-десятому стакану грога, безъ сомнѣнія не послѣдному, потому что, согласно съ инструкціями, изложенными въ письмѣ изъ Абердина, во время плаванія брига вся команда, начиная съ капитана и кончая кочегаромъ, не получала ни вина, ни пива. Крепкіе напитки отпускались только по случаю болѣзни да и то по предписанію доктора!

Около часу уже бесѣдовали объ отъѣздѣ. Если всѣ распоряженія капитана должны осуществиться, то Шандонъ получитъ завтра письмо, содержащее въ себѣ послѣднія инструкціи.

— Если это письмо,— говорилъ Шандонъ,— не объявитъ мнѣ имени капитана, то, по крайней мѣрѣ, укажетъ мѣсто назначенія брига. Безъ этого, куда-же мы отправимся?

— На вашемъ мѣстѣ,— отвѣтилъ нетерпѣливый докторъ,— я уѣхалъ-бы не выжидая. Могу васъ увѣрить, что письмо, которое вы ждете, попадетъ къ намъ въ свое время.

— Вы ни въ чемъ не сомнѣваетесь, докторъ! Но не угодно-ли вамъ сказать, въ какую страну свѣта направили-бы вы корабль?

— Къ сѣверному полюсу! Это само собою разумеется,— тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Ни малѣйшаго сомнѣнія! — протянулъ Уэлль. Но почему-же не къ южному полюсу?

— Съ южному? вскричалъ докторъ. Никогда! Неужели капитанъ желаетъ, чтобы бригъ прошелъ весь Атлантическій океанъ? Подумайте только объ этомъ, любезный другъ!

— У доктора на все готовъ отвѣтъ,— сказалъ Уэлль.

— Положимъ, что и на сѣверъ,— началъ опять Шандонъ. Но объясните, докторъ: къ Шпицбергену, въ Гренландію, въ Лабрадоръ, въ Баффиновъ заливъ? Если всѣ дороги ведутъ къ одному мѣсту, т. е. къ непроходимымъ льдамъ, то, во всякомъ случаѣ, дорогъ этихъ очень

много, и я очень-бы затруднился на счетъ выбора той или другой изъ нихъ. Можете-ли вы дать на это категорическій отвѣтъ?

– Нѣтъ,– отвѣтилъ Клоубонни, досадуя, что не можетъ ничего сказать. Но въ случаѣ неполученія письма какъ вы намѣрены поступить?

– Да никакъ: стану ждать.

– Вы не уѣдете? – вскричалъ докторъ, отчаянно потрясая своимъ стаканомъ.

– Нѣтъ, не уѣду.

– Это будетъ всего благоразумнѣе,– спокойно замѣтилъ Джонсонъ въ то время, какъ докторъ ходилъ вокругъ стола, по тому что ему не сидѣлось на мѣстѣ. Да, это будетъ благоразумнѣе, хотя дальнѣйшая проволочка можетъ имѣть непріятныя послѣдствія. Во первыхъ, теперь время года самое благопріятное, и если рѣшено, что мы отправимся на сѣверъ, то необходимо воспользоваться таяньемъ льдовъ для того, чтобы пройти Дэвисовъ проливъ. Во-вторыхъ, экипажъ все больше и больше волнуется; друзья да товарищи подбиваютъ нашихъ матросовъ оставить бригъ, и – повѣрьте мнѣ – происки ихъ могутъ сыграть съ нами плохую шутку.

– Къ тому-жъ,– добавилъ Уэлль,– если среди матросовъ обнаружится паника, то они сбѣгутъ всѣ до послѣдняго, и я не знаю, какъ вы наберете тогда новую команду.

– Но что-же дѣлать? – вскричалъ Шандонъ.

– То, что вы сказали: ждать, но ждать только до завтрашняго дня и не отчаяваться. Обѣщанія капитана исполнялись до сихъ поръ съ точностью; поэтому, нѣтъ причинъ опасаться, чтобы въ свое время мы не получили инструкцій относительно назначенія брига. Что касается до меня, лично, то я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что завтра мы будемъ уже въ Ирландскомъ морѣ, а потому, друзья мои, предлагаю вамъ выпить послѣдній стаканъ грога за успѣхъ нашего плаванія. Оно начинается при нѣскольکو сомнительныхъ условіяхъ, но съ моряками, подобными вамъ, имѣетъ тысячу шансовъ на благопріятный исходъ.

И всѣ четверо въ послѣдній разъ чокнулись стаканами.

– А теперь,– началъ Джонсонъ, обращаясь къ Шандону,– если позволите дать вамъ совѣтъ,– приготовьте все въ отъѣзду. Необходимо, чтобы экипажъ былъ убѣжденъ, что въ дѣйствіяхъ своихъ вы вполнѣ увѣрены. Получится-ли завтра письмо, не получится-ли, но вы отправляйтесь. Не разводите паровъ; вѣтеръ, повидимому, установился, и ничего не можетъ быть легче, какъ спуститься по теченію. Пусть лоцманъ взойдетъ на бортъ; въ часъ отлива вы выйдете изъ доковъ и станете на якорь за бирвенгедскимъ мысомъ; наши люди не будутъ имѣть никакихъ сношеній съ берегомъ, и если этому дьявольскому письму суждено попасть въ наши руки, то, повѣрьте, оно сѣумѣетъ найти насъ за мысомъ, какъ и вездѣ, впрочемъ.

– Умно сказано, Джонсонъ! – замѣтилъ докторъ, протягивая руку старому моряку.

– Пусть будетъ по вашему! – согласился Шандонъ.

Послѣ этого каждый отправился въ свою каюту и, въ тревожномъ снѣ, сталъ ожидать солнечнаго восхода.

На слѣдующій день первая разноска писемъ уже окончилась, а между тѣмъ Ричардъ Шандонъ не получилъ ни строки.

Не смотря на то, помощникъ капитана дѣятельно приготовлялся къ отплытію. Слухъ объ этомъ пронесся по всему Ливерпулю и, какъ уже мы видѣли, громадная толпа зрителей хлынула къ набережной Новыхъ доковъ принца.

Многіе приходили на бригъ, чтобы въ послѣдній разъ обнять товарища, другіе – чтобы отсовѣтовать пріятелю принимать участіе въ таинственной экспедиціи, третьи,– чтобы взглянуть на странное судно, наконецъ четвертые,– чтобы узнать цѣль путешествія. Многіе даже изъявляли неудовольствіе по поводу того, что Шандонъ былъ молчаливѣе и сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно.

Но у него имѣлись на то свои уважительныя причины.

Пробило десять, пробило и одиннадцать часовъ. Отливъ долженъ былъ кончиться къ первому часу. Шандонъ тревожно поглядывалъ на толпу, стараясь разгадать свою судьбу по выраженію лица кого либо изъ посѣтителей. Напрасныя старанія! Матросы молча исполняли приказанія помощника капитана, не спуская съ него глазъ и все ждали какой-либо вѣсти, которая однако не приходила.

Джонсонъ оканчивалъ послѣднія приготовленія къ отъѣзду. Погода стояла пасмурная; внѣ доковъ развело сильное волненіе; дулъ довольно крѣпкій юго-восточный вѣтеръ, но выйти изъ Мерсея не представляло никакихъ затрудненій.

Полдень... Опять ничего... Докторъ страшно взволнованный быстро ходилъ по палубѣ, поглядывая по сторонамъ, жестикулировалъ, и «жаждалъ моря», какъ онъ выражался съ нѣкотораго рода латинскою элегантною. Клоубонни былъ сильно взволнованъ, какъ ни старался преодолѣть себя. Шандонъ до крови кусалъ себѣ губы.

Въ эту минуту подошелъ Джонсонъ.

— Если вы хотите воспользоваться отливомъ,— сказалъ онъ — то времени терять не слѣдуетъ. Раньше часа мы не выйдемъ изъ доковъ.

Шандонъ въ послѣдній разъ поглядѣлъ вокругъ себя и взглянулъ на цифирблатъ. Былъ уже первый часъ.

— Снимайтесь! сказалъ онъ шкиперу.

— Эй вы, проваливайте! крикнулъ Джонсонъ, приказывая постороннимъ очистить палубу брига.

Въ толпѣ произошло нѣкоторое движеніе, а матросы, между тѣмъ, отвязывали послѣдніе причалы.

Неизбѣжный беспорядокъ, производимый любопытными, которыхъ матросы безцеремонно спроваживали съ палубы, усиливался еще воемъ собаки. Таинственный догъ сталъ вдругъ протискиваться чрезъ густую толпу посѣтителей. Онъ глухо лаялъ.

Собака дала дорогу; она вспрыгнула на ютъ и, трудно повѣрить,— однако подтвердить это могутъ тысячи свидѣтелей,— таинственное животное держало въ зубахъ письмо.

— Письмо,— вскричалъ Шандонъ,— значить *онъ* не на бригѣ?

— Безъ сомнѣнія, онъ былъ здѣсь, но теперь его уже нѣтъ,— отвѣтилъ Джонсонъ, показывая на палубу, совершенно очищенную отъ толпы праздныхъ зрителей.

— Капитанъ, Капитанъ! Сюда! — кричалъ докторъ, стараясь схватить письмо, которое собака не давала ему, дѣлая сильные скачки. Казалось, она хотѣла отдать пакетъ только самому Шандону.

— Сюда, Капитанъ! — крикнулъ морякъ.

Собака подошла къ нему. Шандонъ безъ труда взялъ письмо, послѣ чего Капитанъ три раза громко залаялъ посреди глубокой тишины, царившей на бригѣ и набережной.

Шандонъ держалъ въ рукѣ письмо, не вскрывая его.

— Да читайте-же! — вскричалъ нетерпѣливо докторъ.

Шандонъ посмотрѣлъ на конвертъ. Въ адресѣ безъ числа и мѣста значилось:

«Помощнику капитана, Ричарду Шандону, на бригѣ *Forward*.»

Шандонъ распечаталъ письмо и прочиталъ:

«Отправляйтесь къ мысу Фаревелю, куда вы прибудете 20 апрѣля. Если капитанъ не явится, вы пройдете Дэвисовъ проливъ и подниметесь въ Баффиновомъ морѣ до мыса Мельвиля.»

«Капитанъ брига *Forward*»

«K. Z.»

Шандонъ тщательно сложилъ это лаконическое письмо, сунулъ его въ карманъ и отдалъ приказаніе объ отплытіи. Голосъ его, раздававшійся среди завываній восточнаго вѣтра, звучалъ какъ-то торжественно.

Вскорѣ бригъ былъ уже внѣ доковъ и, направляемый лоцманомъ, маленькая лодочка котораго шла не вдалекѣ, вошелъ въ фарватеръ Мерсея. Толпа повалила на внѣшнюю набережную доковъ Викторіи, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на загадочное судно. Быстро подняли паруса и *Forward*, достойный своего имени, обогнувъ Биркенгедскій мысъ, полнымъ ходомъ вступилъ въ Ирландское море.

V. Въ открытомъ морѣ

Неровный, порывистый, но попутный вѣтеръ разразился сильными апрѣльскими шква-лами. *Forward* быстро разсѣкалъ пѣнившіяся волны; бездѣйствовавшій винтъ нисколько не мѣшалъ движенію брига. Къ тремъ часамъ встрѣтили пароходъ, поддерживающій постоянное сообщеніе между Ливерпулемъ и островомъ Мэномъ. Капитанъ парохода окликнулъ бригъ, и это было послѣднее слово напутствія, слышанное экипажемъ *Forward'a*.

Въ пять часовъ лоцманъ сдалъ командованіе бригомъ Ричарду Шандону и пересѣлъ въ свою лодочку, которая вскорѣ скрылась изъ вида на юго-западѣ.

Къ вечеру бригъ обогнулъ мысъ Мэна, на южной оконечности этого острова. Ночью море сильно волновалось; *Forward* шелъ по прежнему отлично, оставилъ мысъ Эръ на сѣверо-западѣ и направился къ Сѣверному каналу.

Джонсонъ былъ правъ: въ открытомъ морѣ морской инстинктъ матросовъ одержалъ верхъ надъ всякаго рода соображеніями. Замѣтивъ, какъ надеженъ бригъ, они забыли даже исключительность своего положенія; морская жизнь установилась правильно.

Докторъ съ наслажденіемъ вдыхалъ морской воздухъ; во время шкваловъ онъ бодро ходилъ по палубѣ и – принимая во вниманіе его профессию – у него оказались достаточно твердыя «морскія ноги».

– Что ни говорите, а море – прекрасная вещь, говорилъ однажды Клоубонни Джонсону, поднимаясь на палубу послѣ завтрака. Я поздно познакомился съ нимъ, но постараюсь наверстать потерянное.

– Вы правы, докторъ; я готовъ отдать всѣ материки за частицу океана. Говорятъ, будто морякамъ скоро надоѣдаетъ ихъ ремесло. Но я сорокъ лѣтъ уже хожу по морю, а между тѣмъ оно такъ-же нравится мнѣ теперь, какъ и въ то время, когда я первый разъ отправился въ плаваніе.

– Какое наслажденіе чувствовать подъ собою надежный корабль и, если не ошибаюсь, *Forward* ведетъ себя молодцемъ.

– Вы не ошибаетесь, докторъ, – сказалъ Шандонъ, подходя къ собесѣдникамъ. *Forward* – отличное судно и, должно сознаться, что никогда ни одинъ корабль, предназначенный для плаванія въ полярныхъ моряхъ, не былъ лучше снаряженъ и экипированъ. Это напоминаетъ мнѣ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ капитанъ Джемсъ Россъ, отправившись для открытія Сѣверо-западнаго прохода...

– На бригъ *Побѣда* (*Victoire*), – съ живостью перебилъ докторъ, – такой-же почти вмѣстимости, какъ и *Forward*, и также имѣвшемъ машину.

– Какъ? Это вамъ извѣстно?

– Судите сами, – продолжалъ докторъ. Въ то время машины находились, такъ сказать, въ младенчествѣ и машина брига *Побѣда* была причиною многихъ и непріятныхъ задержекъ. Капитанъ Джемсъ Россъ, бесполезно починявшій ее по частямъ, кончилъ тѣмъ, что разобралъ и бросилъ на первой-же зимней стоянкѣ.

– Чортъ побери! – вскричалъ Шандонъ. Да вы знаете всѣ подробности не хуже меня самого!

– Что прикажете! – скромно продолжалъ докторъ. Я пробѣжалъ сочиненія Парри, Росса, Франклина, донесенія Макъ-Клюра, Кеннеди, Кэна, Макъ-Клинтока, кое-что и осталось въ памяти. Добавлю еще, что тотъ-же Макъ-Клинтокъ, на винтовомъ, въ родѣ нашего, бригѣ *Лисица* (*Fox*) гораздо легче и успѣшнѣе достигъ своей цѣли, чѣмъ его предшественники.

– Совершенно вѣрно, – отвѣтилъ Шандонъ. Макъ-Клинтокъ – отважный морякъ: я видѣлъ его на дѣлѣ. Можете добавить еще, что, подобно ему, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мы будемъ въ Дэвисо-

вомъ проливѣ: удайся намъ только пробраться между льдами, и путешествіе наше значительно подвинется впередъ.

– Если только, сказалъ докторъ, насъ съ перваго-же года не затретъ – какъ это было съ *Лисицей* въ 1857 году – льдами въ Баффиновомъ морѣ и мы не зазимуемъ среди ледяныхъ горъ.

– Надо надѣяться, что мы будемъ счастливы, – отвѣтилъ Джонсонъ. Если ужъ на суднѣ, подобномъ *Forward'u*, нельзя прійти куда хочешь, то придется на все махнуть рукой.

– Впрочемъ, – началъ опять докторъ, – если капитанъ будетъ находиться на бригѣ, то конечно не затруднится какъ слѣдуетъ ему поступить въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что мы совершенно не знаемъ его намѣреній. Крайне лаконическое письмо не позволяетъ намъ разгадать цѣль экспедиціи.

– Достаточно уже и того, – съ живостью отвѣтилъ Шандонъ, – что намъ извѣстно, какого держаться пути. Полагаю, что втеченіе цѣлаго мѣсяца мы можемъ обойтись безъ сверхъестественнаго вмѣшательства незнакомца и его инструкцій. Впрочемъ, на счетъ этого мое мнѣніе вамъ извѣстно.

– Подобно вамъ, я всегда былъ убѣжденъ, – замѣтилъ докторъ, – что этотъ таинственный капитанъ оставить за вами командованіе бригомъ и никогда не появится, но...

– Но? – съ нѣкоторымъ отѣнкомъ неудовольствія спросилъ Шандонъ.

– Со времени полученія втораго письма, я думаю иначе.

– Это почему?

– А потому, что если это письмо указываетъ вамъ путь, то не разъясняетъ назначенія брига; между тѣмъ, необходимо знать, куда именно мы идемъ. Мы находимся въ открытомъ морѣ, и я спрашиваю васъ: естьли какая нибудь возможность получить третье письмо? Въ Гренландіи, какъ я не безъ основанія полагаю, почтовая часть оставляетъ желать очень многого. Вотъ видите-ли, Шандонъ, по моему мнѣнію, капитанъ ждетъ насъ въ какомъ-нибудь датскомъ поселеніи, въ Гостейнборгѣ или Уппернавикѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ отправился туда для пополненія груза тюленьихъ шкуръ, покупки собакъ и саней, и заготовки всего необходимаго для полярныхъ экспедицій. Поэтому, меня нисколько не изумитъ, если въ одно прекрасное утро онъ выйдетъ изъ своей каюты и совершенно спокойно станетъ распоряжаться на бригѣ.

– Быть можетъ, – сухо замѣтилъ Шандонъ; однако, вѣтеръ свѣжѣетъ и было-бы неблагоприятно во время такой погоды рисковать своими брамселями.

Шандонъ оставилъ доктора и приказалъ убрать верхніе паруса.

– Однако, онъ упорно стоитъ на своемъ, – замѣтилъ докторъ шкиперу.

– Да, – отвѣтилъ послѣдній, – и это тѣмъ непріятнѣе, докторъ, что, быть можетъ, вы правы.

Въ субботу, подъ вечеръ, *Forward* обогнулъ Галловейскій мысъ, маякъ котораго былъ замѣченъ на сѣверо-востокѣ. Ночью бригъ оставилъ мысы Кантайръ и Фэръ, къ тремъ часамъ прошелъ островъ Ратлинъ и Сѣвернымъ каналомъ вступилъ въ океанъ.

Это было въ воскресенье, 8 апрѣля. Англичане вообще, а англійскіе матросы въ особенности чтятъ воскресный день, и докторъ охотно принялъ на себя чтеніе библіи, что заняло добрую часть утра.

Вѣтеръ, принимавшій по временамъ размѣры урагана, грозилъ снести бригъ къ ирландскому берегу; волненіе было очень значительное, качка – крайне утомительная. Если у доктора не обнаружилось морской болѣзни, то потому только, что онъ этого не хотѣлъ, хотя мудренаго въ томъ ничего бы не было. Въ полдень, мысъ Мелингедъ скрылся изъ вида на югѣ; то былъ послѣдній клочекъ европейскаго материка, видѣнный отважными мореходами, и не одинъ изъ тѣхъ, кому не суждено было снова увидѣть этотъ мысъ, долго слѣдилъ за нимъ своими взорами.

Съ помощью секстанта и хронометра опредѣлили положеніе брига. Получили 55°57' сѣв. широты и 7°40' долготы, по гринвичскому меридіану.

Ураганъ стихъ къ девяти часамъ вечера; *Forward*, нисколько не убавляя ходу, держаль курсъ на сѣверо-западъ. Въ этотъ день можно было сдѣлать оцѣнку морскихъ качествъ брига; ливерпульскіе моряки не ошиблись: *Forward* оказался отличнымъ паруснымъ судномъ.

Втеченіе нѣсколькихъ дней бригъ быстро подвигался на сѣверо-западъ; вѣтеръ отошелъ въ югу; море сильно волновалось; *Forward* шель подъ полными парусами. Буревѣстники и пuffedины цѣлыми стаями носились надъ ютомъ; докторъ очень ловко застрѣлил одного изъ пuffedиновъ, и птица упала на бригъ.

Симпсонъ, гарпунщикъ, взялъ ее и подалъ Клоубонни.

– Плохая дичь, докторъ, – сказалъ онъ.

– Изъ которой можно приготовить отличное кушанье.

– Какъ? Вы станете ѣсть эту дрянъ?

– Да, и вы тоже, – засмѣялся Клоубонни.

– Бррр! – отвѣтилъ Симпсонъ. Мясо этой птицы отдаетъ ворванью и маслянисто, какъ у всѣхъ морскихъ птицъ.

– Ладно! – сказалъ докторъ. Я особеннымъ способомъ изготавлю эту дичь, и если послѣ того вы признаете въ ней морскую птицу, то я готовъ во всю жизнь не застрѣлить ни одного пuffedина.

– Значить, вы ко всему еще и поваръ? спросилъ Джонсонъ.

– Ученый человѣкъ всего долженъ знать понемножку.

– Въ такомъ случаѣ, берегись, Симпсонъ, – сказалъ Джонсонъ. Докторъ – человѣкъ ловкій; пожалуй, онъ заставитъ насъ принять *ruffin*'а за отличную куропатку.

Клоубонни однако сказалъ правду и не ударилъ въ грязь лицомъ. Онъ искусно снялъ съ пuffedина слой жира, лежащій подъ кожею и въ особенности на ногахъ и устранилъ такимъ образомъ затхлость и запахъ рыбы, столь непріятные въ этой птицѣ. Приготовленнаго такимъ образомъ *ruffin*'а всѣ, а въ томъ числѣ и самъ Симпсонъ, призвали отличною дичью.

Во время послѣдняго урагана Шандонъ могъ вполне оцѣнить достоинства своего экипажа. Онъ изучалъ каждого матроса отдѣльно, что обязанъ дѣлать каждый благоразумный начальникъ судна, желающій предупредить въ будущемъ большія опасности. Онъ зналъ теперь, на кого можно разсчитывать.

Джемсъ Уэлль душею и тѣломъ билъ преданъ Шандону; всякое дѣло онъ понималъ хорошо, былъ хорошій исполнитель, но ему не доставало инициативы дѣйствія. Въ качествѣ второстепеннаго должностнаго лица на бригъ, онъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ.

Джонсону, человѣку испытанному въ борьбѣ съ моремъ, вдоволь постраниествовавшему по арктическому океану, учиться хладнокровію и отвагѣ не предстояло надобности.

Симпсонъ, гарпунщикъ, и Бэлль, плотникъ, были люди надежные, рабы своего долга и дисциплины. Фокеръ, воспитанный въ школѣ Джонсона, могъ оказать экспедиціи большія услуги.

Изъ другихъ матросовъ, Гарри и Больтонъ, повидимому, принадлежали къ числу лучшихъ. Больтонъ, человѣкъ веселый и словоохотливый, считался на бригѣ чѣмъ-то въ родѣ балагура; Гарри, малый лѣтъ тридцати пяти, имѣлъ энергическое лицо, но былъ нѣсколько блѣденъ и задумчивъ.

Матросы Клифтонъ, Грипперъ и Панъ, повидимому, менѣе пылкіе и рѣшительные, не прочь была при случаѣ и пороптать. Грипперъ, въ моментъ отъѣзда брига, хотѣлъ даже отказаться отъ принятыхъ обязательствъ, и только чувство стыда удержало его на *Forward*'н. Если все шло хорошо, не предстояло надобности подвергаться слишкомъ большимъ опасностямъ и работать черезчуръ усиленно, то на этихъ трехъ матросовъ можно было вполне разсчитывать. Но имъ необходима была питательная пища, потому что сердце у нихъ находилось, такъ сказать, въ желудкѣ. Хотя и предупрежденные заранѣе, они съ трудомъ осваивались съ своимъ

положеніемъ, за обѣдомъ скорбѣли объ отсутствіи водки, джина и старались наверстать недостающее на кофе и чаѣ, отпускавшихся на бригъ съ нѣкоторою расточительностью.

Что касается двухъ машинистовъ, Брентона и Пловера, и кочегара Уэрена, то до сихъ поръ они рѣшительно ничего не дѣлали и только прохаживались или сидѣли скрестивши на груди руки. Итакъ, Шандонъ зналъ, что онъ могъ думать о каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ.

14-го апрѣля *Forward* пересѣкъ большое теченіе гольфстрема, которое направляется вдоль восточныхъ береговъ Америки, доходить до Ньюфаундлэндъ, затѣмъ уклоняется на сѣверо-востокъ подъ 51°37' широты и 22°58' долготы въ двухстахъ миляхъ отъ Гренландіи. Становилось холодно; термометръ опустился до тридцати двухъ градусовъ (0° стоградуснаго термометра)⁸, т. е. до точки замерзанія.

Докторъ, не находя нужнымъ одѣваться потеплѣе, вырядился, подобно матросамъ и должностнымъ лицамъ брига. Любо было поглядѣть, какъ щеголялъ Клоубони въ высокихъ сапогахъ, въ которые онъ, такъ сказать, входилъ всею своего особою, въ широкой клеенчатой шляпѣ и въ такихъ-же панталонахъ и жакетѣ. Во время сильныхъ дождей, или когда большія волны перекачивались чрезъ палубу, докторъ былъ похожъ на какое-то морское животное. Надо замѣтить, что сходство это чрезвычайно льстило его самолюбію.

Втеченіе двухъ дней море не утихало; сѣверо-восточный вѣтеръ сильно замедлялъ движеніе брига. Отъ 14-го до 16-го апрѣля продолжалось сильное волненіе, но въ понедѣльникъ полилъ проливной дождь, почти мгновенно успокоившій разбушевавшееся море. Шандонъ обратилъ вниманіе доктора на это обстоятельство.

— Этимъ подтверждаются интересныя наблюденія китобоя Скоресби, такого-же члена королевскаго ливерпульскаго общества, какъ я самъ,— сказалъ докторъ. Вы замѣчаете, что во время дождя волненіе почти улегается, даже при сильномъ вѣтрѣ. Напротивъ, въ сухую погоду море волнуется и отъ слабаго вѣтерка.

— Какъ-же объясняютъ этотъ феноменъ, докторъ.

— Очень просто: его не объясняютъ.

Въ это время лоцманъ, стоявшій на вахтѣ на брамрѣ, замѣтилъ водъ вѣтромъ плавающія массы льда.

— Ледяныя горы подъ этою широтою! — вскричалъ докторъ.

Шандонъ взглянулъ въ подзорную трубу по указанному направленію и подтвердилъ заявленіе лоцмана.

— Вотъ такъ штука! — сказалъ докторъ.

— Это васъ удивляетъ? — замѣтилъ смѣясь Шандонъ. Неужели мы на столько счастливы, что, наконецъ, можемъ чѣмъ-либо удивить васъ?

— Это изумляетъ меня, нисколько, однакожъ, не удивляя,— улыбаясь отвѣтилъ докторъ,— потому что бригъ *Ann de Poole*, изъ Гринспонда, въ 1813 году, подъ сорокъ четвертымъ градусомъ широты, былъ затертъ ледяными горами. Дэнентъ, капитанъ брига, насчитывалъ ихъ цѣлыми сотнями.

— Значить,— сказалъ Шандонъ,— и въ этомъ отношеніи мы кое-чему можемъ поучиться у васъ.

— Очень немногому,— скромно отвѣтилъ докторъ,— на исключеніемъ развѣ того, что ледяныя горы встрѣчались и подъ менѣ высокими широтами.

— Это мнѣ хорошо извѣстно, любезный докторъ, потому что состоя юнгою на канонерской лодкѣ *Fly*...

— Въ 1818 году,— продолжалъ докторъ,— въ концѣ марта, вы прошли между двумя плавающими ледяными островами, подъ сорокъ вторымъ градусомъ широты.

— Ну, это ужъ чересчуръ! — вскричалъ Шандонъ.

⁸ Дѣло идетъ о термометрѣ Фаренгейта.

– Зато совершенно справедливо. Следовательно, я не имѣю поводов удивляться, тому что, находясь на два градуса сѣвернѣе, *Forward* встрѣтилъ ледяную гору.

– Вы, докторъ,– настоящий кладѣзь учености, изъ котораго остается черпать были-бы только ведра.

– О, я изсякну гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете. Но если-бы мы сами могли наблюдать этотъ интересный феноменъ,– я былъ-бы счастливѣйшемъ докторомъ въ мірѣ!

– Я и самъ тоже думаю. Джонсонъ,– сказалъ Шандонъ, обращаясь къ шкиперу,– мнѣ кажется, что вѣтеръ какъ будто начинаетъ свѣжѣть.

– Да,– отвѣтилъ шкиперъ. Но мы подвигаемся очень медленно, и вскорѣ теченіе Дэвисова пролива дастъ таки себяпочувствовать.

– Вы правы, Джонсонъ. Если мы хотимъ быть 20-го апрѣля въ виду мыса Фаревеля,– необходимо идти подъ парами, иначе насъ снесетъ къ берегамъ Лабрадора. Г. Уэлль, прикажите развести огонь въ машинѣ.

Приказаніе Шандона было исполнено; черезъ часъ пары достигли достаточной степени давленія; паруса были убраны и винтъ, бурля воду своею спиралью, мощно ринулъ бригъ противъ сѣверо-западнаго вѣтра.

VI. Большое полярное течение

Вскорѣ многочисленныя стаи буревѣстниковъ, ruffin'овъ и морскихъ чаекъ – обитателей этихъ печальныхъ странъ – возвѣстили о близости Гренландіи. *Forward* быстро подвигался къ сѣверу, оставляя за собою длинную полосу чернаго дыма.

Во вторникъ 17-го апрѣля, къ одиннадцати часамъ утра, лоцманъ заявилъ о первомъ появленіи ледянаго *blink'a*⁹ миль на двадцать къ сѣверо-западу. Эта ослѣпительно бѣлая полоса, не смотря на присутствіе довольно густыхъ облаковъ, ярко освѣщала сосѣднія съ линіею горизонта части атмосферы. Опытные моряки не могли ошибиться на счетъ этого феномена и по силѣ преломленія лучей свѣта заключили, что *blink* идетъ отъ широкой ледяной поляны, находившейся внѣ поля зрѣнія миль на тридцать отъ брига.

Къ вечеру подулъ южный попутный вѣтеръ; Шандонъ, въ видахъ экономіи, приказалъ поднять паруса и прекратилъ топку машины. *Forward* подъ марселями и фокселемъ быстро направился къ мысу Фаревелю.

18-го числа, въ три часа, было замѣчено ледяное течение (*ice stream*) бѣлой, неширокой, но блестящей и рѣзкой полосой отдѣлявшее линіи неба и моря. Повидимому, течение скорѣе шло отъ береговъ Гренландіи, чѣмъ изъ Дэвисова пролива, потому что льды преимущественно держатся на западныхъ берегахъ Баффинова моря. Часъ спустя, *Forward* пробирался уже между отдѣльными льдинами теченія; въ самыхъ плотныхъ частяхъ *ice stream'a*, льдины повиновались движенію зыби, не смотря на то, что были крѣпко соединены между собою.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, часовой примѣтилъ какой-то корабль: то былъ датскій корветъ *Valkirien*, шедшій къ Ньюфаундлэнду. Сила теченія пролива начала сказываться въ значительной степени; чтобы противустоять ей вынуждены были поднять побольше парусовъ.

Шандонъ, докторъ, Джемсъ Уэлль и Джонсонъ стояли на ютѣ, наблюдая силу и направление *ice stream'a*. Докторъ спросилъ, доказано-ли постоянное существованіе теченія въ Баффиновомъ морѣ.

– Вполнѣ, – отвѣтилъ Шандонъ, – парусныя суда съ трудомъ поднимаются противъ него.

– Тѣмъ болѣе, – добавилъ Джемсъ Уэлль, – что течение встрѣчается на восточныхъ берегахъ Америки и западныхъ берегахъ Гренландіи.

– Въ такомъ случаѣ это въ значительной мѣрѣ подкрѣпляетъ мнѣніе моряковъ, старающихся открыть сѣверо-западный проходъ, сказалъ докторъ. Течение это приблизительно дѣлаетъ пять миль въ часъ, слѣдовательно, трудно допустить, чтобы оно началось въ заливѣ.

– Ваше мнѣніе тѣмъ основательнѣе, докторъ, – замѣтилъ Шандонъ, – что потокъ направляется съ сѣвера на югъ, а въ Беринговомъ заливѣ существуетъ другое течение, идущее съюга на сѣверъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, дающее начало первому.

– Такимъ образомъ, господа, – сказалъ докторъ, – необходимо допустить, что Америка совершенно отдѣлена отъ полярнаго материка и что воды Тихаго океана прямо изливаются въ Атлантическій океанъ. Впрочемъ, вслѣдствіе болѣе высокаго уровня перваго, воды его необходимо должны направляться къ морямъ Европы.

– Но, – возразилъ Шандонъ, – должны же существовать какія нибудь фактическія данныя, въ подтвержденіе такой теоріи. Если-же они существуютъ, – не безъ ироніи добавилъ онъ, – то нашъ всевѣдущій ученый долженъ знать ихъ.

– Еще бы не знать! И, если только это васъ интересуетъ, – любезно отозвался докторъ, – готовъ подѣлиться съ вами моими знаніями. Вотъ факты: китовъ, раненыхъ въ Дэвисовомъ проливѣ, нѣсколько времени спустя убивали по близости береговъ Монголіи, причемъ въ тѣлѣ ихъ еще торчали европейскія остроги.

⁹ Особеннаго рода блестящій отгѣнокъ, принимаемый атмосферою надъ большими ледяными пространствами.

– Если они не обогнули мысь Горнъ или мысь Доброй Надежды, то по необходимости должны были обойти вокруг сѣверныхъ береговъ Америки. Это неопровержимо, докторъ, – замѣтилъ Шандонъ.

– Но для того, чтобы вполне убѣдить васъ, любезный Шандонъ, – улыбаясь сказалъ Клаубонни, – я могъ-бы представить и другіе факты, наприкладъ, присутствіе въ Дэвисовомъ проливѣ большаго количества плавучихъ деревьевъ, лиственницъ, тополей и другихъ древесныхъ породъ, свойственныхъ тропическимъ странамъ. Извѣстно, что гольфстремъ не позволилъ-бы этимъ деревьямъ достигнуть пролива; но если они выходятъ изъ него, то попасть въ него могли только чрезъ Беринговъ проливъ.

– Я вполне убѣжденъ, докторъ; впрочемъ, трудно было бы оставаться необуѣжденнымъ въ виду доводовъ, представленныхъ такимъ человѣкомъ какъ вы.

– Кстати, – сказалъ Джонсонъ, – вотъ предметъ, который: разрѣшить наше недоумѣніе. Я вижу въ морѣ довольно большихъ размѣровъ дерево, и если г. Шандону угодно будетъ позволить, мы поднимемъ на бортъ этотъ деревянный стволъ и спросимъ у него, какъ называется страна, въ которой онъ родился.

– И отлично! – вскричалъ докторъ. Сначала правило, затѣмъ подтверждающій его фактъ.

Шандонъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе, и бригъ направился къ указанному дереву, которое не безъ труда было поднято на бортъ.

То былъ стволъ краснаго дерева, до самой сердцевины источенный червями, безъ чего онъ, впрочемъ, и не могъ бы плавать по водѣ.

– Вотъ убѣдительнѣйшее доказательство! съ восторгомъ вскричалъ докторъ. Дерево это не могло быть занесено въ Дэвисовъ проливъ теченіями Атлантическаго океана; съ другой, стороны, рѣки Сѣверной Америки тоже не могли занести его въ полярный бассейнъ, потому что красное дерево растетъ только подъ экваторомъ. Ясно, какъ Божій день, что оно прямо-хонько изъ Берингова пролива. Впрочемъ, посмотрите, господа, на этихъ червей: они водятся только въ теплыхъ странахъ.

– Это опровергаетъ мнѣніе людей, недопускающихъ существованіе знаменитаго прохода.

– Это положительно убиваетъ ихъ! – вскричалъ восторженно докторъ. Я постараюсь начертить маршрутъ этого дерева. Оно занесено въ Тихій океанъ какою-нибудь рѣкою Панамскаго перешейка или Гватемалы; теченіе увлекло его вдоль береговъ Америки до Берингова пролива, и волей-неволей дерево вошло въ полярныя моря. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что дерево не очень старо и не пропитано водою, можно думать, что стволъ этотъ недавно покинулъ свою родину и благополучно преодолѣлъ препятствія, полагаемые цѣлымъ рядомъ проливовъ, ведущихъ въ Баффиново море. Подхваченное сѣвернымъ теченіемъ, дерево прошло Дэвисовъ проливъ и, наконецъ, попало на бортъ *Forward'a*, къ вящей радости доктора Клаубонни, который проситъ у г. Шандона позволенія сохранить на память кусокъ этого пловца.

– Сдѣлайте милость, – сказалъ Шандонъ. Но позвольте мнѣ, въ свою очередь, сказать вамъ, что вы не будете единственнымъ обладателемъ такого рода находки. Губернаторъ датскаго острова Диско...

– У береговъ Гренландіи, – продолжалъ докторъ, – имѣетъ столъ, сдѣланный изъ дерева, добытаго изъ моря при такихъ же условіяхъ, при какихъ добытъ нами стволъ краснаго дерева. Не стану спорить. Но я не завидую сѣверному сановнику, потому что, не будь это только сопряжено съ затрудненіями, я могъ-бы отдѣлать цѣлую спальню такимъ деревомъ.

Всю ночь съ среды на четвергъ дулъ сильный вѣтеръ, «drift wood»¹⁰ встрѣчался чаще. Такъ какъ сосѣдство береговъ представлялось опаснымъ въ эту пору года, когда льды встрѣ-

¹⁰ Плавучій лѣсъ.

чаются въ большомъ количествѣ, то Шандонъ приказалъ убавить паруса и *Forward* пошелъ нѣсколько медленнѣе.

Термометръ опустился ниже точки замерзанія. Шандонъ приказалъ выдать экипажу теплую одежду: шерстяныя куртки и панталоны, фланелевыя фуфайки и особаго рода теплые чулки, какіе носятъ норвежскіе крестьяне. Каждый матросъ былъ снабженъ кромѣ того морскими непромокаемыми сапогами.

Что касается Капитана, то онъ довольствовался своею природною шубою. Повидимому, онъ мало былъ чувствителенъ къ переменамъ температуры и, по всему вѣроятію, ему не разъ уже приводилось извѣдывать подобнаго рода случайности. Впрочемъ, въ качествѣ датской собаки, онъ и не имѣлъ права быть черезчуръ взыскательнымъ. Его рѣдко видывали, такъ какъ онъ почти постоянно держался въ самыхъ темныхъ мѣстахъ брига.

Къ вечеру чрезъ просвѣтъ тумана, показались берега Гренландіи подъ 37°2'7" долготы.

Докторъ, вооружившись подзорною трубою, втеченіе нѣсколькихъ минутъ наблюдалъ рядъ пиковъ, изборожденныхъ ледниками. Но густой туманъ вскорѣ скрылъ ихъ изъ виду, точно театральнѣйшій занавѣсъ, опускающійся иногда въ самомъ интересномъ мѣстѣ пьесы.

20-го апрѣля, утромъ, *Forward* находился въ виду ледяной горы, высотой въ сто пятьдесятъ футовъ, обмелѣвшей съ незапамятныхъ временъ. Оттепели не производили на нее никакого дѣйствія и съ почтеніемъ относились къ ея причудливымъ формамъ. Ее видѣлъ еще Сно; Джемсъ Россъ, въ 1829 году, снялъ съ нея точный рисунокъ, а въ 1851 году французскій лейтенантъ Бэлло, на кораблѣ *Prince-Albert*, совершенно ясно могъ разглядѣть ее. Понятно, что докторъ пожелалъ имѣть изображеніе этой замѣчательной горы и очень удачно срисовалъ ее.

Фактъ, что ледяныя горы садятся иногда на мель, неразрывно сливаясь съ морскимъ дномъ, не представляетъ ничего необычнаго. Каждая ледяная гора возвышается обыкновенно на одну треть надъ водою, двѣ-же трети ея остаются скрытыми подъ водою, такъ что ледяная гора, о которой идетъ рѣчь, сидѣла въ морѣ приблизительно на 300 футовъ (около 43 сажень).

Наконецъ, при температурѣ, не превышавшей въ полдень 12° (-11° стоградуснаго термометра), подъ снѣжнымъ, затянутымъ туманами небомъ, наши мореходы увидѣли мысъ Фаревель. *Forward* пришелъ къ мѣсту назначенія въ опредѣленный день, и если-бы таинственному капитану угодно было опредѣлить положеніе брига, то онъ не имѣлъ-бы поводовъ жаловаться.

— Такъ вотъ онъ,— сказалъ себѣ докторъ,— этотъ такъ мѣтко прозванный мысъ!¹¹ Многіе, подобно намъ, прошли его, но немногимъ суждено было снова видѣть его! Неужели здѣсь навѣки надо распрощаться съ друзьями, оставшимися въ Европѣ? Вы прошли здѣсь — Фробишеръ, Найтъ, Барло, Уогемъ, Скрогсъ, Беренсъ, Гудсонъ, Блосвиль, Франклинъ, Крозіе, Бэлло, но вамъ не суждено было снова увидѣть родной очагъ, и мысъ этотъ поистинѣ былъ для васъ мысомъ Прощанія.

Въ 970 году, мореходы, отправившіеся изъ Исландіи, открыли Гренландію. Себастьянъ Каботъ, въ 1498 году, поднялся до 56° широты; Гаспаръ и Мишель Котреаль, въ промежутокъ отъ 1500 до 1502 годовъ, достигли 60°, а Мартинъ Фробишеръ, въ 1576 году, поднялся до залива, носящаго и понынѣ его имя.

Джону Дэвису принадлежитъ честь открытія пролива въ 1585 году; два года спустя, во время своей третьей экспедиціи, этотъ отважный морякъ и славный китобой достигъ семьдесятъ третьей параллели, отстоящей отъ полюса на двадцать семь градусовъ.

Беренсъ въ 1596 году, Уэймутъ въ 1602, Джемсъ Галль (Hall) въ 1605 и 1607 годахъ, Гудсонъ, имя котораго дано обширному заливу, такъ глубоко врѣзывающемуся въ материкъ Америки, Джемсъ Пуль въ 1611 году болѣе или менѣе подвигались въ проливъ, отыскивая сѣверо-западный проходъ, который долженъ былъ значительно сократить путь между Новымъ и Старымъ свѣтомъ.

¹¹ Farewell по-англійски значить — прощай.

Баффинъ, въ 1616 году, открылъ въ морѣ, носящемъ его имя, проливъ Ланкастера; въ 1619 году по слѣдамъ его отправился Джемсъ Мэнкъ, а въ 1719 году – Найтъ, Барло, Уогемъ и Скрогсъ, о которыхъ никогда не было получено никакихъ извѣстій.

Въ 1776 году, лейтенантъ Пикерсгиль, отправленный на встрѣчу капитану Куку, пытавшемуся пройти Беринговъ проливъ, достигъ 68°градуса; въ слѣдующемъ году, Юнгъ, съ этою же цѣлью, поднялся до острова Женщинъ.

Въ 1818 году Джемсъ Россъ обошелъ берега Баффинова моря и исправилъ гидрографическіе промахи своихъ предшественниковъ.

Наконецъ, въ 1819 и 1820 годахъ знаменитый Парри отправился въ проливъ Ланкастера, преодолѣвъ множество затрудненій, дошелъ до острова Мельвиля и получилъ премію въ 5,000 фунтовъ стерлинговъ, назначенную парламентомъ тому изъ англійскихъ мореходовъ, кто пройдетъ стосемидесятый меридіанъ при широтѣ высшей чѣмъ семьдесятъ седьмая параллель.

Въ 1826 году Бичи достигъ острова Шамиссо; Джемсъ Россъ, съ 1829 до 1833 годовъ, зимовалъ въ проливѣ Принца-Регента и, въ числѣ многихъ важныхъ изслѣдованій, открылъ магнитный полюсъ.

Между тѣмъ, Франклинъ съ суши занялся изслѣдованіемъ сѣверныхъ береговъ Америки, начиная отъ рѣки Мекензи до мыса Турнагайна (Поворотнаго); съ 1823 до 1835 годовъ, по его слѣдамъ шелъ капитанъ Какъ, изслѣдованія котораго были дополнены въ 1839 году гг. Дизъ, Симпсономъ и докторомъ Рэ (Rae).

Наконецъ, сэръ Джонъ Франклинъ, въ видахъ открытія сѣверо-западнаго пролива, отплылъ изъ Англій въ 1845 году, съ двумя кораблями – *Erebus'омъ* и *Terror'омъ*. Франклинъ проникъ въ Баффиново море, прошелъ подлѣ острова Диско, и съ этой поры всѣ извѣстія о немъ прекратились.

Гибель эскадры Франклина вызвала цѣлый рядъ экспедицій, приведшихъ къ открытію сѣверо-западнаго прохода и подробному изслѣдованію полярныхъ странъ. Неустрашимѣйшіе моряки Англій, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ отправлялись въ эти суровыя страны и, благодаря ихъ усиліямъ, столь запутанная и сбивчивая карта полярнаго материка фигурируетъ въ архивахъ Королевскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ.

Въ такомъ видѣ представлялась воображенію доктора исторія полярныхъ странъ въ то время, когда, опершись на шканцы, онъ слѣдилъ взоромъ за длинною полосой, оставляемою на морѣ бригомъ. Имена отважныхъ моряковъ возникали въ его памяти и, казалось, онъ видѣлъ подъ ледяными сводами ледяныхъ горъ блѣдныя тѣни людей, никогда уже не возвращавшихся на родину.

VII. Дэвисовъ проливъ

Втеченіе дня *Forward* легко пролагаль себѣ дорогу среди на половину разбитыхъ льдинъ. Вѣтеръ былъ благопріятный. но температура очень низкая; воздушныя теченія охлаждались, проносясь надъ ледяными полями.

Ночью были приняты крайнія мѣры предосторожности, такъ какъ ледяныя горы скоплялись въ узкомъ проходѣ; въ громадномъ количествѣ; нерѣдко на горизонтѣ ихъ насчитывали цѣлыми сотнями. Отдѣлившись отъ высокихъ береговъ, онѣ таяли или погружались въ бездны океана подъ разлагающимъ дѣйствіемъ волнъ и лучей апрѣльскаго солнца. Встрѣчались также массы плавучаго лѣса, столкновеній съ которымъ слѣдовало избѣгать. Въ виду этого, на вершинѣ фокъ-мачты устроили такъ называемое *сорочье гнѣздо* (crow's-nest), состоявшее изъ бочки съ подвижнымъ дномъ, въ которой *ice-master* (лоцманъ среди льдовъ), отчасти защищенный отъ вѣтра, наблюдалъ море, указывалъ находившіяся въ виду льдины и, въ случаѣ надобности, распоряжался ходомъ брига.

Ночи были короткія. Солнце, появившееся 31-го января, день ото дня все долѣе и долѣе держалось надъ горизонтомъ. Носившійся въ воздухѣ снѣгъ заслонялъ однако окрестныя виды и если не производилъ полной темноты, то очень затруднялъ движеніе брига.

21-го апрѣля сквозь густой туманъ показался мысъ Отчаянія (*Desolation*). Экипажъ окончательно изнемогалъ отъ трудовъ. Со времени вступленія брига въ область льдовъ, матросы не имѣли ни минуты отдыха; пришлось прибѣгнуть къ помощи паровой машины, чтобы проложить *Forward'y* дорогу среди скучившихся ледяныхъ массъ.

Докторъ и Джонсонъ бесѣдовали на кормѣ, а Шандонъ, между тѣмъ отправился въ свою каюту, чтобы соснуть нѣсколько часовъ. Клоубонни любилъ разговаривать съ старымъ морякомъ, которому многочисленныя путешествія дали разумное и интересное развитіе. Докторъ начиналъ чувствовать къ нему большую симпатію, а шкиперъ, съ своей стороны, платилъ взаимностью доктору.

— Право — говорилъ Джонсонъ, — страна эта не похожа на другія страны. Назвали ее Зеленою землею (*Green Land*, Гренландія), а между тѣмъ только втеченіе нѣсколькихъ недѣль она оправдываетъ свое названіе.

— Какъ знать, любезный Джонсонъ, — отвѣтилъ докторъ, — не имѣла-ли эта страна въ Х вѣкѣ полное право на такое названіе? Не мало всякихъ переворотовъ совершилось на земномъ шарѣ, и я очень изумилъ-бы васъ, сказавъ, что, по словамъ исландскихъ лѣтописцевъ, восемьсотъ или девятьсотъ лѣтъ тому назадъ на материкѣ этомъ процвѣтало двѣсти очень значительныхъ деревень.

— Вы настолько бы изумили меня, докторъ, что я даже не повѣрилъ-бы вамъ, потому что Гренландія — печальная страна.

— Какъ она ни печальна, а все-же она доставляетъ убѣжище своимъ обитателямъ и даже цивилизованнымъ европейцамъ.

— Безъ сомнѣнія. На островѣ Диско и въ Упернавикѣ мы находимъ людей, рѣшившихся поселиться въ этихъ угрюмыхъ страяхъ. Однакожъ, я всегда думалъ, что они остаются тамъ скорѣе по необходимости, чѣмъ по собственному желанію.

— Очень вѣрю. Впрочемъ, человѣкъ ко всему привыкаетъ и, ао моему, гренландцы менѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ рабочіе нашихъ большихъ городовъ. Быть можетъ, они и несчастные, но во всякомъ случаѣ не обездоленные люди. Я говорю — несчастные, хотя это слово не вполне выражаетъ мою мысль. Дѣйствительно, если они не пользуются благами странъ умѣреннаго пояса, то на долю этихъ людей, освоившихся съ своимъ суровымъ климатомъ, очевидно выпадаетъ такая сумма наслажденій, о какой мы не имѣемъ даже понятія.

– Надо полагать, что такъ, докторъ, потому что Богъ справедливъ. Но я часто бывалъ у береговъ Гренландіи и всякій разъ сердце мое сжималось при видѣ этихъ безотрадныхъ пустынь. Слѣдовало-бы хоть немножко скрасить эти мысы, косы и заливы, давъ имъ болѣе привѣтливыя названія потому что мысъ Разлуки и мысъ Отчаянія едва-ли могутъ привлечь къ себѣ мореходовъ.

– Мнѣ тоже приходило это на мысль, – отвѣтилъ докторъ. Но названія эти имѣютъ лишь географическій интересъ, – которымъ пренебрегать не слѣдуетъ. Если рядомъ съ именами Дэвиса, Баффина, Гудсона, Росса, Парри, Франонна, Бэлло я встрѣчаю мысъ Отчаянія, то вскорѣ нахожу также заливъ Милосердія (Mercy); мысъ Провидѣнія какъ-разъ подъ пару мысу Гора (Anxiety); мысъ Недоступный (Repulse) приводитъ меня къ мысу Эдема; я покидаю мысъ Поворотный (Turnagain) для того, чтобы отдохнуть въ заливъ Убѣжища. Предъ глазами моими проносится непрерывный рядъ опасностей, препятствій, неудачъ, успѣховъ и бѣдствій, связанныхъ съ великими именами моего отечества и, подобно ряду античныхъ медалей, названія эти восстанавливаютъ въ моемъ воображеніи всю исторію полярныхъ морей.

– Совершенно правильное заключеніе, докторъ, и даль бы Богъ, чтобы во время нашего путешествія мы встрѣчали больше заливовъ Успѣха, чѣмъ мысовъ Отчаянія.

– Я тоже желаю этого, Джонсонъ. Но, скажите, экипажъ успокоился или нѣтъ?

– Да, нѣсколько, но, по правдѣ сказать, со времени вступленія въ проливъ матросы опять начинаютъ заниматься фантастическимъ капитаномъ. Они надѣялись, что онъ явится на бригъ у береговъ Гренландіи, а между тѣмъ до сихъ поръ ничего... Межъ нами будь сказано, докторъ, не кажется ли вамъ это нѣсколько... страннымъ?

– Да, Джонсонъ.

– И вы полагаете, что капитанъ этотъ существуетъ дѣйствительно?

– Конечно.

– Но какія-же причины побудили его дѣйствовать такимъ образомъ?

– Если вы хотите знать мое мнѣніе, Джонсонъ, то этотъ человѣкъ хотѣлъ только подальше завести экипажъ, чтобы возвратъ былъ уже невозможенъ. Будь онъ на бригѣ въ моментъ отъѣзда, всякій-бы желалъ знать, куда отправляется судно, а это могло затруднить капитана.

– Почему?

– Допустимъ, что онъ хочетъ предпринять что нибудь превосходящее силы человѣка, хочетъ проникнуть туда, куда никто еще не проникалъ, – какъ вы полагаете, успѣлъ-бы онъ при такихъ условіяхъ на вербовать экипажъ? Но разъ вступивши въ море, можно уйти такъ далеко, что одно только и представится возможнымъ: подвигаться впередъ.

– Очень можетъ быть, докторъ. Я знавалъ многихъ неустрашимыхъ авантюристовъ, одно имя которыхъ приводило всѣхъ въ ужасъ и которые никогда не нашли-бы людей, готовыхъ сочувствовать имъ во время ихъ опасныхъ экспедицій...

– За исключеніемъ меня, Джонсонъ, – сказалъ докторъ.

– Да и меня тоже, чтобы слѣдовать за вами – отвѣтилъ Джонсонъ. И такъ, я говорю, что нашъ капитанъ принадлежитъ къ числу именно такихъ авантюристовъ. Впрочемъ, – увидимъ. Полагаю, что въ Упперनावикѣ или въ заливѣ Мельвиля этотъ молодецъ преспокойно явится на бригъ и объявитъ намъ, куда его фантазія намѣрена направить судно.

– Я такого-же мнѣнія, Джонсонъ. Но дѣло въ томъ, что трудненько будетъ подняться до залива Мельвиля. Посмотрите: льдины со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ и *Forward* съ трудомъ подвигается впередъ. Да вотъ взгляните на эту безконечную ледяную равнину.

– На языкѣ китобоевъ такая равнина извѣстна подъ именемъ *ice-field'a*, т. е. безпредѣльнаго ледяного поля.

– А вотъ въ этой сторонѣ, эта пересѣченная равнина, эти длинные, болѣе или менѣе соединенныя своими краями ледяныя пространства – что это такое?

– Это *pack*¹² – скупившийся ледь; если онъ имѣетъ круглую форму, то мы называемъ его *palch*, и *stream*, если форма его продолговатая.

– А какъ вы называете эти отдѣльно плавающія льдины?

– Это *drift-ice*; будь онъ немного повыше, онъ назывались-бы *ice-bergs* или ледяными горами. Столкновение съ ними очень опасно, а потому корабли тщательно избѣгаютъ ихъ. Посмотрите на это возвышеніе, произведенное напоромъ льдовъ – вотъ тамъ, на той ледяной полянѣ; мы называемъ это *hummock*¹³; если бы основаніе его было залито водою, то возвышеніе называлось-бы *calf*¹⁴. Чтобы успѣшнѣе ориентироваться въ этихъ мѣстностяхъ, каждому встрѣчающемуся предмету необходимо было дать особое названіе.

– Все это въ высшей степени интересно! вскричалъ докторъ, созерцая чудеса полярныхъ морей; разнообразіе всѣхъ этихъ поистинѣ волшебныхъ картинъ должно несказанно поражать воображеніе каждого человѣка.

– Это не подлежитъ сомнѣнію, – отвѣтилъ Джонсонъ. Иногда льдины принимаютъ какія-то особенно фантастическія формы, и матросы по своему объясняютъ ихъ.

– Полюбуйтесь, Джонсонъ, общимъ видомъ вотъ этихъ ледяныхъ массъ! Точно какой-то странный восточный городъ съ своими минаретами и мечетями, освѣщенными блѣдными лучами луны. А вотъ, подальше, длинный рядъ готическихъ арокъ, напоминающихъ собой часовню Генриха VII или зданіе парламента.

– Да, докторъ, здѣсь на всякій вкусъ что нибудь найдется. Но въ этихъ городахъ и церквахъ жить опасно, да и подходить съ нимъ близко тоже не слѣдуетъ. Иные изъ этихъ минаретовъ шатаются на своихъ основаніяхъ и меньшій изъ нихъ могъ-бы раздавить судно, подобное *Forward'y*.

– И выискивались-же люди, которые рѣшались забираться сюда, не имѣя въ своемъ распоряженіи пара! продолжалъ Клоубонни. Возможно-ли повѣрить, чтобы парусныя суда могли двигаться среди этихъ плавучихъ подводныхъ скалъ?

– А между тѣмъ двигались, докторъ. Когда вѣтеръ былъ противный – что не разъ приходилось испытывать и мнѣ – тогда на одну изъ такихъ льдинъ забрасывали якорь и вмѣстѣ съ нею судно носилось по морю, выжидая удобнаго случая отправиться дальше. Правда, что при такомъ способѣ передвиженія, требовались цѣлые мѣсяцы для того, чтобы пройти путь, который мы проходимъ въ нѣсколько дней.

– Мнѣ кажется, – замѣтилъ докторъ, – что температура начинаетъ нѣсколько понижаться.

– Это было бы крайне непріятно, – отвѣтилъ Джонсонъ. Для того, чтобы массы льдовъ расплылись и ушли въ Атлантическій океанъ, необходима оттепель. Въ Дэвисовомъ проливѣ лодки встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, потому что между Уальсингемскимъ и Гольстейнбургскимъ мысами берега замѣтнымъ образомъ сближаются. Но за шестьдесятъ седьмымъ градусомъ мы встрѣтимъ, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, болѣе доступныя для судовъ моря.

– Да, а между тѣмъ проливъ все-таки надо пройти.

– Безъ сомнѣнія, докторъ. Въ іюнѣ и іюлѣ мы нашли бы проходъ свободнымъ отъ льдовъ, какимъ нерѣдко находятъ его китобойныя суда; но наши инструкции очень точны и въ апрѣлѣ мы должны были находиться здѣсь. Или я очень ошибаюсь, или нашъ капитанъ – человѣкъ неробкаго десятка, у котораго крѣпко засѣла въ головѣ опредѣленная мысль. Онъ для того пораньше и отправился въ море, чтобы подальше уйти. Впрочемъ, проживемъ – увидимъ.

Докторъ не ошибся, констатировавъ пониженіе температуры; въ полдень термометръ показывалъ всего шесть градусовъ (–14° стоградусника); сѣверо-западный вѣтеръ, прояснивъ

¹² *Pac-of-ice* значитъ собственно – масса плавучаго льда.

¹³ *Hammock* – небольшая горка.

¹⁴ *Calf* – теленокъ.

небо, способствовали течению скоплять массы плавучих льдов на пути брига. Впрочем, не все льдины двигались в одну сторону; многие и, притом, самые высокие, увлекаемые подводным течением, шли в противоположном направлении.

Понятно после этого, с какими затруднениями было сопряжено плавание брига; машины не имели ни одной минуты отдыха. Управление машиною производилось на палубе при помощи целой системы рычагов; пары выпускались в золотники или выпускались по распоряжению вахтенного офицера. Порою надобно было проскользнуть среди ледяных полей; иногда же приходилось пускаться в запуски с ледяною горою, грозившею запереть единственный проход. Нередко случалось и то, что какая-нибудь льдина, неожиданно рухнув в море, заставляла брига идти задним ходом, во избежание неминуемой гибели. Массы льдов, увлекаемых и нагромождаемых северным течением и скопившихся в проливе, положили бы непреодолимую преграду движению брига, если бы их только сплотило морозом.

В этих местах встречались бесчисленные стаи птиц; буревестники и чайки носились в воздухе, испуская оглушительные крики; толстоголовые, с короткими шеями и приплюснутыми клювами рыболовы разбькали воздух своими длинными крыльями и, казалось, не обращали никакого внимания на снежные вихри, поднимаемые в воздухе ураганом. Своими движениями птицы несколько оживляли безотрадную картину царства льдов.

Массы плавучих деревьев неслись по течению; кашалоты с громадными, толстыми головами приближались к бригу, но их и не думали преследовать, хотя Симпсон, гарпунщик, очень желал этого. К вечеру заметили тюленей, плававших между большими льдинами, выставив из воды свои круглые головы.

22-го числа температура понизилась еще больше. *Forward* усилил пары с тем, чтобы войти в удобные проходы; противный северо-западный ветер окончательно установился; паруса убрали.

В воскресенье у экипажа выпал свободный день. После того как доктор окончил чтение Библии, матросы занялись охотою на глупышей и таки набили их не мало. Изготовленная надлежащим образом – à la Clowbonny, – дичь эта составила очень приятную прибавку к столу офицеров и матросов.

В три часа *Forward* находился на высоте Кинь де-Сэля и горы Сукертопа; море сильно волновалось; повременам неожиданно спускались густые туманы. Однако же, в полдень удалось сделать обсервацию и определить положение корабля. Бриг находился под 65°20' широты и 54°22' долготы, следовательно, для того чтобы встретить более благоприятные условия плавания и свободное от льдов море, надобно было пройти еще два градуса.

В течение 24, 25 и 26-го чисел апреля продолжалась непрерывная борьба со льдами; работа в машинном отделении была чрезвычайно утомительною; каждую минуту приходилось мгновенно прекращать или приостанавливать действие паров, которые со свистом вырывались из клапанов.

Во время густого тумана близость ледяных гор узнавалась лишь по глухому грохоту, производимому обвалами снежных лавин. На каждом шагу бриг подвергался опасности натолкнуться на массы пресного льда, замечательного по своей прозрачности и твердого, как гранит. Шандон, не пропускавший случая пополнить свой запас пресной воды и каждый день погружал на бриг несколько тонн этого льда.

Доктор никак не мог привыкнуть к оптическим обманам, производимым в этих широтах преломлением лучей света. Ледяная гора, удаленная на десять или двенадцать миль от брига, казалась ему незначительною белою массою, находившеюся в очень недалеком расстоянии. Клоубонни настойчиво старался приучить зрение к этому странному феномену с тем, чтобы иметь возможность впоследствии исправлять ошибку своих глаз.

Тяга судна вдоль ледяных полей бичевою, трудная работа шестами, при помощи которых матросы отталкивали от брига опасные льдины – все это окончательно истомило эки-

пажъ, а между тѣмъ, въ пятницу, 27-го апрѣля, *Forward* находился еще на непроходимомъ рубежѣ полярнаго круга.

VIII. Розказни матросовъ

Ловко протискиваясь между ледяными горами и выбирая свободные проходы, *Forward* успѣлъ все-таки нѣсколько подвинуться къ сѣверу. Вскорѣ однако бригу придется открыто нападать на врага, а не избѣгать его. Приближались ледяныя поляны, протяженіемъ въ нѣсколько миль, и такъ какъ эти движущіяся массы нерѣдко представляютъ силу давленія, равную давленію десяти милліоновъ тоннъ, то столкновенія съ ними слѣдовало тщательно избѣгать. На бригѣ устанавливались ледопильныя машины съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности ихъ можно было немедленно пустить въ ходъ.

Одна часть матросовъ философски принималась за эту трудную работу, другая-же роптала, хотя и не отказывала явно въ повиновеніи. Гарри, Больтонъ, Пэнъ и Грипперъ, занимаясь установкою ледопильныхъ снарядовъ, перекидывались между собою фразами.

— Чортъ поberi! — вскричалъ весело Больтонъ, — не знаю почему, но у меня въ головѣ промелькнула мысль, что въ Уотеръ-стритъ находится недурная таверна, въ которой очень удобно было-бы стать теперь на якорь между стаканомъ джина и бутылкою портера. Полагаю, Грипперъ, что ты видишь эту таверну отсюда.

— По правдѣ сказать, — отвѣтилъ Грипперъ, обыкновенно не отличавшійся общительностію, — я, рѣшительно ничего не вижу отсюда.

— Это только такъ, къ слову, дружище... Очевидно, что въ этихъ ледяныхъ городахъ, отъ которыхъ докторъ приходитъ въ восхищеніе, не имѣется ни одного погребка, гдѣ бравый матросъ могъ-бы промочить себѣ горло одною или двумя пинтами водки.

— Въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, Больтонъ. Добавь еще, что здѣсь даже и нечѣмъ порядочно подкрѣпиться. И не глупая-ли затѣя: лишать крѣпкихъ напитковъ людей, плавающихъ въ полярныхъ моряхъ?

— Развѣ ты забылъ, Грипперъ, — отвѣтилъ Гарри, — что говорилъ докторъ? Надо воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, если хочешь избѣжать цынги, быть здоровымъ и уйти подальше.

— Да я нисколько не желаю уходить далеко. По моему, достаточно и того, что мы забрались сюда. Не слѣдуетъ упорно лѣзть, когда самъ сатана не позволяетъ идти.

— Ну что-жъ, и не пойдемъ! — вскричалъ Пэнъ. Какъ, подумаешь, что даже забылъ вкусъ джина, такъ вотъ и заберетъ тоска!

— Не забывай, — замѣтилъ Больтонъ, — что говорилъ тебѣ докторъ.

— О! — сказалъ своимъ грубымъ голосомъ Пэнъ — мало-ли чего не говорится, лишь-бы только сказать что нибудь! Ужъ не служить-ли тутъ здоровье только предлогомъ, чтобы съэкономить на крѣпкихъ напиткахъ? — это еще вопросъ.

— Быть можетъ, Пэнъ и правъ, — замѣтилъ Грипперъ.

— Еще чего не скажешь! — отвѣтилъ Больтонъ. Развѣ можно съ такимъ краснымъ носомъ судить здраво и безпристрастно? Впрочемъ, если отъ воздержанія пэновскій носъ немножко и полиняетъ, то право горевать объ этомъ не стоитъ.

— Чего тебѣ дался мой носъ? — огрызнулся задѣтый за живое Пэнъ. Мой носъ не нуждается въ твоихъ совѣтахъ, да и не спрашиваетъ ихъ. Лучше-бы ты заботился о томъ, что касается твоего собственнаго носа.

— Ну, не сердись, Пэнъ! Я не зналъ, что носъ у тебя такой обидчивый. Я и самъ не прочь — какъ и каждый въпрочемъ — пропустить стаканчикъ виски, особенно при такомъ холодѣ; но если это приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы, то я готовъ обойтись безъ виски.

— Пожалуй, ты и обойдешься, — сказалъ кочегаръ Уэренъ, принявшій участіе въ бесѣдѣ, — но, быть можетъ, другіе-то не обойдутся.

— Что ты хочешь этимъ сказать, Уэренъ? — спросилъ, пристально глядя на него, Гарри.

– А то, что, по той-ли, по другой-ли причинѣ, но на бригѣ есть крѣпкіе напитки и, по моему, на кормѣ не отказываютъ себѣ въ рюмкѣ джина.

– А ты почему знаешь? – спросилъ Гарри.

Уэренъ ничего не отвѣтилъ; онъ болталъ зря, лишь-бы только сказать что-нибудь.

– Развѣ ты не видишь, Гарри, – возразилъ Больтонъ, – что Уэренъ ничего не знаетъ и чешетъ свой языкъ совершенно даромъ.

– Толкуй тамъ! – сказалъ Пэнъ, – а мы попросимъ таки у Шандона порцію джина; кажется, мы заслужили это. Посмотримъ, что онъ скажетъ.

– Не совѣтую, – замѣтилъ Гарри.

– Это почему? – спросили Пэнъ и Грипперъ.

– Потому что вамъ откажутъ. Поступая на бригъ, вы знали условія Шандона. Слѣдовало подумать объ этомъ пораньше.

– Къ тому-жъ, – подтвердилъ Больтонъ, принявшій сторону Гарри, характеръ котораго ему нравился, – Ричардъ Шандонъ не полный хозяинъ на бригѣ; онъ подчиненъ другому, какъ и всѣ мы.

– Кому это? – спросилъ Пэнъ.

– Капитану.

– Вотъ заладили одно: капитанъ, да капитанъ! – вскричалъ Пэнъ. Да развѣ вы не видите, что среди этихъ льдовъ нѣтъ ни тавернъ, ни капитановъ? Это не больше, какъ вѣжливый способъ отказывать вамъ въ томъ, что мы имѣемъ полное право требовать.

– Капитанъ есть, – сказалъ Больтонъ, – и я прозакладую два мѣсяца моего жалованія, если мы вскорѣ его не увидимъ.

– И чудесно! – сказалъ Пэнъ. А то мнѣ больно уже хочется сказать ему пару словъ.

– Кто говоритъ тутъ о капитанѣ? – спросилъ въ эту минуту новый собесѣдникъ.

То былъ Клифтонъ, человѣкъ порядочно суевѣрный, и къ тому-же завистливый.

– Не получено-ли новыхъ извѣстій о капитанѣ? – спросилъ онъ.

– Нѣтъ, въ одинъ голосъ отвѣтили матросы.

– Такъ знайте-же, что въ одно прекрасное утро онъ очутится у себя въ каютѣ, но какимъ образомъ и откуда онъ пожалуетъ, – этого никто не узнаетъ.

– Полно вздоръ-то молоть! – отвѣтилъ Больтонъ. Ты полагаешь, Клифтонъ, что капитанъ какойнибудь домовый или лѣшій, какихъ не мало родится въ горахъ Шотландіи.

– Смѣйся, сколько твоей душѣ угодно, но это не измѣнитъ моего мнѣнія. Каждый день, проходя мимо каюты, я заглядываю въ замочную щель, и на дняхъ навѣрное расскажу вамъ, на кого похожъ капитанъ и какъ онъ выглядитъ.

– Какъ выглядеть? Да такъ-же, какъ и всѣ, я полагаю, – сказалъ Пэнъ. Но если ему желательно отправиться туда, куда мы не хотимъ отправляться, то правду-матку ему выложить въ лучшемъ видѣ.

– Пэнъ еще и не знаетъ капитана, а уже хочетъ затѣять съ нимъ ссору, – сказалъ Больтонъ.

– Кто не знаетъ? – спросилъ Клифтонъ съ видомъ человѣка, которому кое-что извѣстно. Знаетъ или не знаетъ – Это еще бабушка на двое ворожила.

– Какого дьявола ты хочешь этимъ сказать? – спросилъ Грипперъ.

– Ладно! Всякій Еремѣй про себя разумѣй.

– Да мы то не разумѣемъ тебя.

– А развѣ Пэнъ уже не повздорилъ съ нимъ?

– Съ капитаномъ?

– Ну, да! Съ собакою-капитаномъ, потому что это все единственно.

Матросы переглянулись между собою, но ничего не отвѣтили.

– Человѣкъ онъ или собака – пробормоталъ Пэнъ, – а на дняхъ съ нимъ расправятся.

– Послушай, Клифтонъ, – серьезно замѣтилъ Больтонъ, – неужто ты полагаешь, какъ въ шутку сказалъ Джонсонъ, что эта собака – заправскій капитанъ?

– А то какъ-же? – съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Клифтонъ. Будь у васъ столько-же смекалки, какъ и у меня, вы замѣтили-бы странныя замашки этой собаки.

– Какія такія замашки? Говори!

– Развѣ вы не замѣтили, съ какимъ повелительномъ видомъ она расхаживаетъ на шканцахъ, да посматриваетъ на паруса, точно вахтенный?

– Это такъ – сказалъ Грипперъ. Я даже видѣлъ своими собственными глазами, какъ однажды вечеромъ проклятый догъ опирался лапами о штурваль¹⁵.

– Не можетъ быть! – воскликнулъ Больтонъ.

– Опять-же, – продолжалъ Клифтонъ, – развѣ по ночамъ онъ не уходитъ съ брига и не бродитъ по льду, не обращая вниманія ни на стужу, ни на медвѣдей?

– Это вѣрно! – подтвердилъ Больтонъ.

– Видѣли-ли вы когданибудь, чтобы этотъ песъ, какъ подобаетъ доброй собакѣ, искалъ общества человѣка, бродилъ подлѣ кухни или не спускалъ глазъ съ Стронга, когда тотъ несетъ Шандону какойнибудь лакомый кусокъ? По ночамъ, когда догъ уходитъ на двѣ или три мили отъ брига, развѣ вы не слышите его вой, отъ котораго человѣка пробираетъ дрожь. Наконецъ, видѣли-ли вы когданибудь, чтобы эта собака ѣла? Она ни отъ кого не возьметъ ни куска, кормъ ея такъ и остается нетронутымъ, и если только ктонибудь не кормитъ ее тайно, то я имѣю полное право сказать, что она ничѣмъ не питается. Назовите меня набитымъ дуракомъ, если эта собака не приходится съ родни сатанѣ.

– Очень можетъ быть, – сказалъ плотникъ Бэль, слышавшій аргументы Клифтона.

Но другіе матросы молчали.

– Однако, – спросилъ Больтонъ, – куда же мы идемъ?

– Не знаю, – отвѣтилъ Бэль. Въ свое время Ричардъ Шандонъ получить дополнительные инструкции.

– Черезъ кого?

– Черезъ кого? Да, какимъ образомъ? – настойчиво спрашивалъ Больтонъ.

– Да отвѣчай-же, Бэль! приставали матросы.

– Черезъ кого и какимъ образомъ? А я почему знаю, – отвѣтилъ очутившійся въ затруднительномъ положеніи плотникъ.

– Черезъ собаку-капитана! – вскричалъ Клифтонъ. Знай я только половину того, что знаетъ этотъ песъ, – для меня ни чего не могло-бы быть легче сдѣлаться первымъ лордомъ адмиралтейства!

– Значитъ, – началъ снова Больтонъ, – ты стоишь на своемъ, и по твоему эта собака – капитанъ?

– Безъ всякаго сомнѣнія.

– Въ такомъ случаѣ, глухимъ голосомъ промолвилъ Пэнъ, если она не хочетъ издохнуть въ собачьей шкурѣ, то пусть поторопится сдѣлаться человѣкамъ, потому что, клянусь вамъ, я сверну ей шею.

– Зачѣмъ? – спросилъ Гарри.

– Затѣмъ, что такъ мнѣ угодно, – грубо отвѣтилъ Пэнъ. Дѣлаю, какъ хочу и отчетовъ давать никому не намѣренъ.

– Полно вамъ, ребята! – крикнулъ Джонсонъ въ ту минуту, когда разговоръ принималъ, повидимому, дурной оборотъ. Къ дѣлу, да поживѣе приготовьте пилю. Надо пройти льды.

– Ладно! Послѣ дождика въ четвергъ! – отвѣтилъ Клифтонъ, пожимая плечами. Помните меня – пройти полярный кругъ не такъ легко, какъ вы думаете.

¹⁵ Штурваль – колесо, съ помощью котораго управляютъ движеніями руля.

Какъ бы то ни было, но усилія экипажа въ этотъ день остались тщетными. Бригъ, на всѣхъ паряхъ направляемый противъ льдовъ, не могъ разбить ихъ; ночью пришлось стать на якорь.

Въ субботу при восточномъ вѣтрѣ температура воздуха понизилась еще больше, погода прояснилась и взору на необъятномъ пространствѣ представлялись одни лишь равнины, которыми отраженіе лучей свѣта сообщало ослѣпительно-бѣлый цвѣтъ. Въ семь часовъ утра термометръ опустился на восемь градусовъ ниже точки замерзанія (-21° стоградуснаго термометра).

Доктору, очень хотѣлось посидѣть въ своей теплой каютѣ и погрузиться въ чтеніе арктическихъ путешествій, но, по своему обыкновению, онъ задался вопросомъ: чѣмъ-бы заняться такимъ, что въ настоящую минуту представлялось наименѣе желательнымъ? Рѣшивъ, что подняться при такой температурѣ на палубу и принять участіе въ работѣ экипажа не представляетъ ничего особенно пріятнаго, Клоубонни, вѣрный разъ усвоенной системѣ, вышелъ изъ своей теплой каюты и сталъ помогать матросамъ тянуть бичевой судно. Зеленые очки, защищавшія глаза доктора отъ вреднаго дѣйствія отраженныхъ лучей свѣта, сообщали ему чрезвычайно благодушный видъ. Во время дальнѣйшихъ изслѣдованій своихъ, онъ всегда носилъ *snow-spectacles* (снѣговья очки), предохранявшія его глаза отъ офталміи, болѣзни, столь обыкновенной въ полярныхъ широтахъ.

Къ вечеру *Forward* на нѣсколько миль подвинулся къ сѣверу, благодаря усиліямъ экипажа и искусству, съ какимъ Шандонъ пользовался малѣйшимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Въ полночь бригъ прошелъ шестьдесятъ шестую параллель. Лотъ показалъ двадцать три сажени глубины, и изъ этого помощникъ капитана заключилъ, что *Forward* находится по близости подводныхъ грядъ, на которыхъ обмелѣлъ англійскій военный корабль *Victory*. Берегъ находился въ тридцати миляхъ на востокъ.

Вдругъ масса льдовъ, дрѣхъ поръ неподвижныхъ, разбилась на части и пришла въ движеніе; вскорѣ ледяныя горы нагрянули со всѣхъ сторонъ горизонта, и бригъ очутился среди цѣлаго ряда движущихся подводныхъ скаль, обладавшихъ непреодолимою силою напора. Управлять бригомъ сдѣлалось на столько труднымъ, что у штурвала поставили Гарри, лучшаго рулевого. Ледяныя горы, казалось, смыкались вслѣдъ за бригомъ. Необходимо было прорваться чрезъ этотъ ужасный лабиринтъ льдовъ; благоразуміе и долгъ требовали одного – идти впередъ. Затруднительность настоящаго положенія усложнялась еще невозможностью опредѣлить направленіе, котораго держался бригъ; подвижныя массы безпрестанно мѣняли свое мѣсто и не представляли постоянныхъ точекъ, по которымъ бы можно было ориентироваться.

Экипажъ раздѣлили на двѣ партіи; каждый матросъ, снабженный длиннымъ, съ желѣзнымъ наконечникомъ шестомъ, отталкивалъ слишкомъ опасныя льдины. Вскорѣ *Forward* вошелъ въ столь узкій проходъ между двумя высокими горами, что концами своихъ рей задѣвалъ ледяныя, твердыя какъ камень стѣны канала. Немного погодя бригъ перешелъ въ извилистый протокъ; въ воздухѣ кружились снѣжные вихри, плавающія льдины сталкивались между собою и съ зловѣщимъ грохотомъ распадались на части.

Вскорѣ обнаружилось, что протокъ этотъ не имѣетъ выхода; громадная льдина, попавшая въ каналъ, быстро неслась на бригъ; не было, казалось, никакой возможности избѣжать ея или вернуться назадъ по заграможденной льдинами дорогѣ.

Шандонъ и Джонсонъ, стоя на носу брига, тревожно наблюдали положеніе, въ которомъ находился *Forward*. Шандонъ правою рукою указывалъ рулевому направленіе, котораго слѣдовало держаться, а приказанія свои относительно дѣйствія машины лѣвою рукою передавалъ Джемсу Уэллю, стоявшему подлѣ машиниста.

– Чѣмъ все это кончится? – спросилъ докторъ у Джонсона.

– Чѣмъ Богу будетъ угодно, – отвѣтилъ шкиперъ.

Между тѣмъ громадная льдина въ сто футовъ высокою, находившаяся всего въ одномъ кабельтовѣ¹⁶ отъ *Forward'a*, все подвигалась и грозила раздавить подъ собою несчастный бригъ, которому некуда было увернуться. Пэнъ страшно выругался.

– Молчать! – раздался чей-то могучій голосъ, который трудно было распознать среди завываній урагана.

Ледяная громада, казалось, вотъ, вотъ обрушится на бригъ; наступила минута невыразимаго ужаса. Матросы, кинувъ шесты и не обращая вниманія на приказанія Шандона, бросились къ кормѣ.

Вдругъ раздался страшный трескъ. Цѣлый водяной смерчъ хлынулъ на палубу брига, приподнятаго громадною волною. Экипажъ испустилъ крикъ ужаса; но Гарри, стоя у руля, держалъ бригъ въ надлежащемъ направленіи, не смотря на то, что *Forward* качало изъ стороны въ сторону.

Прошло нѣсколько мучительныхъ мгновеній и когда уstraшенные взоры экипажа направились на ледяную гору, послѣдняя уже не существовала, проходъ былъ свободенъ и тянувшійся за нимъ длинный каналъ позволялъ бригу продолжать свой путь уже совершенно безпрепятственно.

– Не можете-ли, докторъ, объяснить мнѣ этотъ удивительный феноменъ? – спросилъ Джонсонъ.

– Онъ очень простъ, другъ мой, – отвѣтилъ докторъ, – и повторяется часто. Плавуція массы льда теряютъ, во время оттепелей, взаимную связь и носятся по морю каждая отдѣльно, сохраняя, однакожъ, полное равновѣсіе. Мало по малу онѣ подвигаются къ югу, гдѣ вода, относительно, теплѣе. Основаніе ихъ, потрясваемое столкновеніями съ другими льдинами, начинаетъ подтаявать и выкрашиваться; наступаетъ, наконецъ, минута, когда центръ тяжести этихъ ледяныхъ глыбъ перемѣщается и онѣ опрокидываются. если-бы эта гора перекувырнулась двумя минутами позже, то въ паденіи своемъ, конечно, раздавила-бы бригъ и гибель наша была-бы неизбѣжна.

¹⁶ Кабельтовъ = 100 саж.

IX. Новость

Наконецъ, 30-го апрѣля въ полдень, *Forward* прошелъ полярный кругъ на высотѣ Гольстейборгскаго мыса. На востокъ высились живописныя горы. Море казалось свободнымъ или, вѣрнѣе сказать, отъ встрѣчи съ льдиной можно было легко уклониться. Вѣтеръ перешелъ къ юго-востоку и бригъ, подъ форстакселемъ, марселями, фокъ-зейлемъ и брамселями смѣло вступилъ въ Баффиново море.

День выдался спокойный, и экипажъ могъ отдохнуть нѣсколько часовъ. Множество птицъ носилось и плавало вокругъ судна; въ числѣ ихъ докторъ замѣтилъ *alca-alla*, напоминавшихъ собою чирковъ, съ черными шеями, крыльями и спинами и бѣлою грудью. Они быстро ныряли и нерѣдко оставались подъ водою больше сорока секундъ.

Этотъ день не ознаменовался-бы ничѣмъ новымъ, если-бы на бригъ не совершилось одно чрезвычайно странное событіе.

Въ шесть часовъ утра, войдя въ свою каюту послѣ вахты, Шандонъ нашелъ на столѣ письмо съ слѣдующею надписью:

«Помощнику капитана, на бригъ *Forward*. Ричарду Шандону,
Баффиново море».

Шандонъ просто не вѣрилъ своимъ глазамъ. Прежде чѣмъ разорвать конвертъ и прочесть странное посланіе, онъ позвалъ доктора, Джемса Уэлля и Джонсона и показалъ имъ письмо.

– Странно, – сказалъ Джонсонъ.

– Восхитительно! – подумалъ докторъ.

– Наконецъ-то, – вскричалъ Шандонъ, – мы узнаемъ тайну...

Онъ поспѣшно вскрылъ конвертъ и прочиталъ слѣдующее:

«Капитанъ брига *Forward* доволенъ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ, выказанными матросами, офицерами и вами во время послѣднихъ обстоятельствъ, и проситъ васъ объявить экипажу его благодарность!»

«Держите курсъ прямо на сѣверъ, къ губѣ Мельвиля, откуда вы постараетесь войти въ проливъ Смита.

Капитанъ брига *Forward*

K. Z.

«Понедѣльникъ, 30-го апрѣля,
на высотѣ Гольстейборгскаго мыса».

– И больше ничего? – вскричалъ докторъ.

– Ничего, отвѣтилъ Шандонъ.

Письмо выпало у него изъ рукъ.

– Этотъ фантастическій капитанъ, – сказалъ Уэллеръ, – даже не говоритъ о своемъ намѣреніи явиться на бригъ. Изъ этого я заключаю, что мы никогда его не увидимъ.

– Но какимъ образомъ попало сюда это письмо? – спросилъ Джонсонъ.

Шандонъ молчалъ.

– Г. Уэллеръ правъ, – отвѣтилъ докторъ, поднявъ письмо и поворачивая его во всѣ стороны.

Капитанъ не явится на бригъ по очень простой причинѣ...

– По какой именно? – съ живостью спросилъ Шандонъ.

– Потому что онъ уже находится на бригѣ, – отвѣтилъ докторъ.

– Находится на бригѣ? – вскричалъ Шандонъ. Что вы хотите этимъ сказать?

– Какимъ-же образомъ иначе объяснить полученіе письма?

Джонсонъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

– Это невозможно! – энергически возразил Шандонъ. Я знаю всѣхъ людей экипажа; послѣ этого слѣдовало-бы допустить, что капитанъ находится въ числѣ матросовъ со времени отплытія брига. Это невозможно, говорю вамъ! Втеченіе двухъ лѣтъ я, по меньшей мѣрѣ, сто разъ видывалъ каждого изъ нихъ въ Ливерпуль. Ваше предположеніе, докторъ, не выдерживаетъ строгой критики.

– Въ такомъ случаѣ, что-же вы допускаете, Шандонъ?

– Все, за исключеніемъ этого. Я допускаю, что капитанъ, или преданный ему человѣкъ, воспользовавшись темнотою, туманомъ, – всѣмъ, чѣмъ хотите, – успѣлъ взобраться на бригъ. Мы не вдалекѣ отъ береговъ; какой нибудь челнокъ незамѣтно могъ пробраться между льдинами, подойти къ бригу и передать письмо... Довольно густой туманъ благопріятствовалъ такому плану и...

– Не позволялъ видѣть бригъ, – добавилъ докторъ. Если мы не замѣтили взбиравашагося на бортъ незнакомца, то какимъ образомъ онъ могъ-бы увидѣть *Forward* среди тумана?

– Это ясно, – замѣтилъ Джонсонъ.

– Возвращаюсь къ моему предположенію, – продолжалъ докторъ. Что вы думаете объ немъ, Шандонъ?

– Я допускаю все, за исключеніемъ предположенія, что человѣкъ этотъ находится на бригѣ, – пылко отвѣтилъ Шандонъ.

– Вѣроятно, – добавилъ Уэлль, – въ числѣ матросовъ находится личность, получившая инструкціи капитана.

– Быть можетъ, – сказалъ докторъ.

– Но кто-же именно? – спросилъ Шандонъ. Я давно уже знаю всѣхъ моихъ матросовъ...

– Во всякомъ случаѣ, – отвѣтилъ Джонсонъ, – человѣкъ-ли онъ, сатана-ли, – но какъ скоро капитанъ этотъ явится на бригъ, его примутъ какъ должно. Изъ письма его можно извлечь, однакожь, другаго рода указаніе или, точнѣе, другаго рода свѣдѣніе.

– Какое? – спросилъ Шандонъ.

– Что мы должны отправиться не только въ губѣ Мелъвиля, но даже въ проливъ Смита.

– Это вѣрно, – подтвердилъ докторъ.

– Въ проливъ Смита, – машинально повторилъ Шандонъ.

– Очевидно, поэтому, – продолжалъ Джонсонъ, – что *Forward* отправляется не для отысканія сѣверо-западнаго пролива, такъ какъ мы оставимъ влѣво единственный ведущій къ нему путь, – проливъ Ланкастера. Это предвѣщаетъ намъ опасное плаваніе въ неизслѣдованныхъ моряхъ.

– Да, проливъ Смита – это путь, по которому шель, въ 1853 году, американецъ Кэнь. Но съ какими опасностями было сопряжено его путешествіе! сказалъ Шандонъ. Долгое время Кэна считали погибшимъ въ этихъ суровыхъ странахъ. Впрочемъ, если необходимо отправиться туда, что-жь, – мы отправимся! До какого, однакожь, мѣста? Неужели до полюса?

– А почему-бы и не до полюса? – вскричалъ докторъ.

Одна мысль о подобнаго рода безумной попыткѣ заставила Джонсона пожать плечами.

– Возвратимся теперь къ нашему капитану, – началъ Джемсъ Уэлль. Если онъ существуетъ, то можетъ ждать насъ только на Диско или въ Уппернавикѣ, на берегахъ Гренландіи. Впрочемъ, это разъяснится черезъ нѣсколько дней.

– Вы сообщите содержаніе письма экипажу? – обратился докторъ къ Шандову.

– По моему, дѣлать этого не слѣдуетъ. – сказалъ Джонсонъ.

– Почему? – спросилъ Шандонъ.

– Потому что таинственность и фантастичность дѣла могутъ поселить въ матросахъ уныніе. Ихъ и безъ того беспокоитъ будущность экспедиціи, предпринимаемой при настоящихъ условіяхъ. Если-же ко всему этому присоединится еще нѣчто сверхъестественное, то въ кри-

тическую минуту намъ нечего и разсчитывать на экипажъ. Не знаю, согласны-ли вы со мною, г. Шандонъ?

– А вы, докторъ, какъ полагаете? – спросилъ Шандонъ^

– По моему, Джонсонъ правъ, – отвѣтилъ докторъ.

– А вы, Джемсъ?

– За недостаткомъ лучшаго мнѣнія, – сказалъ Уэлль, – а присоединяюсь къ мнѣнію, высказанному этими господами.

Втеченіе нѣсколькихъ минутъ Шандонъ размышлялъ и затѣмъ снова внимательно пробѣжалъ адресованное на его имя письмо.

– Господа, – сказалъ онъ, – не смотря на всю основательность вашего мнѣнія, принять его я не могу.

– Почему, Шандонъ? – спросилъ докторъ.

– Потому что изложенныя въ письмѣ инструкціи чрезвычайно точны. Мнѣ приказано объявить экипажу благодарность капитана. До сихъ поръ я слѣпо исполнялъ его распоряженія, какимъ-бы образомъ они вы передавались мнѣ, а потому и на этотъ разъ я не могу...

– Однакожъ... замѣтилъ Джонсонъ, опасавшійся дѣйствія, которое такого рода сообщеніе могло произвести на матросовъ.

– Я вполне понимаю причину вашей настойчивости, любезный Джонсонъ, – сказалъ Шандонъ, – но потрудитесь прочесть:

«...и просить васъ объявить экипажу его благодарность»

– Въ такомъ случаѣ, дѣйствуйте сообразно съ полученными вами приказаніями, – отвѣтилъ Джонсонъ, вообще строгій блюститель дисциплины. Нужно собрать экипажъ?

– Да, распорядитесь, – сказалъ Шандонъ.

Вѣсть о письмѣ капитана быстро разнеслась на бригѣ. Матросы немедленно собрались на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно дѣлались смотры, и Шандонъ громко прочелъ таинственное письмо.

Экипажъ молча выслушалъ и затѣмъ разошелся, дѣлая тысячу различныхъ предположеній. Клифтонъ предавался бреднямъ своего суевѣрнаго воображенія. Приписывая значительную долю участія въ этомъ дѣлѣ собакѣ-капитану, онъ при встрѣчѣ съ послѣднею отдавалъ ей честь.

– Не говорилъ-ли я вамъ, – повторялъ онъ матросамъ, – что этотъ песъ умѣетъ писать.

На это замѣчаніе никто не отвѣчалъ, тѣмъ болѣе, что на него затруднился-бы отвѣтить даже самъ Бэлль, плотникъ.

Тѣмъ не менѣе, для всѣхъ было ясно, что, за неимѣніемъ капитана, его тѣнь или его духъ присутствуютъ на бригѣ. Благоразумнѣйшіе изъ матросовъ воздерживались отъ какихъ-бы то ни было предположеній.

1-го мая, въ полдень, обсервація дала 68° широты и 56°32' долготы. Температура поднялась и термометръ показывалъ двадцать пять градусовъ ниже точки замерзанія (-4° столбусаго термометра).

Докторъ забавлялся, глядя на продѣлки бѣлой медвѣдицы и двухъ медвѣжонковъ, находившихся на окраинѣ одного *pack'a*, который несея вдоль берега. Сопровождаемый Уэллемъ и Симпсономъ, Клаубонни хотѣлъ преслѣдовать ихъ на шлюпкѣ; но медвѣдица, не обладавшая, повидимому, геройскимъ духомъ, проворно убралась съ своими чадами, и доктору пришлось отказаться отъ охоты.

При попутномъ вѣтрѣ ночью бригъ прошелъ мысъ Чидли (Chidley) и вскорѣ высокія горы Диско показались на горизонтѣ; заливъ Годавнъ (Gadavhn), резиденція датскаго генераль-губернатора, остался влѣво. Шандонъ не счелъ нужныхъ останавливаться и вскорѣ *Forward* оставилъ позади себя челноки эскимосовъ, пытавшіеся подойти къ бригу.

Островъ Диско извѣстенъ также подъ именемъ острова Кита. Отсюда, 12-го іюля 1845 года, сэръ Джонъ Франклинъ отправилъ въ адмиралтейство свое послѣднее донесеніе. Къ

этому-же острову присталь, 27-го августа 1859 года, на возвратномъ пути въ Англію, капитанъ Макъ-Клинтокъ, привезшій несомнѣнныя доказательства гибели экспедиціи Франклина.

Докторъ обратилъ вниманіе на совпаденіе этихъ двухъ фактовъ, наводившихъ на столь печальныя воспоминанія; вскорѣ однако горы Диско скрылись изъ глазъ.

У береговъ громоздились массы тѣхъ обширныхъ ледяныхъ горъ, которыя даже оттепели не могутъ отдѣлится отъ материка. Безконечный рядъ ихъ вершинъ принималъ самыя причудливыя формы.

На слѣдующій день, къ тремъ часамъ, на сѣверо-востокъ показался Сандерсонъ-Гопъ; материкъ остался вправо отъ брига, въ разстояніи пятнадцати миль. На горахъ лежалъ какой-то темно-красный оттѣнокъ. Множество китовъ изъ породы *finners*, съ плавниками на спинѣ, рѣзались вечеромъ между плавающими льдинами, выпуская воздухъ и воду своими дышами.

Ночью, съ 3-го на 4-е мая, докторъ въ первый разъ увидѣлъ, какъ солнце только задѣвало линію горизонта, не погружаясь въ него своимъ лучезарнымъ дискомъ. Съ 31-го января, описываемыя имъ на небѣ пути все болѣе и болѣе увеличивались; втеченіе цѣлыхъ сутокъ было свѣтло.

Людей непривычныхъ изумлялъ и даже утомлялъ этотъ постоянный свѣтъ. Нельзя себѣ представить, насколько ночная темнота необходима для глазъ. Доктору было чрезвычайно трудно привыкнуть къ этому непрерывному свѣту, которому отраженіе солнечныхъ лучей на ледяныхъ равнинахъ сообщало еще большую степень энергіи.

3-го мая, *Forward* прошелъ семьдесятъ вторую параллель. Двумя мѣсяцами позже онъ встрѣтилъ-бы много китобоевъ, занимающихся своимъ промысломъ въ этихъ высокихъ широтахъ, но теперь проливъ былъ еще недостаточно свободенъ отъ льдовъ и промысловыя суда не могли проникнуть въ Баффиново море.

На слѣдующій день, бригъ, миновавъ островъ Женшинъ, подошелъ къ Уппернавику – самому сѣверному датскому поселенію на берегахъ Гренландіи.

Х. Опасное плаваніе

Шандонъ, докторъ, Джонсонъ, Фокеръ и Стронгъ, поваръ, сѣли въ китобойную шлюпку и отправились на берегъ.

Губернаторъ, его жена и пятеро дѣтей, – все чистокровные эскимосы – вѣжливо вышли на встрѣчу посѣтителемъ. Докторъ, въ качествѣ филолога, зналъ кое-что по-датски, и этого было вполне достаточно для установленія съ туземцами дружескихъ отношеній. Впрочемъ, Фокеръ, переводчикъ экспедиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ *ice-master*, зналъ словъ двадцать по-гренландски, а съ двадцатью словами человекъ можетъ уйти далеко, если только онъ не черезчуръ ужъ честолюбивъ. Губернаторъ родился на Диско и никогда не покидалъ своего отечества. Онъ показалъ путешественникамъ весь городъ, не особенно, впрочемъ, обширный, состоявшій изъ трехъ деревянныхъ домовъ, занимаемыхъ губернаторомъ и лютеранскимъ пасторомъ, да изъ школы и изъ магазиновъ, которые снабжались провіантомъ судами, потерпѣвшими крушеніе! Прочія городскія зданія состояли изъ снѣжныхъ хижинъ, въ которыя эскимосы входятъ ползкомъ чрезъ единственное продѣланное въ стѣнѣ отверстіе.

Большая часть населенія отправилась къ *Forward'y*, и многіе изъ туземцевъ выѣхали на средину залива, въ своихъ «каякахъ», длиною въ пятнадцать, а шириною не болѣе двухъ футовъ.

Докторъ зналъ, что слово *эскимо* значитъ: *употребляющій, въ пищу сырую рыбу*; но ему также было извѣстно, что слово это считается браннымъ. Поэтому онъ постоянно называлъ туземцевъ гренландцами.

За всѣмъ тѣмъ, по пропитанной жиромъ одеждѣ изъ шкуръ тюленей, по такимъ-же сапогамъ, по маслянистой и смрадной наружности, не позволявшей различать мужчинъ отъ женщинъ, не трудно было догадаться, какою пищею питаются эти люди. Подобно всѣмъ рыбояднымъ народамъ, эскимосы покрыты накожными сыпями, что нисколько не мѣшаетъ имъ пользоваться вождѣленнымъ здоровьемъ.

Лютеранскій пасторъ и его жена, съ которыми докторъ надѣялся побесѣдовать спеціально, уѣхали въ Провень, лежащій на югъ отъ Уппернавика; такимъ образомъ Клоубонни пришлось ограничиться бесѣдою съ самимъ губернаторомъ. Но этотъ высокій сановникъ, повидимому, былъ не особенно развитъ; чуточку поменьше развитія – и онъ былъ-бы чистымъ осломъ; чуточку побольше – и онъ умѣлъ бы читать.

Не смотря на это, докторъ спрашивалъ губернатора на счетъ торговли, обычаевъ и нравовъ эскимосовъ и узналъ при помощи языка жестовъ, что моржи на копенгагенскомъ рынкѣ стоятъ около 1,000 франковъ за штуку; за медвѣжью шкуру обыкновенно платится сорокъ датскихъ талеровъ, за шкуру песца – четыре, бѣлой лисицы – два или три талера.

Докторъ пожелалъ также, съ цѣлью пополненія запаса своихъ свѣдѣній, побывать въ эскимосской хижинѣ. Нельзя себѣ представить, до чего способенъ дойти ученый, желающій чемунибудь научиться! Къ счастью, отверстія хижинъ оказались черезчуръ ужъ узкими, такъ что пылкій докторъ не могъ въ нихъ протиснуться. Впрочемъ, это случилось къ его счастью, такъ какъ ничего не можетъ быть отвратительнѣе скопленія живой органической и неорганической матеріи, мяса моржей и тѣла самихъ эскимосовъ, прогнившей рыбы и смрадной одежды, служащихъ обстановкой эскимосской хижины. Ни одного окна для возобновленія воздуха, дышать которымъ нѣтъ возможности; только вверхъ хижины продѣлано одно отверстіе, черезъ который выходитъ дымъ, но не смрадъ.

Всѣ эти подробности сообщилъ доктору Фокеръ; однако, достойный ученый все-таки проклиналъ свою тучность, не позволившую ему побывать въ жильѣ эскимоса и лично убѣдиться на счетъ достоинства *sui generis* благовоній, свойственныхъ эскимосскимъ хижинамъ.

– Я увѣренъ, – говорилъ онъ, – что со временемъ къ этому можно привыкнуть.

Во время этнографических изслѣдованій Клоубонни, Шандонъ, съ своей стороны, занимался, согласно съ полученными имъ инструкціями, вопросомъ о средствахъ предстоящихъ передвиженій въ области вѣчнаго льда. Въ виду этого онъ нашелся вынужденнымъ заплатить четыре фунта стерлинговъ за сани и шесть собакъ, съ которыми эскимосы рѣшились разстаться.

Шандонъ хотѣлъ также завербовать Ганса Христіана, искуснаго жожака собакъ, участвовавшего въ знаменитой экспедиціи капитана Макъ-Клинтока, но Гансъ находился въ это время въ южной Гренландіи.

Наконецъ, на очередь выступилъ вопросъ, находится-ли въ Упперनावикѣ какой-нибудь европеецъ, ожидающій прибытія брига *Forward*? Извѣстно-ли губернатору, чтобы кто нибудь изъ чужеземцевъ, по всѣмъ вѣроятіямъ англичанинъ, поселился въ странѣ? А если извѣстно, то къ какому времени относятся его послѣднія сношенія съ китобойными или другими судами?

На эти вопросы губернаторъ отвѣчалъ, что больше десяти мѣсяцевъ ни одинъ, чужеземецъ не высаживался въ этой части Гренландіи.

Шандонъ приказалъ подать себѣ списокъ всѣхъ китобоевъ, побывавшихъ здѣсь за послѣднее время;— никого изъ нихъ онъ не зналъ. Отъ этого можно было прійти въ отчаяніе.

— Сознайтесь, докторъ, что тутъ рѣшительно ничего не поймешь,— говорилъ помощникъ капитана. Ничего на мысѣ Фаревель, ничего на островѣ Диско, ничего въ Упперनावикѣ!

— Повторите мнѣ черезъ нѣсколько дней: «Ничего въ заливѣ Мельвиля» — и я поздравлю васъ капитаномъ *Foricard'a*, любезный Шандонъ.

Шлюпка возвратилась подъ вечеръ на бригъ. По части свѣжей провизіи, Стронгъ добылъ нѣсколько дюжинъ яицъ *elder-ducks* (пушистыхъ утокъ); яйца оказались зеленоватаго цвѣта и въ два раза больше куриныхъ. Этого было маловато — но все же лучше, чѣмъ ничего; экипажу успѣла порядкомъ таки надобѣсть солонина.

Хотя на слѣдующій день вѣтеръ былъ попутный, но Шандонъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно отплытія. Онъ рѣшилъ подождать еще одинъ день, чтобы дать возможность попасть на бригъ тому, кому это было необходимо. Шандонъ приказалъ даже каждая часъ стрѣлять изъ пушки. Выстрѣлы грохотали среди ледяныхъ горъ и только вспугивали стаи *molly-mokes* (птицъ, водящихся въ полярныхъ моряхъ) и *rotches* (родъ куропадокъ). Ночью съ брита пускали много ракетъ; все тщетно! Никто не являлся. Приходилось отправиться дальше.

8-го мая, *Forward*, шедшій подъ марселями, факселемъ и брамселемъ, потерялъ изъ вида Упперनावикъ и отвратительные шесты, на которыхъ висѣли внутренности моржей и желудки оленей.

Вѣтеръ дулъ съ юго-востока; температура поднялась до тридцати двухъ градусовъ (0° стоградуснаго термометра). Солнце проникало завѣсу тумановъ и, подъ разлагающимъ дѣйствіемъ живительныхъ лучей, льдины утрачивали нѣкоторую долю своей взаимной связи.

Однакожь, рефракція лучей свѣта не замедлила произвести вредное дѣйствіе на зрѣніе матросовъ. Уильстенъ, оружейникъ, Грипперъ, Клифтонъ и Белль были поражены *snow blindness* — болѣзнью глазъ, очень распространенною весною въ полярныхъ странахъ и производящею у эскимосовъ частые случаи слѣпоты. Докторъ посоветовалъ больнымъ въ частности, а всѣмъ своимъ спутникамъ вообще, закрывать лица вуалью изъ зеленого газа и первый-же послѣдовалъ своему совѣту.

Собаки, купленные Шандономъ въ Упперनावикѣ, были довольно дики; однако Капитанъ жилъ въ ладахъ съ своими новыми товарищами и, казалось, зналъ ихъ привычки. Клифтонъ первый замѣтилъ, что таинственный догъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и прежде находился въ сношеніяхъ со своими гренландскими родичами. Постоянно голодная и пользовавшаяся очень скудною пищею на материкѣ, гренландскія собаки постарались возобновить свои силы кормомъ, который давался имъ на бригѣ.

9-го мая, *Forward* прошелъ въ разстояніи нѣсколькихъ кабельтововъ отъ самаго западнаго изъ острововъ Баффина. Докторъ замѣтилъ, что многія изъ скаль залива, находившіяся между материкомъ и островами, покрыты краснымъ; прелестнаго карминового цвѣта, снѣгомъ, которому докторъ Кэнъ приписываетъ чисто растительное происхожденіе. Клоубонни желалъ поближе изслѣдовать этотъ странный феноменъ, но льдины не позволили ему подойти къ берегу. Хотя температура и повышалась, тѣмъ не менѣе нетрудно было замѣтить, что ледяныя горы и ледяныя теченія направлялись къ сѣвернымъ частямъ Баффинова моря.

Начиная съ Упперनावика, материкъ представлялся уже въ другомъ видѣ; на сѣроватомъ небосклонѣ рѣзко выдѣлялись очертанія громадныхъ ледниковъ. 10-го мая, *Forward* оставилъ вправо заливъ Гикгстона, почти подъ семьдесятъ четвертымъ градусомъ широты; – на западѣ показался проливъ Ланкастера, тянувшійся въ морю на нѣсколько сотъ миль.

Это громадное водяное пространство было затянуто теперь ледянымъ покровомъ, на которомъ высились правильные *hummock'u* (возвышенія) въ видѣ кристаллическихъ ледяныхъ отложеній. Шандонъ приказалъ развести дары и до 11 мая *Forward* шелъ извилистыми каналами, обозначая на небѣ черною полосою дыма свой путь по морю.

Не замедлили явиться и затрудненія; свободные проходы, вслѣдствіе безпрестаннаго перемѣщенія плавающихъ массъ, загромождались льдами, такъ что каждое мгновеніе подъ килемъ брига могло не хватить воды; попади *Fortvard* въ ледяныя тиски, – выпутаться ему было бы трудно. Всѣ знали это и были серьезно встревожены.

На *Forward'н*, не преслѣдовавшемъ извѣстной цѣли, не имѣвшемъ опредѣленнаго назначенія и только безумно направлявшейся въ сѣверу, стали обнаруживаться нѣкоторые признаки колебанія. Многіе изъ матросовъ, люди, привыкшіе въ полной опасностей жизни, забывали даже о предоставляемыхъ имъ выгодахъ и начинали сожалѣть о томъ, что зашли такъ далеко. Въ умахъ царила уже нѣкоторая доля деморализаціи, усиливавшейся еще опасеніями Клифтона и розсказами двухъ или трехъ коноводовъ, въ родѣ Пэна, Гриппера и Уильстена.

Къ нравственнымъ волненіямъ экипажа присоединились еще изнурительные труды: 12-го мая бригъ былъ совершенно затертъ льдами, дѣйствіе паровъ оказались безсильнымъ. Съ трудомъ приходилось пролагать себѣ путь среди ледяныхъ полянь. Работа пилами была чрезвычайно утомительна: льдины (*floes*) достигали толщины семи футовъ; сдѣлавъ во льду двѣ параллельныя прорубки длиною каждая въ сто футовъ, находившееся между ними пространство приходилось ломать ломами и топорами. Обыкновенно, забрасывали якорь въ отверстіе, сдѣланное большимъ буравомъ, послѣ чего начиналась работа воротомъ и тяга бичевою. Труднѣе всего было спустить подъ *floes* разбитые куски льда, чтобы очистить дорогу судну; ихъ отталкивали длинными, съ желѣзными наконечниками, шестами.

Работа пилами, воротомъ, шестами и тяга бичевою, работа безпрерывная, неотложная и опасная, среди тумановъ, подъ густымъ снѣгомъ, при относительно низкой температурѣ, глазныя болѣзни, страданія нравственныя – все это лишало матросовъ энергіи и вліяло на ихъ воображеніе.

Если матросы имѣютъ дѣло съ человѣкомъ энергичнымъ, отважнымъ, убѣжденнымъ, знающимъ, чего онъ хочетъ, куда идетъ, къ какой стремится цѣли, то увѣренность капитана придаетъ силы экипажу. Матросы сердцемъ сливаются съ своимъ начальникомъ; они крѣпки его силою, спокойны его спокойствіемъ. Но на бригъ сознавали, что Шандонъ не увѣренъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что онъ колеблется предъ невѣдомою цѣлью экспедиціи и назначеніемъ *Forward'a*. Не смотря на энергію характера, колебанія помощника капитана сказывались, помимо его воли, въ отмѣнѣ прежде отданныхъ приказаній, въ неполнотѣ распоряженій, въ несвоевременныхъ размышленіяхъ, въ тысячахъ мелочей, не ускользавшихъ отъ вниманія экипажа.

Къ тому-жъ, Шандонъ не былъ капитаномъ брига, первымъ, послѣ Бога, властелиномъ на суднѣ. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы его приказанія подвергались обсужденію. Но отъ обсужденій до неповиновенія – одинъ только шагъ.

Недовольнымъ удалось скорѣе склонить на свою сторону первого машиниста, до сихъ поръ слѣпо повиновавшагося своему долгу.

16-го мая, шесть дней послѣ того, какъ *Forward* очутился у ледяныхъ равнинъ, Шандонъ и на двѣ мили не подвинулся къ сѣверу. Грозилъ опасность, что бригъ затретъ льдами и онъ останется въ такомъ видѣ до весны. Положеніе становилось критическимъ.

Къ восьми часамъ вечера, Шандонъ и докторъ, въ сопровожденіи матроса Гарри, отправились на развѣдку по безпредѣльнымъ ледянымъ равнинамъ, стараясь не слишкомъ удаляться отъ брига, такъ какъ было крайне затруднительно ориентироваться среди этихъ бѣлоснѣжныхъ пустынь, видъ которыхъ безпрестанно измѣнялся. Странныя, изумлявшія доктора, явленія производило здѣсь преломленіе лучей свѣта. Иной разъ казалось, что слѣдуетъ сдѣлать прыжокъ всего въ одинъ футъ, а на повѣрку выходило, что перескочить приходилось пространство въ шесть футовъ. Случалось и совершенно наоборотъ, но въ обѣихъ случаяхъ дѣло кончалось если и не опаснымъ, то все-же непріятнымъ паденіемъ на куски твердаго и остраго какъ стекло льда.

Шандонъ и его товарищи, отыскивая удобные проходы, въ трехъ миляхъ отъ судна не безъ труда поднялись на ледяную гору, высотой около трехсотъ футовъ. Взоры ихъ проносились надъ грустною картиною, представлявшею какъ-бы развалины громаднаго города, съ его поверженными обелисками, разрушенными башнями и опрокинутыми дворцами. Чистый хаосъ! Солнце какъ-бы съ трудомъ проходило свой путь надъ этимъ исковерканнымъ пейзажемъ, освѣщая его своими косвенными и холодными лучами, точно между дневнымъ свѣтиломъ и этою печальною страню лежали промежуточные слои, не проводящіе теплоты.

Насколько можно было охватить взоромъ, море казалось замерзшимъ.

– Ну, какъ тутъ пройти? – спросилъ докторъ.

– Не знаю, – отвѣтилъ Шандонъ, – но хотя бы пришлось пороховомъ взрывать эти горы, а все-таки мы пройдемъ. Понятно, что, я нисколько не желаю, чтобы насъ затерло здѣсь до слѣдующей весны.

Шандонъ и его товарищи не безъ труда поднялись на ледяную гору.

– Какъ это случилось съ бригамъ *Fox*, въ этой-же почти мѣстности. Да, – сказалъ докторъ, – мы пройдемъ, при помощи нѣкоторой доли... философіи, потому что философія, какъ сами увидите, стоитъ всѣхъ машинъ въ мірѣ.

– Должно сознаться, – отвѣтилъ Шандонъ, – что настоящій годъ начинается при не совсемъ благоприятныхъ предзнаменованіяхъ.

– Это неопровержимо! Къ тому-жъ, я замѣчаю, что Баффиново море возвращается къ положенію, въ которомъ оно находилось до 1817 года.

– Развѣ вы полагаете, докторъ, что видъ этого моря повременамъ измѣняется?

– Не полагаю, а навѣрное знаю, любезный Шандонъ. Повременамъ здѣсь совершаются громадныя передвиженія льдовъ, и ученые даже не стараются объяснить это явленіе. Такъ, до 1817 года, Баффиново море было постоянно загромождено льдами, но вдругъ, вслѣдствіе какого-то необъяснимаго движенія водъ, ледяныя горы были отброшены въ океанъ, причемъ большая ихъ часть обмелѣла у береговъ Ньюфаундлэнда. Съ той поры Баффиново море почти освободилось отъ льдовъ и сдѣлалось сборнымъ мѣстомъ всѣхъ китобоевъ.

– Слѣдовательно, – спросилъ Шандонъ, – съ того времени путешествія на сѣверъ представляютъ меньше затрудненій?

– Несравненно меньше. Но замѣчено также, что нѣсколько уже лѣтъ заливъ какъ-будто начинаетъ замерзать и даже грозитъ надолго сдѣлаться недоступнымъ для мореплавателей. Поэтому именно мы должны какъ можно дальше подвинуться впередъ, хотя при этомъ мы

нѣсколько похожи на людей, подвигающихся въ невѣдомыхъ галереяхъ, двери которыхъ закрываются за идущими.

– Не посовѣтуете-ли мнѣ вернуться назадъ? – спросилъ Шандонъ, пристально глядя доктору въ глаза.

– Пятиться я никогда не умѣлъ, и если-бы даже намъ не суждено было возвратиться на родину, то я все-таки настаивалъ-бы на томъ, необходимо идти впередъ. Опѣшу однакожъ добавить, что намъ очень хорошо извѣстно, чему мы подвергнемся въ случаѣ необдуманныхъ съ нашей стороны дѣйствій.

– А вы, Гарри, какъ полагаете? – спросилъ Шандонъ у матроса.

– Я пошелъ-бы впередъ. Я одного мнѣнія съ докторомъ; впрочемъ, вы вольны дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Приказывайте, мы будемъ повиноваться.

– Не всѣ говорятъ такъ, Гарри, – продолжалъ Шандонъ, – не всѣ склонны повиноваться. А если экипажъ не захочетъ исполнять мои приказанія?

– Я высказалъ мое мнѣніе, – холодно отвѣтилъ Гарри, – потому что вы требовали этого. Но соображаться съ моимъ мнѣніемъ вы не обязаны.

Шандонъ ничего не отвѣтилъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ горизонтъ и затѣмъ спустился съ горы.

XI. Чертовъ палецъ

Въ отсутствіе Шандона экипажъ производилъ различнаго рода работы, имѣвшія цѣлью предохранить бригъ отъ давленія громаднѣхъ ледяныхъ полянъ. Этимъ труднымъ дѣломъ занимались преимущественно Пэнъ, Клифтонъ, Больтонъ, Гриплеръ и Симпсонъ; кочегаръ и оба машиниста помогали своимъ товарищамъ;— какъ скоро машина не требовала ихъ присутствія, они дѣлались простыми матросами и должны были принимать участіе во всѣхъ работахъ, требовавшихся на бригъ.

Но повиновались они не безъ ропота.

— Надоѣло мнѣ все это,— говорилъ Пэнъ,— и если черезъ три дня ледъ не тронется, то, клянусь Богомъ, я сложу руки и ни за что не примусь ни за какую работу!

— Сложивъ руки? переспросилъ Гриплеръ. Не лучше-ли наоборотъ, работать ими хорошенько для того, чтобы имѣть возможность вернуться на родину? Не полагаешь-ли ты, что кому нибудь хочется зимовать здѣсь до слѣдующей весны?

— Да, плохая была-бы зимовка,— отвѣтилъ Пloverъ,— бригъ не защищенъ ни съ одной стороны.

— Да и кто знаетъ,— замѣтилъ Брентонъ,— будетъ-ли весною море болѣе свободнымъ отъ льдовъ, чѣмъ теперь?

— Рѣчь не о веснѣ,— отвѣтилъ Пэнъ. Развѣ мы станемъ ее ждать?! Сегодня четвергъ, и если въ воскресенье, утромъ, море не очистится, то мы отправимся на югъ.

— Дѣло! — вскричалъ Клифтонъ.

— Значить, идетъ? — спросилъ Пэнъ.

— Идетъ! — отвѣтили его товарища.

— И совершенно резонно,— продолжалъ Уэрень,— потому что если ужъ надо убиваться и тянуть бригъ бичевою, то, по моему, лучше вести его назадъ.

— Увидимъ въ воскресенье,— сказалъ Уильстенъ.

— Пусть только мнѣ прикажутъ,— замѣтилъ Брентонъ,— за иной задержки не будетъ, я живой рукой растоплю машину.

— И безъ тебя растопимъ,— отвѣтилъ Клифтонъ.

— А если кто нибудь изъ офицеровъ пожелаетъ провести здѣсь зиму — что-жъ, онъ воленъ поступать, какъ ему заблагоразсудится,— замѣтилъ Пэнъ. Его преспокойно оставляютъ здѣсь; онъ легко соорудитъ себѣ хижину изъ снѣга и заживетъ въ ней настоящимъ эскимосомъ.

— Ну, это не годится,— сказалъ Брентонъ. Никого не слѣдуетъ оставлять, слышите-ли? Я думаю, что Шандонъ и такъ легко согласится; видъ у него озабоченный, и если ему представить дѣло полегонько, исподоволь, то...

— Это, братъ, еще вилами писано,— возразилъ Пloverъ,— Шандонъ — человѣкъ крутой и порою даже упрямый. Пощупать его слѣдуетъ, это точно, только поосторожнѣй, съ опаскою.

— Какъ подумаешь, со вздохомъ связалъ Больтонъ,— черезъ мѣсяцъ мы можемъ быть уже въ Ливерпуль! Мы живо перемахнемъ полосу льдовъ. Въ началѣ іюня Дэвисовъ проливъ бываетъ свободенъ и намъ останется только спуститься въ Атлантическій океанъ.

— Не говоря уже о томъ,— отвѣтилъ осторожный Клифтонъ,— что, возвратившись съ Шандономъ и дѣйствуя подъ его личною отвѣтственности, мы получимъ причитающіеся намъ паи и наградныя деньги. Вернись мы безъ него,— дѣло приметъ сомнительный оборотъ.

— Умныя рѣчи пріятно и послушать,— сказалъ Пloverъ. Клифтонъ разсуждаетъ какъ мудрецъ. Постараемся не ссориться съ адмиралтействомъ, и ни кого не оставимъ здѣсь,— это будетъ повѣрнѣе.

— А если офицеры не захотятъ слѣдовать за нами? — спросилъ Пэнъ, желавшій подбить товарищей на крайнія мѣры.

– Объ этомъ потолкуемъ въ свое время,– отвѣтилъ Болтонъ, впрочемъ, стоитъ только склонить на свою сторону Ричарда Шандона, а это, полагаю, не особенно трудно.

– А все-же кое-кого я оставлю здѣсь,– съ площадною бранью сказалъ Пэнъ,– хоть-бы онъ отгрызъ мнѣ руку.

– А, собаку!

– Да, собаку. Я скоро сведу съ нею счеты.

– Тѣмъ болѣе,– отвѣтилъ Клифтонъ, возвращаясь къ своей любимой темѣ,– что она одна виновата во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ.

– Она околдовала насъ,– сказалъ Пloverъ.

– Привела къ ледянымъ горамъ,– подсказалъ Грипперъ.

– И нагромоздила на нашемъ пути такую массу льдовъ, какой никогда не видывали здѣсь въ эту пору,– добавилъ Уильстенъ.

– А на меня напустила глазную болѣзнь,– сказалъ Брентонъ.

– И отмѣнила выдачу джина и водки,– замѣтилъ Пэнъ.

– Всему она причиною!

– И вдобавокъ ко всему – она же капитанъ! – сказалъ Клифтонъ.

– Такъ погоди-же ты, окаянный капитанъ! – вскричалъ Пэнъ, котораго безумная злоба усиливалась по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Ты хотѣлъ побывать здѣсь, ну, такъ и оставайся здѣсь!

– Теперь самое удобное для этого время,– отвѣтилъ Клифтонъ. – Шандона нѣтъ на бригѣ; лейтенантъ спитъ въ своей каютѣ; туманъ настолько густъ, что Джонсонъ и не замѣтитъ насъ...

– А собака? – спросилъ Пэнъ.

– Спитъ подлѣ магазина съ углемъ,– отвѣтилъ Клифтонъ,– и если кто хочетъ...

– Это ужъ мое дѣло! – бѣшено закричалъ Пэнъ.

– Берегись, Пэнъ! Она перехватитъ зубами желѣзную по» лосу.

– Шевельнись только – и я распорю ей брюхо,– отвѣтилъ Пэнъ, взявъ въ руку свой ножъ. И онъ бросился къ выходу въ сопровожденіи Уэрена.

Вскорѣ оба матроса возвратились, неся на рукахъ собаку, у которой крѣпко были связаны веревкою лапы и морда. Пэнъ и Уэрень набросились на нее въ то время, когда она спала, и несчастное животное не могло спастись.

– Ура! молодчина Пэнъ! – вскричалъ Пloverъ.

– А теперь что ты намѣренъ дѣлать съ нею,– спросилъ Клифтонъ.

– Утопить; посмотримъ, удастся-ли ей вернуться назадъ,– съ свирѣпою улыбкою отвѣтилъ Пэнъ.

Въ двухстахъ шагахъ отъ брига находилась отдушина тюленя, нѣчто въ родѣ круглаго отверстія, которое это земноводное прогрызаетъ зубами, притомъ, всегда изнутри наружу. Отверстіемъ этимъ тюлень выходитъ на ледъ, чтобы подышать воздухомъ и не позволяетъ отдушинѣ замерзнуть, такъ какъ, по особенному устройству своихъ челюстей, тюлень не можетъ прогрызть отверстіе снаружи во внутрь, чтобы, въ случаѣ опасности, скрыться отъ своихъ враговъ.

Пэнъ и Уэрень направились къ этой отдушинѣ и, не взирая на энергическое сопротивление собаки, безжалостно бросили ее въ воду, заложивъ отверстіе большою льдиною, не позволявшею догу выйти наружу, такъ что животное было плотно закупорено въ своей ледяной тюрьмѣ.

– Счастливаго пути, г. капитанъ! – вскричалъ грубый матросъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Пэнъ и Уэрень были на бригѣ. Джонсонъ ничего не замѣтилъ; туманъ сгустился вокругъ брига, начиналъ падать сильный снѣгъ.

Черезъ часъ Ричардъ Шандонъ, докторъ и Гарри возвратились на *Forward*.

Они замѣтили на сѣверо-востокѣ свободный проходъ, Шандонъ рѣшился воспользоваться имъ и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Экипажъ, повидимому, повиновался довольно охотно, желая убѣдить Шандона въ невозможности дальнѣйшаго движенія впередъ. Впрочемъ, втеченіе трехъ дней матросы готовы были повиноваться.

Почти всю ночь и на слѣдующій день работа пилами и тяга бичевою производились дружно; *Forward* на двѣ мили подвинулся къ сѣверу и 18-го числа находился въ виду материка, въ пяти или шести кабельтовыхъ отъ утеса, которому вслѣдствіе его странной формы, дано названіе *Чортова пальца*.

Въ этомъ мѣстѣ суда *Prince Albert* въ 1851 году и *Advance*, втеченіе нѣсколькихъ недѣль были затерты льдами.

Странная форма Чортова пальца, пустынная и печальная мѣстность, громадныя скопленія ледяныхъ горъ, изъ которыхъ инья имѣли болѣе трехсотъ футовъ высоты, трескъ льдинъ, зловѣще повторявшійся эхомъ, все это дѣлало положеніе брига крайне опаснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ печальнымъ. Шандонъ сознавалъ, что *Forward* необходимо вывести изъ этой мѣстности и отправиться дальше. По его расчету, черезъ двадцать четыре часа можно будетъ подвигнуться еще на пять миль. Шандонъ чувствовалъ, что его начинаетъ одолѣвать страхъ; фальшивое положеніе, въ которомъ онъ находился, парализовало его энергію. Повинуясь своимъ инструкціямъ и подвигаясь впередъ, онъ подвергалъ брига чрезвычайной опасности; тяга бичевою окончательно истомила экипажъ; для того, чтобы во льду, обыкновенно имѣвшемъ отъ четырехъ до пяти футовъ толщины, прорубить каналъ длиною въ двадцать футовъ, требовалось болѣе трехъ часовъ; здоровье начинало измѣнять экипажу. Молчаніе и необычайное усердіе матросовъ изумляли Шандона, но онъ опасался, что это затишье служить только предвѣстникомъ близкой бури.

Каково-же были изумленіе, досада и даже отчаяніе Шандона, когда онъ замѣтилъ, что, вслѣдствіе незамѣтнаго движенія ледяныхъ полянъ, *Forward*, въ ночь съ 18 на 19 число, лишился всего, что онъ пріобрѣлъ цѣною такихъ трудовъ!

Въ субботу, утромъ, онъ находился, но еще въ болѣе критическомъ положеніи, въ виду того-же грознаго Чортова пальца. Число ледяныхъ горъ увеличилось; подобно призракамъ, носились онѣ среди тумановъ, пугая суевѣрныхъ матросовъ.

Шандонъ окончательно растерялся, страхъ завладѣлъ сердцемъ этого мужественнаго человѣка. Онъ узналъ о гибели собаки, но наказать виновныхъ не рѣшился, опасаясь вызвать на брига возмущеніе.

Весь день погода стояла ужасная; бригъ заволакивало непроницаемою пеленою снѣга. Повременамъ ураганъ приподнималъ завѣсу тумановъ и Чортовъ палецъ, высившійся подобно привидѣнію, по направленію къ материку, представлялся тогда въ грозномъ величіи уstraшеннымъ взорамъ экипажа.

Forward забросилъ якорь на одну большую льдину, такъ какъ ничего другаго не оставалось дѣлать. Мракъ до того усилился, что рулевой не могъ видѣть Джемса Уэлля, стоявшаго на вахтѣ.

Ураганъ удвоилъ свою ярость; среди волнуемыхъ бурнымъ вѣтромъ тумановъ, Чортовъ палецъ разросся, казалось, до ужасающихъ размѣровъ.

— Господи! — съ ужасомъ вскричалъ Симпсонъ.

— Что такое? — спросилъ Фоверь.

Со всѣхъ сторонъ тотчасъ раздались крики: '

— Насъ раздавить!

— Мы гибнемъ.

— Г. Уэллеръ! г. Шандонъ!

— Мы пропали!

— Г. Шандонъ! г. Шавдовъ! — кричали одновременно всѣ стоявшіе на вахтѣ.

Уэлль бросился къ кормѣ; Шандонъ, въ сопровожденіи доктора, выбѣжалъ на палубу и осмотрѣлся вокругъ себя.

Въ просвѣтѣ тумана Чортовъ палецъ, казалось, быстро приближался къ бригу; онъ страшно увеличился въ размѣрахъ, на его вершинѣ покачивался на своемъ основаніи другой опрокинутый конусъ. Онъ грозилъ раздавить судно своею громадною массою, раскачивался изъ стороны въ сторону и готовъ былъ рухнуть въ море. Каждый подался назадъ; многіе изъ матросовъ побросались съ брига на ледъ.

– Ни съ мѣста! – грозно крикнулъ Шандонъ.

– Не бойтесь, друзья мои, – уговаривалъ со своей стороны докторъ; – нѣтъ никакой опасности. Посмотрите, Шандонъ, посмотрите Уэлль: это миражъ – и больше ничего!

– Вы правы докторъ, – отвѣтилъ Джонсонъ. Эти темные люди испугались тѣни.

Послѣ сказаннаго докторомъ, большая часть матросовъ возвратились къ своимъ мѣстамъ и, переходя отъ ужаса къ изумленію, не могли надивиться странному феномену, который не замедлилъ однако скорѣ исчезнуть.

– Ишь ты! Они называютъ это миражемъ! – сказалъ Клифтонъ. Но повѣрьте, ребята, дѣло не обошлось тутъ безъ нечистой силы!

– Это ты вѣрно! – отвѣтилъ Грнпперъ.

Въ просвѣтѣ тумана, Шандонъ замѣтилъ большой свбодный отъ льдовъ каналъ, существованія котораго онъ даже и не подозрѣвалъ. Казалось, теченіе относило бригъ отъ береговъ, и Шандонъ не преминулъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Людей разставили по обѣимъ сторонамъ канала, подали имъ дерліня (веревки) и экипажъ бичевою повелъ бригъ на сѣверъ.

Втеченіе многихъ часовъ матросы работали усердно, хотя и молча. Шандонъ приказалъ развести пары, желая воспользоваться столь кстати открытымъ каналомъ.

– Чрезвычайно счастливое обстоятельство, – сказалъ онъ Джонсону, – и если намъ удастся пройти еще нѣсколько миль, то всѣ наши невзгоды кончатся. Брентонъ, усильте огонь; какъ скоро пары достигнутъ надлежащаго давленія, скажите мнѣ. А пока, экипажъ долженъ удвоить свои усилія. Матросы хотятъ уйти подальше отъ Чортова пальца, и прекрасно, воспользуемся ихъ добрымъ намѣреніемъ.

Вдругъ бригъ остановился.

– Въ чемъ дѣло? – спросилъ Шандонъ. Уэлль, неужели лопнули перліня?

– Нѣтъ, – сказалъ Уэлль, наклонясь надъ бортомъ. Эге! – да матросы бѣгутъ назадъ, взираются на бригъ! Повидимому, они страшно перепуганы.

– Что это значитъ? – вскричалъ Шандонъ, направляясь въ носу судна.

– На бригъ, на бригъ! – кричали матросы.

Шандонъ взглянулъ на сѣверъ – и невольно вздрогнулъ. Какое-то животное, высунувъ дымящійся языкъ изъ огромной пасти, большими прыжками несло въ ста саженьяхъ отъ брига. Ростомъ оно было, повидимому, въ двадцать футовъ; шерсть на немъ стояла щетиною; оно преслѣдовало матросовъ, повременимъ останавливалось и своимъ хвостомъ въ десять футовъ длиною взметывало цѣлые клубы снѣга.

– Это медвѣдь! – вскричалъ одинъ матросъ.

– Морское чудовище!

– Апокалипсическій левъ!

Шандонъ побѣжалъ въ каюту за своимъ постоянно-заряженнымъ ружьемъ; докторъ тоже схватился за карабинъ, гогоясь выстрѣлить въ звѣря, величиною своею напоминавшаго допотопныхъ животныхъ!

Между тѣмъ чудовище приближалось громадными прыжками. Шандонъ и докторъ выстрѣлили одновременно и выстрѣлы ихъ, приведя въ сотрясеніе слои атмосферы, произвели неожиданное дѣйствіе.

Докторъ внимательно сталъ всматриваться и захохоталъ.

– Рефракція,— сказалъ онъ.

– Рефракція! – вскричалъ Шандонъ.

Но крикъ ужаса, раздавшійся на палубѣ, прервалъ ихъ слова.

– Собака! – воскликнулъ Клифтонъ.

– Собака-капитанъ! – повторили его товарищи.

– Собака! Проклятая собака! – вскричалъ Пэнъ.

Дѣйствительно, то былъ Капитанъ. Онъ разорвалъ веревки, которыми былъ связанъ, и вышелъ на ледъ другимъ отверстіемъ. Преломленіе лучей свѣта, какъ это часто случается въ полярныхъ широтахъ, придадо ему громадныя размѣры, исчезнувшіе отъ сотрясенія воздуха. Какъ бы то ни было, но случай этотъ произвелъ дурное впечатлѣніе на матросовъ, съ трудомъ допускавшихъ, чтобы странное явленіе могло быть объяснено чисто-физическими причинами. Чортовъ палецъ, появленіе собаки при какихъ-то загадочныхъ обстоятельствахъ, все – это окончательно сбило ихъ съ толку. Экипажъ началъ роптать.

ХII. Капитанъ Гаттерасъ

Forward быстро шель подъ парами, искусно пробираясь между ледяными полянами и утесами. Джонсонъ стоялъ у руля. Шандонъ, вооруженный *snow spectacles* (снѣговыми очками), молча наблюдалъ горизонтъ. Но не долго длилась его радость; онъ вскорѣ замѣтилъ, что каналъ замкнуть ледяными горами.

Однакожъ затрудненія, сопряженныя съ обратнымъ ходомъ брига, побудили Шандона предпочесть движеніе впередъ, хотя и съ слабыми надеждами на успѣхъ дѣла.

Собака бѣжала за бригамъ по льду, въ довольно значительномъ, однакожъ, разстояніи. Всякій разъ, когда она отставала, слышался какой-то странный свистъ, какъ-бы звавшій Капитана.

Въ первый разъ, услышавъ свистъ, матросы только переглянулись между собою. Они находились на палубѣ и совѣщались. Изъ постороннихъ, незнакомыхъ – ни души, а между тѣмъ свистъ повторялся нѣсколько разъ.

Клифтонъ встревожился первый.

– Слышите? – сказалъ онъ. Поглядите-ка, какъ прыгаетъ собака, заслышавъ свистъ.

– Просто, не вѣрится! – отвѣтилъ Грипперъ.

– Кончено! – вскричалъ Пэнъ. Я дальше не пойду.

– Пэнъ правъ, – замѣтилъ Брентонъ. Это значило-бы испытывать Бога.

– Не Бога, а чорта, – добавилъ Клифтонъ. Я скорѣе соглашусь лишиться всѣхъ моихъ заработковъ, чѣмъ сдѣлаю хоть одинъ шагъ впередъ.

– Нѣтъ намъ возврата, – уныло проговорилъ Больтонъ.

Экипажъ окончательно упалъ духомъ.,

– Ни шагу впередъ! – вскричалъ Уильстенъ. А по вашему – какъ?

– Да, да! Ни шагу! – отвѣчали матросы.

– Такъ пойдемъ къ Шандону, – сказалъ Больтонъ. Я поговорю съ нимъ.

И матросы толпою направились къ шканцамъ¹⁷.

Forward входилъ въ это время въ обширный бассейнъ, имѣвшій въ поперечникѣ около восьмисотъ футовъ; за исключеніемъ протока, которымъ шель бригъ, бассейнъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ льдами и другаго выхода не имѣлъ.

Шандонъ понялъ, что онъ по собственной винѣ попалъ въ тиски. Но что же оставалось дѣлать? Какимъ образомъ вернуться назадъ? Онъ сознавалъ всю тяжесть лежавшей на немъ отвѣтственности и рука его судорожно сжимала подзорную трубку.

Докторъ посматривалъ по сторонамъ и, скрестивъ на груди руки, не говорилъ ни слова; онъ смотрѣлъ на ледяныя стѣны, имѣвшія среднимъ числомъ болѣе трехсотъ футовъ высоты. Надъ пропастью этою висѣлъ пологъ густого тумана.

Въ эту минуту Больтонъ обратился къ Шандону:

– Г. Шандонъ, – взволнованнымъ голосомъ проговорилъ матросъ, – дальше идти мы не можемъ.

– Что такое? – переспросилъ Шандонъ, которому кровь бросилась въ лицо.

– Я говорю, – продолжалъ Больтонъ, – что мы достаточно послужили капитану-невинокѣ, а потому рѣшились не идти дальше.

– Рѣшились?... вскричалъ Шандонъ. И вы осмѣливаетесь говорить это, Больтонъ? Мнѣ? Вашему начальнику?... Берегитесь!

– Угрозы ни къ чему не поведутъ, – грубо сказалъ Пэнъ. Дальше мы не пойдемъ!

¹⁷ Шканцами называется часть верхней палубы между средней и задней мачтами; – самое почетное мѣсто на кораблѣ.

Шандонъ направился къ возмущившимся матросамъ, но въ эту минуту Джонсонъ сказалъ ему въ полголоса:

– Нельзя терять ни одной минуты, если хотите выбраться отсюда. Эта ледяная гора, которая приближается къ каналу, можетъ закрыть единственный выходъ изъ бассейна и запереть насъ здѣсь, какъ въ тюрьмѣ.

Шандонъ понималъ затруднительность своего положенія.

– Я разсчитаюсь съ вами потомъ, голубчики, сказалъ онъ, обращаясь къ матросамъ;– а теперь – слушай команду!

Матросы бросились по своимъ мѣстамъ. *Forward* быстро перемѣнилъ направленіе. Печи машины до нельзя наполнили углемъ, чтобы увеличить давленіе пара и успѣть предупредить плавающую гору. Бригъ пустился въ запуски съ ледяной громадой; первый направлялся къ югу, чтобы пройти проходъ, вторая спускалась къ сѣверу, чтобы закрыть его.

– Усильте огонь! – кричалъ Шандонъ. На полныхъ парахъ! Слышите-ли, Брентонъ.

Forward птицею несся между льдинами, дробя ихъ своимъ форштевенемъ; корпусъ судна вздрагивалъ подъ дѣйствіемъ винта, манометръ показывалъ громадную силу давленія паровъ, которые со свистомъ вырывались изъ предохранительныхъ клапановъ.

– Нагрузите клапаны! – вскричалъ Шандонъ.

Машинистъ повиновался, подвергая судно опасности взлетѣть на воздухъ.

Но его отчаянныя усилія остались безплодными; ледяная гора, увлекаемая подводнымъ теченіемъ, быстро приближалась въ каналу. Бригъ находился еще въ трехъ кабельтовыхъ отъ устья канала, какъ вдругъ гора, точно клинъ, врѣзалась въ свободный проходъ, плотно прикнула къ своимъ сосѣдямъ и закрыла единственный выходъ изъ бассейна.

– Мы погибли! – вскричалъ Шандонъ, не воздержавшись отъ этого неблагоприятнаго восклицанія.

– Погибли! – повторилъ экипажъ.

– Спасайтесь! – кричали одни.

– Спустить шлюпки! – говорили другіе.

– Разбивай, ребята, бочки съ виномъ! – вскричали Пэнъ и нѣкоторые изъ его единомышленниковъ. Если ужъ суждено утонуть, то утонемъ въ джинъ!

Матросы вышли изъ всякихъ границъ подчиненности, смятеніе достигло крайней степени. Шандонъ сознавалъ, что у него уже не хватало силъ; онъ хотѣлъ распоряжаться, но только безсвязно бормоталъ и колебался; казалось, онъ лишился дара слова. Докторъ взволнованно ходилъ на палубѣ. Джонсонъ молчалъ, стоически скрестивъ себѣ на груди руки. Вдругъ раздался чей-то громовой, энергическій и повелительный голосъ:

– Всѣ по мѣстамъ! Право руля!

Джонсонъ вздрогнулъ и безсознательно, но быстро налегъ на штурвалъ.

Да и какъ разъ въ пору: бригъ, шедшій полнымъ ходомъ, готовъ былъ разбиться въ щепы о ледяныя стѣны своей тюрьмы.

Въ то время, когда Джонсонъ инстинктивно повиновался, Шандонъ, докторъ, экипажъ, словомъ – всѣ, до кочегара Уэрена, оставившаго машину, и негра Стронга, бросившаго свою плиту, собрались на палубѣ и всѣ они увидѣли, что изъ каюты капитана, ключъ отъ которой находился только у него, вышелъ... вышелъ матросъ Гарри.

– Милостивый государь! – вскричалъ поблѣднѣвшій Шандонъ. Гарри... это вы... По какому праву распоряжаетесь вы здѣсь?...

– Дэкъ! – крикнулъ Гарри, причемъ послышался свистъ, такъ удивлявшій экипажъ.

Собака, названная своею настоящею кличкою, однимъ прыжкомъ поднялась на шканцы и спокойно легла у ногъ своего господина.

Экипажъ молчалъ. Ключъ, который могъ находиться только у капитана, собака, присланная имъ и, такъ сказать, констатировавшая его самоличность, повелительный тонъ, не признать

который не было возможности,— все это произвело сильное впечатлѣніе на матросовъ и утвердило авторитетъ Гарри.

Впрочемъ, Гарри нельзя было узнать: онъ сбрилъ густые бакенбарды, обрамлявшіе его лицо, которое отъ этого приняло еще болѣе энергическое, холодное и повелительное выраженіе. Одѣвъ находившееся въ каютѣ платье, присвоенное его званію, онъ явился предъ экипажемъ съ внѣшними знаками своей власти.

И экипажъ *Forward'a*, вслѣдствіе своей природной подвижности, въ одинъ голосъ крикнулъ:

— Ура! Да здравствуетъ капитанъ!

— Шандонъ,— сказалъ послѣдній своему помощнику,— соберите экипажъ; я сдѣлаю ему смотръ.

Шандонъ повиновался и взволнованнымъ голосомъ отдалъ приказаніе. Капитанъ подошелъ къ матросамъ и офицерамъ, и съ каждымъ изъ нихъ поговорилъ согласно его заслугамъ.

Окончивъ смотръ, онъ поднялся на шканцы и спокойнымъ голосомъ проговоривъ:

«Я такой-же англичанинъ, какъ и вы всѣ; я избралъ моимъ девизомъ слова адмирала Нельсона:

«Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ.» (England expects every one to make his duty).

«Какъ англичанинъ, я не хочу, мы не хотимъ, чтобы люди болѣе отважные побывали тамъ, гдѣ мы еще не были. Какъ англичанинъ, я не дозволю, мы не дозволیمъ, чтобы на долю другихъ выпала слава дойти до крайнихъ предѣловъ сѣвера. Если ногъ человѣка суждено стать на полюсъ земли, то только ногъ англичанина. Вотъ знамя нашей родины. Я снарядилъ этотъ бригъ, пожертвовавъ для этого моимъ состояніемъ; но я готовъ пожертвовать моею и вашею жизнью, лишь-бы наше національное знамя развѣвалось на сѣверномъ полюсѣ міра. Не унывайте. Начиная съ нынѣшняго дня, за каждый пройденный на сѣверъ градусъ вы получите по тысячѣ фунтовъ стерлинговъ. Мы находимся подъ семьдесятъ вторымъ градусомъ, а всѣхъ ихъ — девяносто, Считайте. Впрочемъ, мое имя ручается за меня: оно означаетъ — энергія и патріотизмъ. Я — капитанъ Гаттерасъ.

— Капитанъ Гаттерасъ! — вскричалъ пораженный Шандонъ.

Имя это, очень хорошо извѣстное англійскимъ морякамъ, глухо повторялось въ рядахъ экипажа.

— А теперь,— продолжалъ Гаттерасъ,— положите якоря на льдины; потушите огонь въ машинѣ и пусть каждый займется своимъ дѣломъ. Шандонъ, я намѣренъ поговорить съ вами о дѣлахъ, касающихся брига. Приходите ко мнѣ въ каюту съ докторомъ, Уэллемъ и Джонсономъ. Джонсонъ, распустите экипажъ.

Гаттерасъ, спокойный и невозмутимый, сошелъ со шканцевъ, а Шандонъ, между тѣмъ, становился на якорь.

Но кто такой былъ этотъ Гаттерасъ и почему его имя произвело на всѣхъ столь глубокое впечатлѣніе?

Джонъ Гаттерасъ, единственный сынъ лондонскаго пивовара, умершаго миллионеромъ въ 1852 году, еще въ юношескихъ лѣтахъ поступилъ въ коммерческой флотъ,— не смотря на то, что его ожидала блестящая будущность. И не потому собственно сдѣлался онъ морякомъ, что чувствовалъ призваніе къ коммерціи; нѣтъ,— его соблазняли географическія открытія. Гаттерасъ мечталъ только объ одномъ: побывать тамъ, гдѣ не ступала еще нога ни одного человѣка.

Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ обладалъ уже сильнымъ организмомъ людей художавыхъ и сангвиническаго темперамента. У него было энергическое лицо, съ геометрически-правильными чертами; высокій, лобъ, перпендикулярный къ плоскости очень красивыхъ, но холодныхъ глазъ; его скупой на слова ротъ обозначался линіей тонкихъ губъ; онъ былъ средняго роста, члены его крѣпкаго тѣла приводились въ движеніе желѣзными мускулами, сло-

вомъ, во всей его особѣ сказывался могучій характеръ. Достаточно было взглянуть на него, чтобы признать въ немъ человѣка отважнаго, достаточно послушать, чтобы убѣдиться въ его холодно-страстномъ темпераментѣ. То была натура, ни предъ чѣмъ не отступающая, человѣкъ, съ такою-же увѣренностью ставившій на карту жизнь другихъ, какъ и свою собственную. По этому, прежде чѣмъ слѣдовать за нимъ въ его походы, необходимо было хорошенъко обсудить дѣло.

Высокомѣрный, какъ англичанинъ, Джонъ Гаттерасъ слѣдующимъ образомъ отвѣтилъ одному французу, который, желая выразиться вѣжливо и даже любезно, въ присутствіи Гаттераса сказалъ:

– Если-бы я не былъ французомъ, то хотѣлъ-бы быть англичаниномъ.

– А если-бы я не былъ англичаниномъ,– отвѣтилъ Гаттерасъ,– то желалъ-бы быть... англичаниномъ.

По отвѣту можно судить о сдѣлавшемъ его человѣкѣ.

Гаттерасъ хотѣлъ закрѣпить за своими соотечественниками монополію географическихъ открытій; но, къ его крайнему сожалѣнію, въ этомъ отношеніи англичане мало сдѣлали въ теченіе предшествовавшихъ столѣтій.

Америка открыта генуэзцемъ Христофоромъ Колумбомъ; Индія – португальцемъ Васко де-Гама; Китай – португальцемъ Фернандомъ д'Андрада; Огненная Земля – португальцемъ Магелланомъ; Канада – французомъ Жакомъ Картье; Зондскіе острова, Лабрадоръ, Бразилія, мысъ Доброй Надежды, Асорскіе острова, Мадера, Ньюфаундлендъ, Гвинея, Конго, Мексика, мысъ Бѣлый, Гренландія, Исландія, Южный океанъ, Калифорнія, Японія, Камбоджа, Перу, Камчатка, Филиппинскіе острова, Шпицбергенъ, мысъ Горнъ, Беринговъ проливъ, Тасманія, Новая Зеландія, Новая Британія, Новая Голландія, Луизіана, островъ Жана-Маена – открыты исландцами, скандинавами, русскими, португальцами, датчанами, испанцами, голландцами. Но въ числѣ ихъ не фигурируетъ ни одинъ англичанинъ, и Гаттерасъ приходилъ въ отчаяніе, что его соотечественники исключены изъ славной фаланги мореплавателей, произведшихъ столь важныя географическія открытія въ XV и XVI вѣкахъ.

Новѣйшія времена служили нѣкоторымъ утѣшеніемъ Гаттерасу, потому что англичане вознаградили себя открытіями, произведенными Стэртомъ, Стюартомъ, Боркомъ, Уиллисомъ, Кипгомъ – въ Австраліи, Пализеромъ – въ Америкѣ, Кирилломъ Грахамомъ, Ваддингтономъ, Кеммингамомъ – въ Индіи, Буртономъ, Спикомъ, Градтомъ и Ливингстономъ – въ Африкѣ.

Но этого было недостаточно, такъ какъ всѣхъ перечисленныхъ отважныхъ путешественниковъ Гаттерасъ скорѣе считалъ *усовершенствователями*, чѣмъ *изобрѣтателями*. Надо было найти что нибудь получше, и Гаттерасъ готовъ былъ изобрѣсть даже цѣлую страну, лишь-бы только на его долю выпала честь ея открытія.

Гаттерасъ замѣтилъ, что если англичане и не составляли большинства въ числѣ древнихъ мореходовъ и если Сандвичевы острова открыты только въ 1774 году Кукомъ, а Новая Каледонія, гдѣ Кукъ погибъ, въ 1778 году,– то все-же на земномъ шарѣ существовали мѣстности, на которыя, повидимому, направлялись всѣ усилія англичанъ.

Эти были именно полярныя страны и моря Сѣверной. Америки.

И въ самомъ дѣлѣ, хронологическая таблица географическихъ открытій англичанъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Новую Землю	открылъ	Уиллоби	въ 1553 году
Островъ Вайгачъ	"	Барро	" 1556 "
Западный берегъ Гренландіи	"	Дэвисъ	" 1585 "
Дэвисовъ проливъ	"	Дэвисъ	" 1587 "
Шпицбергенъ	"	Уиллоби	" 1596 "
Гудсоновъ заливъ	"	Гудсонъ	" 1610 "
Баффиновъ заливъ	"	Баффинъ	" 1616 "

За послѣднее время эти неизвѣстныя страны непрерывно подвергались изслѣдованіямъ Герна (*Hearne*) Меккензи, Джона Росса, Парри, Франклина, Ричардсона, Бичи, Джемса Росса, Бака, Диза (*Dease*), Симпсона, Рэ, Ингльфильда, Бельчера, Аустина Келлета, Мура, Макъ-Клора, Кеннеди и Макъ-Клинтока.

Хотя сѣверные берега Америки были изслѣдованы, а сѣверо-западный проливъ почти открытъ, но этого было мало, предстояло еще болѣе важное дѣло, которое Джонъ Гаттерасъ два раза уже пытался осуществить, въ виду чего онъ и снаряжалъ на свой счетъ два судна. Онъ хотѣлъ достигъ полюса и самымъ блестящимъ подвигомъ завершить рядъ открытій, произведенныхъ англичанами.

Подняться къ полюсу – въ этомъ состояла цѣль его жизни.

Послѣ довольно удачныхъ путешествій въ южныя моря, Гаттерасъ впервые попытался, въ 1846 году, подняться къ сѣверу Баффиновымъ заливомъ, но дальше семьдесятъ четвертаго градуса пройти не могъ. Онъ командовалъ тогда шлюпомъ *Halifax'омъ*; экипажъ его подвергался ужаснѣйшимъ лишеніямъ и Гаттерасъ до того простеръ свою безумную отвагу, что моряки стали высказываться противъ возобновленія экспедицій подъ начальствомъ человѣка, подобнаго Гаттерасу.

Въ 1850 году Гаттерасу удалось набрать на судно *Farewell* десятка два рѣшительныхъ людей, которыхъ, главнымъ образомъ, соблазняла предложенная имъ высокая плата. По поводу этой экспедиціи, докторъ вошелъ въ сношенія съ Гаттерасомъ, котораго самъ не зналъ, но которому, однакожъ, заявилъ о своей готовности принять участіе въ путешествіи. Къ счастью для Клубонни, должность доктора была уже замѣщена на суднѣ.

Farewell, слѣдуя по пути Нептуна (*Neptune*) 1817 года, изъ Абердина поднялся на сѣверъ Шпицбергена до семьдесятъ шестаго градуса широты. Тамъ онъ зазимовалъ; страданія, которымъ подвергались здѣсь матросы, были такъ велики, стужа настолько сильна, что ни одинъ человѣкъ изъ экипажа не возвратился въ Англію, за исключеніемъ самого Гаттераса, прошедшаго по льдамъ больше двухсотъ миль и доставленнаго на родину однимъ датскимъ китобойнымъ судномъ. Громадное впечатлѣніе произвело возвращеніе изъ экспедиціи одного только человѣка. Кто послѣ этого рѣшился-бы слѣдовать за Гаттерасомъ въ его безумныхъ попыткахъ?

Однакожь, онъ не отчаявался. Его отецъ, пивоваръ, умеръ, и Гаттерасъ сдѣлался обладателемъ громаднаго состоянія, равнявшагося состоянію индійскаго набоба.

Между тѣмъ, совершился одинъ географическій фактъ, самымъ чувствительнымъ образомъ затронувшій самолюбіе Гаттераса.

Бригъ *Advance*, съ экипажемъ въ семнадцать человѣкъ, снаряженный негоціантомъ Гриннелемъ и состоявшій подъ начальствомъ доктора Кэна, отправился на поиски за Джономъ Франклиномъ. Въ 1853 году, чрезъ Баффиново море, онъ проникъ въ проливъ Смита, прошелъ за восемьдесятъ второй градусъ сѣверной широты, т. е. подвинулся къ полюсу ближе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. И этотъ бригъ было американское судно, а самъ Гриннель и докторъ Кэнъ – американцы.

Не трудно понять, что презрѣніе англичанина къ янки превратилось въ ненависть въ сердцѣ Гаттераса, рѣшившагося, во что-бы то ни стало, пройти дальше, чѣмъ его отважный соперникъ, и достигъ во чтобы то вы стало полюса.

Два уже года онъ жилъ инкогнито въ Ливерпуль, выдавая себя за матроса. Въ Ричардѣ Шандонѣ онъ узналъ такого именно человѣка, какой былъ ему необходимъ, и въ безымянномъ письмѣ предложилъ ему, равно какъ и доктору, свои условія. *Forward* былъ построенъ, вооруженъ, экипированъ. Имени своего Гаттерасъ не объявилъ, иначе никто не согласился-бы сопровождать его. Гаттерасъ рѣшился принять нахальство надъ бригомъ только при какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, или когда *Forward* настолько подвинется впередъ, что возвратъ будетъ уже невозможенъ. Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ предложить экипажу, какъ это мы и видѣли, столь выгодныя денежныя условія, что ли одинъ матросъ не отказался-бы слѣдовать за Гаттерасомъ, хотя на край свѣта.

И дѣйствительно, Гаттерасъ хотѣлъ отправиться на край свѣта.

Въ виду критическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился бригъ, Гаттерасъ не колеблясь заявилъ о себѣ экипажу.

Его вѣрная собака Дэкъ, товарищъ его путешествій, первая признала Гаттераса и, въ радости людей мужественныхъ и крайнему прискорбію робкихъ, вскорѣ выяснилось, что капитаномъ брига *Forward* былъ несомнѣнно самъ Джонъ. Гаттерасъ.

ХІІІ. Предположенія Гаттераса

Появленіе на бригѣ этого отважнаго человѣка различнымъ образомъ истолковывалось экипажемъ. Одни изъ матросовъ вполнѣ приняли сторону Гаттераса, соблазненные выгодно-стью дѣла или побуждаемые своимъ смѣлымъ духомъ; другіе рѣшились принять участіе въ предпріятіи, сохраняя однакожь за собой право протеста въ будущемъ, такъ какъ въ настоящее время не было возможности противиться человѣку, подобному капитану. Всѣ принялись за обычныя свои занятія. Воскресенье, 20-го мая, было посвящено отдыху.

Въ каютѣ Гаттераса собрался совѣтъ офицеровъ, состоявшій изъ капитана, Шандона, Уэлля, Джонсона и доктора.

— Господа,— сказалъ капитанъ мягкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелительнымъ, ему свойственнымъ голосомъ,— вамъ извѣстно, что я намѣренъ подняться къ полюсу. Я хотѣлъ-бы знать ваше мнѣніе. Что вы думаете объ этомъ дѣлѣ, Джонсонъ?

— Думать мнѣ нечего,— холодно отвѣтилъ Джонсонъ, я долженъ только повиноваться., Этотъ отвѣтъ не изумилъ Гаттераса.

— Я прошу васъ, г. Шандонъ,— не менѣе холоднымъ тономъ продолжалъ капитанъ,— высказать ваше мнѣніе относительно успѣшности предпринимаемаго дѣла.

— За меня отвѣтятъ факты, капитанъ, сказалъ Шандонъ. Всѣ подобнаго рода попытки до сихъ поръ оказывались неудачными. Желаю, чтобы мы были болѣе счастливы.

— И мы будемъ болѣе счастливы. Какъ ваше мнѣніе, господа?

— Что касается меня,— отвѣтилъ докторъ, то я полагаю, что ваше намѣреніе осуществимо. Очевидно, что когда-нибудь мореплаватели достигнутъ полюса, и я не вижу причины, почему-бы не сдѣлать этого именно намъ!

— И тѣмъ легче,— отвѣтилъ Гаттерасъ,— что теперь приняты надлежащія мѣры и мы можемъ воспользоваться опытностью нашихъ предшественниковъ. Кстати, Шандонъ, благодарю васъ за ваши труды по снаряженію брига. Въ числѣ матросовъ есть нѣсколько безпокойныхъ головъ, но я счѣмъ вразумить ихъ. Вообще, я могу только благодарить васъ.

Шандонъ холодно поклонился. Положеніе его на бригѣ, которымъ онъ имѣлъ надежду командовать, было фальшивое. Гаттерасъ сразу понялъ это и больше уже не настаивалъ.

— Что касается васъ, господа,— сказалъ онъ, обращаясь къ Уэллю и Джонсону,— то я не могъ-бы заручиться содѣйствіемъ людей болѣе мужественныхъ и опытныхъ, чѣмъ вы.

— Я весь — къ вашимъ услугамъ, капитанъ,— отвѣчалъ Джонсонъ,— и хотя, по моему мнѣнію, ваше предпріятіе нѣсколько рискованно, но рассчитывать на меня вы можете вполнѣ

— И на меня тоже,— добавилъ Уэлль.

— Что касается васъ, докторъ, то я хорошо знаю вамъ цѣну.

— Въ такомъ случаѣ, вы знаете больше, чѣмъ я самъ,— съ живостью отвѣтилъ докторъ.

— Считаю нужнымъ, господа,— началъ опять Гаттерасъ — объяснить вамъ, на какихъ неопровержимыхъ данныхъ основывается моя претензія подняться къ полюсу. Въ 1817 году судно *Neptune*, изъ Абердина, достигло, на сѣверѣ отъ Шпицбергена, восемьдесятъ втораго градуса. Въ 1826 году, знаменитый Парри, послѣ своей третьей экспедиціи въ полярныя моря, отправился съ Шпицбергена въ саняхъ-лодкахъ и поднялся на сто пятьдесятъ миль къ сѣверу. Въ 1852 году, капитанъ Ингльфильдъ достигъ въ проливѣ Смита 78°35' широты. Все это были англійскія суда, состоявшія подъ командою англичанъ, нашихъ соотечественниковъ. Здѣсь Гаттерасъ остановился.

— Я долженъ добавить,— продолжалъ онъ съ смущеннымъ видомъ,— что въ 1854 году американецъ Кэнъ, командовавшій бригамъ *Advance*, поднялся еще выше и что его лейтенантъ, Мортонъ, отправившись по ледянымъ полянамъ, водрузилъ знамя Соединенныхъ Штатовъ выше восемьдесятъ втораго градуса широты. Затѣмъ, я уже не возвращусь къ этому предмету.

Необходимо, однакожъ, знать, что капитаны кораблей *Neptune*, *Entreprise*, *Isabelle* и *Advance* констатировали фактъ, что за этими высокими широтами начинается полярный, совершенно свободный отъ льдовъ, бассейнъ.

– Свободный отъ льдовъ! – вскричалъ Шандонъ, прерывая капитана. Не можетъ быть!

– Замѣьте, Шандонъ, – спокойно сказалъ капитанъ, котораго глаза сверкнули на одно мгновеніе, – что я привожу факты и указываю имена. Добавлю еще; что во время стоянки капитана Пенни, въ 1851 году, въ проливѣ Веллингтона, его лейтенантъ Стюартъ тоже видѣлъ свободное отъ льдовъ море, какъ это подтверждается свидѣтельствомъ капитана сэра Эдварда Бельчера, зимовавшего, въ 1853 году, въ Нортумберлендскомъ заливѣ подъ 76°52′ широты и 99°20′ долготы. Факты эти не подлежатъ никакому сомнѣнію и могутъ отрицать ихъ только люди недобросовѣстные.

– Однако, капитанъ, – сказалъ Шандонъ, – факты эти на столько противорѣчивы, что...

– Ошибаетесь, Шандонъ! – вскричалъ докторъ. Они нисколько не противорѣчатъ указаніямъ науки. Капитанъ позволить мнѣ доказать вамъ это.

– Прошу васъ, докторъ, – сказалъ Гаттерасъ.

– Считаю нужнымъ, господа, – началъ Гаттерасъ – объяснить вамъ...

– И такъ, слушайте, Шандонъ. Географическими данными и изслѣдованіемъ изотермическихъ линій несомнѣнно доказывается, что точка наибольшихъ холодовъ на земномъ шарѣ находится не у полюса, но, подобно магнитному центру земли, отклоняется отъ полюса на нѣсколько градусовъ. Изслѣдованіями Брюстера, Бергама и другихъ физиковъ констатировано, что на нашемъ полушаріи существуютъ два холодныхъ полюса: одинъ – въ Азій, подъ 79°30′ сѣверной широты и 120° восточной долготы, а другой – въ Америкѣ, подъ 78° сѣверной широты и 97° западной долготы. Въ настоящее время насъ занимаетъ послѣдній и вы видите, Шандонъ, что онъ отстоитъ отъ полюса больше чѣмъ на двѣнадцать градусовъ. Послѣ этого я спрошу васъ: почему море это у полюса не можетъ быть настолько-же свободно отъ льдовъ, какъ подъ шестьдесятъ шестою параллелью, т.-е. въ южныхъ частяхъ Баффинова залива?

– Совершенно вѣрно, – замѣтилъ Дхжонсонъ. Докторъ говоритъ объ этихъ вещахъ, какъ спеціалистъ.

– Да оно кажется такъ и есть, – добавилъ Уэлль.

– Химеры и предположенія! Чистыя гипотезы! – упорствовалъ Шандонъ.

– Разсмотри-жъ оба случая, Шандонъ, – сказалъ Гаттерасъ. Море или свободно отъ льдовъ, или не свободно; но и при существованіи такихъ условій ничто не можетъ помѣшать намъ подняться въ полюсу. Если море свободно, *Forward* легко доставить насъ къ цѣли нашихъ желаній; если не свободно, то мы попытаемся подняться къ полюсу на саняхъ. Согласитесь, что дѣло это возможное. Разъ достигнувъ восемьдесятъ третьяго градуса, намъ останется до полюса всего шестьсотъ миль.

– Но что значать эти шестьсотъ миль, когда намъ извѣстно, что казакъ Алексѣй Марковъ на саняхъ, запряженныхъ собаками, проѣхалъ по Ледовитому океану, вдоль сѣверныхъ береговъ Азіатской Россіи, восемьсотъ миль и притомъ не больше какъ въ двадцать четыре дня?

– Слышите, Шандонъ, – сказалъ Гаттерасъ, – и скажите: возможно-ли, чтобы англичане сдѣлали меньше казака?

– Нѣтъ, – вскричалъ пылкій докторъ.

– Нѣтъ! – повторилъ шкиперъ.

– И такъ, Шандонъ? – спросилъ Гаттерасъ.

– Я могу только повторить уже сказанное мною, капитанъ, – холодно отвѣтилъ упрямый морякъ: – я буду повиноваться.

– Хорошо. Теперь рассмотримъ наше настоящее положеніе, – продолжалъ Гаттерасъ. Насъ затерло льдами; мнѣ кажется, что въ нынѣшнемъ году мы не войдемъ въ проливъ Смита, поэтому, вотъ что слѣдуетъ сдѣлать.....

Гаттерасъ разложилъ на столѣ одну изъ тѣхъ превосходныхъ картъ, которыя изданы въ 1859 по распоряженію адмиралтейства.

— Не угодно-ли вамъ, господа, прослѣдить за иною. Если проливъ Смита будетъ для насъ закрытъ, то нельзя сказать того-же о проливѣ Ланкастера, на сѣверо-западномъ берегу Баффинаова моря. По моему мнѣнію, мы должны подняться этимъ проливомъ до пролива Барро, а оттуда — до острова Бичи. Путь этотъ пробѣгали тысячу разъ парусныя суда, слѣдовательно мы легко пройдемъ его на винтовомъ бригѣ. Разъ достигнувъ острова Бичи, каналомъ Веллингтона мы, насколько возможно, подвинемся сѣвернѣе, къ устью притока, соединяющаго каналъ Веллингтона съ каналомъ Королевы, къ мѣсту, гдѣ было замѣчено свободное отъ льдовъ море. Сегодня 20 число мая; слѣдовательно, черезъ мѣсяцъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, мы достигнемъ этого пункта, а оттуда направимся къ полюсу. Что вы на это скажете, господа?

— Очевидно, это единственный путь, по которому слѣдуетъ идти, — отвѣтилъ Джонсонъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы пойдеть и не дальше, какъ завтра. Пусть нынѣшній воскресный день будетъ посвященъ отдыху. Позаботьтесь, Шандонъ, чтобы чтенія библіи совершались правильно. Религія оказываетъ благотворное вліяніе на матросовъ, а морякъ въ особенности долженъ уповать на Бога.

— Слушаю, капитанъ, — проговорилъ Шандонъ и вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ Джонсономъ и Уэллемъ вышелъ изъ каюты.

— Докторъ, — сказалъ Гаттерасъ, указывая на Шандона, — вотъ человѣкъ, котораго погубило оскорбленное чувство самолюбія. Разсчитывать на него я болѣе не могу.

На другой день, капитанъ, рано утромъ, приказалъ спустить на воду шлюпку, намѣреваясь осмотрѣть ледяныя горы бассейна, имѣвшаго не болѣе двухсотъ ярдовъ ширины. Гаттерасъ замѣтилъ, что, вслѣдствіе незамѣтнаго напора льдовъ, каналъ начиналъ суживаться. Необходимо было, поэтому, сдѣлать въ немъ брешь, чтобы не попасть въ тиски ледяныхъ горъ. Средства, къ которымъ въ виду этого прибѣгнулъ Гаттерасъ, доказывали, что онъ человѣкъ энергичный.

Прежде всего онъ приказалъ прорубить ступеньки въ ледяной стѣнѣ, поднялся на вершину горы и убѣдился въ возможности проложить себѣ дорогу на юго-западъ. По его приказанію, почти въ центрѣ горы былъ заложенъ горнъ. Быстро производившаяся работа была окончена въ понедѣльникъ.

Гаттерасъ не могъ разсчитывать на такъ называемые *blasting-cylinders*, съ зарядомъ въ восемнадцать фунтовъ пороха, которые не произвели-бы ни какого дѣйствія на громадныя массы льда. Такъ какъ *blasting-cylinders* пригодны только для взрыва ледяныхъ полянь, то Гаттерасъ приказалъ зарядить горнъ тысячею фунтами пороха, расширительное дѣйствіе котораго было точно опредѣлено. Отъ мины шель наружу длинный фитиль, обтянутый гуттаперчею. Галлерею, проведенную съ горну, наполнили снѣгомъ и обложками льда, которымъ стужа слѣдующей ночи должна была придать крѣпость гранита. Дѣйствительно, температура воздуха, подъ дѣйствіемъ восточнаго вѣтра, опустилась до двѣнадцати градусовъ по Фаренгейту (-11° столбунскаго термометра).

На слѣдующій день, въ семь часовъ утра, *Forward* держался подъ парами, готовый воспользоваться первымъ открывшимся проходомъ. Взорвать мину поручили Джонсону; длина фитиля была разсчитана такимъ образомъ, что прежде чѣмъ воспламенить мину, онъ могъ горѣть втеченіе полчаса. Слѣдовательно, у Джонсона оставалось достаточно времени для того, чтобы возвратиться на бригъ. И дѣйствительно, черезъ десять минутъ по исполненіи даннаго ему порученія, Джонсонъ былъ уже на своемъ мѣстѣ.

Экипажъ находился на палубѣ; погода стояла довольно сухая и ясная; снѣгъ пересталъ идти; Гаттерасъ, стоя на шканцахъ съ докторомъ и Шандономъ, считалъ минуты по хронометру.

Въ восемь часовъ и тридцать пять минутъ послышался глухой взрывъ, менѣе однако же сильный, чѣмъ это можно было ожидать. Профиль ледяныхъ горъ мгновенно измѣнился, какъ бы отъ землетрясенія; столбъ густаго бѣлаго дыма на значительную высоту взвился къ небу; длинныя трещины избороздили склоны ледяныхъ горъ, верхнія части которыхъ, разметанныя на дальнее разстояніе, обломками падали вокругъ брига.

Но проходъ все-таки не былъ очищенъ; огромныя льдины опираясь на сосѣднія горы, висѣли въ воздухѣ, и можно было опасаться, что своимъ паденіемъ онѣ замкнутъ кругъ льдовъ охватывающихъ бригъ.

Гаттерасъ въ одинъ мигъ обсудилъ свое критическое положеніе.

– Уольстенъ! – крикнулъ онъ. Оружейникъ явился немедленно.

– Что привяжете, капитанъ? – спросилъ онъ.

– Зарядите пушку тройнымъ зарядомъ, – сказалъ Гаттерасъ, – да покрѣпче прибейте зарядъ.

– Ядрами, значить, шарахнемъ въ гору?

– Нѣтъ, – отвѣтилъ Гаттерасъ, – не въ чему. Ядеръ не надо, Уольстенъ, а только тройной зарядъ пороха. Живѣе!

Спустя нѣсколько минутъ, пушка была заряжена.

– А что онъ тутъ подѣлаетъ безъ ядра? – сквозь зубы процѣдилъ Шандонъ.

– Вотъ увидимъ, – отвѣтилъ докторъ.

– Готово, капитанъ, – сказалъ Уольстенъ.

– Хорошо, – сказалъ Гаттерасъ. Брентонъ, – крикнулъ онъ машинисту, – нѣсколько поворотовъ винта!

Брентонъ исполнилъ приказаніе, винтъ пришелъ въ движеніе и *Forward* приблизился въ минированной горѣ.

– Наведите пушку прямо на проходъ! – крикнулъ капитанъ оружейнику.

Послѣдній повиновался. Когда бригъ находился въ полукабельтовѣ отъ горы, Гаттерасъ скомандовалъ:

– Пли!

Раздался оглушительный выстрѣлъ и ледяныя глыбы, поколебленныя сотрясеніемъ атмосферы, мгновенно рухнули въ море.

– На полныхъ парахъ, Брентонъ! – вскричалъ Гаттерасъ. Прямо въ проходъ, Джонсонъ!

Джонсонъ стоялъ у руля; бригъ, приводимый въ движеніе своимъ винтомъ, буравившимъ вспѣнныя волны, влетѣлъ въ свободный проходъ. Едва *Forward* успѣлъ пройти каналъ, какъ стѣны ледяной тюрьмы снова сомкнулись за бригомъ.

То было грозное мгновеніе. Одно только твердое и спокойное сердце не дрогнуло на бригъ – сердце капитана. Экипажъ, изумленный этимъ смѣлымъ маневромъ, не могъ воздержаться отъ восклицанія:

– Ура! Да здравствуетъ капитанъ Джонъ Гаттерасъ!

XIV. Экспедиція, отправленная на поиски за Франклиномъ

Въ среду, 23 мая, *Forward* продолжалъ свое опасное плаваніе, искусно лавируя между *раск'ами* и ледяными горами, благодаря пару – этой послушной силѣ, не бывшей въ распоряженіи многихъ мореплавателей, отправлявшихся въ полярныя моря. Казалось, бригъ рѣзвился среди этихъ подвижныхъ подводныхъ скалъ, и, подобно коню подъ искуснымъ всадникомъ, повиновался малѣйшему желанію своего капитана.

Температура повышалась. Въ шесть часовъ утра термометръ показывалъ 26° (-3° стоградуснаго термометра), въ шесть часовъ вечера -29° (2° стоградуснаго термометра), а въ полночь -25° (-4° стоградуснаго термометра); дулъ легкій юго-восточный вѣтеръ.

Въ четвергъ, въ тремъ часамъ утра, *Forward* находился въ виду залива Владѣнія (Possession), на берегу Америки, при входѣ въ проливъ Ланкастера. Вскорѣ показался мысъ Берней; нѣсколько эскимосскихъ лодокъ направились было къ бригу, но Гаттерасъ не сталъ ждать ихъ.

Вершины Бьямъ-Мартина (Byam-Martin), господствовавшія надъ Ливерпульскимъ мысомъ и оставшіяся влѣво, скрылись въ вечернемъ сумракѣ, не позволившемъ видѣть мысъ Гэ. Впрочемъ, послѣдній очень невысокъ и сливается съ прибрежными льдами, – обстоятельство, значительно затрудняющее производство гидрографическихъ изслѣдованій въ полярныхъ хоряхъ.

Puffin'ы, утки и бѣлая чайка появлялись въ большихъ количествахъ. Обсервація дала 74°01' широты, а хронометръ – 77°15' долготы.

Горы Екатерины и Елизаветы возносили за облака свои снѣжныя вершины.

Въ пятницу, въ шесть часовъ, бригъ прошелъ мысъ Уэрендеръ (*Warender*) на правомъ берегу пролива, а на лѣвомъ – заливъ Адмиралтейства, мало еще изслѣдованный мореплавателями, всегда спѣшными уйти на западъ. Море волновалось довольно сильно и нерѣдко волны перекатывались по палубѣ брига, оставляя на ней куски льда. На сѣверѣ материкъ представлялъ какой-то странный видъ, съ своими высокими горами, съ почти гладкими вершинами, отражавшими яркіе лучи солнца.

Гаттерасъ хотѣлъ было пройти вдоль сѣверныхъ береговъ съ тѣмъ, чтобы поскорѣе достичь острова Бичи и протока въ каналъ Веллингтона; но сплошныя гряды льдовъ, къ сожалѣнію, заставили его идти южными проливами.

По этой причинѣ, 26-го мая, *Forward*, среди тумана и падаваго снѣга, находился у мыса Юркъ, замѣтнаго по своей очень высокой и почти отвѣсной горѣ. Погода немного прояснилась, къ полудню солнце на нѣсколько мгновеній показалось на горизонтѣ и позволило произвести довольно точную обсервацію, давшую 74°4' широты и 84°23' долготы. Слѣдовательно, *Forward* находился у оконечности пролива Ланкастера.

Гаттерасъ указывалъ доктору на картѣ путь, которымъ шелъ *Forward* и по которому намѣревался идти въ будущемъ. Въ настоящую минуту положеніе брига представлялось очень интереснымъ.

– Я хотѣлъ-бы, – сказалъ Гаттерасъ, – находится сѣвернѣе, но что невозможно, то невозможно... Взгляните, докторъ: мы находимся именно въ этомъ пунктѣ.

И капитанъ намѣтилъ булавкою пунктъ невадалекѣ отъ мыса Юркъ.

– Мы находимся теперь на открытомъ для всѣхъ вѣтровъ распутіи, образуемомъ устьями проливовъ Ланкастера и Барро, канала Веллингтона и протока Регента. Здѣсь побывали всѣ мореплаватели, отправлявшіеся въ полярныя воды.

– Да, – отвѣтилъ докторъ, – и, по всѣмъ вѣроятіямъ, они находились здѣсь въ очень затруднительномъ положеніи. Дѣйствительно, это чистое распутье, какъ вы говорите, гдѣ перекрещи-

ваются большіе пути, а между тѣмъ я нигдѣ не вижу милевыхъ столбовъ, указывающихъ настоящую дорогу. Но какъ-же въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовали Барро, Россъ и Франклинъ?

– Они бездѣйствовали, докторъ, и только подчинялись обстоятельствамъ. Выбора у нихъ не было, увѣряю васъ. Случалось, что проливъ Барро закрывался для одного изъ нихъ, а въ слѣдующемъ году открывался для другого; случалось также, что корабль неудержимо относилъ въ протоку Регента. Вслѣдствіе этого и по самой силѣ вещей, путаница здѣшнихъ морей была наконецъ выяснена.

– Что за своеобразная страна! – сказалъ докторъ, глядя на карту. Вся истерзанная, раздробленная, искрошенная, безъ всякаго, повидимому, порядка, безъ всякой логики! Кажется, будто земля, сосѣдніе къ полюсу, нарочно измельчены такимъ образомъ, чтобы затруднить къ нему доступъ. А между тѣмъ въ другомъ полушаріи материка заканчиваются спокойными, протяженными удлиненіями, каковы мысы Горнъ, Доброй Надежды и Индійскій полуостровъ. Неужели такой порядокъ вещей обуславливается быстротою вращательнаго движенія земли подъ экваторомъ? Неужели земли, удаленныя отъ экватора и въ первичныя эпохи міра находившіяся еще въ жидкомъ состояніи, не могли сплотиться, слиться между собою только по недостатку достаточно быстрого вращательнаго движенія?

– Должно быть, что такъ, потому что все въ мірѣ совершается согласно съ законами логики и ничего не дѣлается безъ причинъ, которыя Богъ дозволяетъ иногда разгадывать ученымъ. Поэтому, докторъ, пользуйтесь этимъ позволеніемъ.

– Къ сожалѣнію, я буду очень воздержанъ въ этомъ отношеніи. Однако, какой странный вѣтеръ господствуетъ въ этомъ проливѣ! – добавилъ докторъ, плотно надвигая шапку.

– Да, здѣсь въ особенности свирѣпствуетъ сѣверный вѣтеръ, отклоняющій насъ отъ нашей дороги.

– Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ-бы отбросить льды къ югу и очистить дорогу.

– Долженъ-бы, докторъ, но вѣтеръ не всегда дѣлаетъ то, что слѣдовало-бы дѣлать. Посмотрите, эта гряда ледяныхъ горъ, повидимому, непроходима. Что-жъ, мы постараемся достигъ острова Гриффита, затѣмъ обогнемъ островъ Корнвалиса и пройдемъ въ каналъ Королевы, миновавъ проливъ Веллингтона. Но я непремѣнно хочу пристать къ острову Бичи и запасти тамъ углемъ.

– Запасти углемъ? – спросилъ изумленный докторъ.

– Да. По распоряженію адмиралтейства, въ видахъ снабженія углемъ будущихъ экспедицій, на островѣ Бичи оставлены большіе запасы продовольствія, и сколько-бы Макъ-Клинтокъ ни взялъ ихъ въ августѣ 1859 года, все-же кое-что останется и на нашу долю, увѣряю васъ, докторъ.

– Дѣйствительно, – сказалъ Клоубонни, – эти страны изслѣдовались въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, и пока не было несомнѣннымъ образомъ доказано, что экспедиція Франклина погибла, адмиралтейство постоянно содержало въ полярныхъ моряхъ пять или шесть кораблей. Если не ошибаюсь, то островъ Гриффита, который я вижу вотъ здѣсь на картѣ, почти посрединѣ распутия, сдѣлался сборнымъ пунктомъ мореплавателей.

– Да, докторъ, злополучная экспедиція Франклина заставила насъ познакомиться съ далекими полярными странами.

– Именно, капитанъ, потому что, начиная съ 1845 года, экспедиціи въ полярныя моря безпрестанно возобновлялись. Только въ 1848 году, участь, которая постигла корабли *Erebus* и *Terror*, состоявшіе подъ начальствомъ Франклина, начала тревожить общество. Престарѣлый другъ адмирала, докторъ Ричардсонъ, семидесяти лѣтъ, отправился въ Канаду и поднялся по рѣкѣ Копермайну до полярнаго моря. Съ своей стороны, Джемсъ Россъ, командовавшій судами *Entreprise* и *Investigator*, выступилъ изъ Уппернавика въ 184а году и прибылъ къ мысу Юркъ, гдѣ мы теперь находимся. Каждый день онъ бросалъ въ море по одному боченку, въ которомъ находились бумаги, указывавшія мѣсто, гдѣ находились корабли, въ туманную погоду съ

кораблей стрѣляли изъ пушекъ, по ночамъ жгли бенгальскіе огни и спускали ракеты, причемъ суда держались подъ малыми парусами. Наконецъ, Джемсъ Россъ провелъ въ портѣ Леопольда зиму съ 1848 на 1849 годъ. Наловивъ тамъ множество бѣлыхъ лисицъ, онъ надѣлъ имъ мѣдные ошейники, обозначивъ на послѣднихъ мѣстонахождение кораблей и запасовъ продовольствія, и распустилъ животныхъ во всѣ стороны. Весною онъ отправился на саняхъ вдоль берега Нортъ-Соммерсета, подвергался опасностямъ и лишениямъ, отъ которыхъ переболѣлъ весь его экипажъ, возводилъ *cairns* (небольшія земляныя пирамиды) и оставлялъ въ нихъ мѣдные цилиндры съ необходимыми указаніями для отысканія затерявшейся экспедиціи. Во время отсутствія Джемса Росса, его лейтенантъ Макъ-Клюръ занялся изслѣдованіемъ сѣверныхъ береговъ пролива Барро. Замѣчательно, капитанъ, что подъ начальствомъ Джона Росса находились тогда два офицера, которымъ впослѣдствіи суждено было прославиться: Макъ-Клюръ, прошедшій сѣверо-западный проливъ, и Макъ-Клинтокъ, нашедшій остатки экспедиціи Франклина.

— Въ настоящее время оба они — достойные, мужественные капитаны и добрые англичане. Продолжайте, докторъ, рассказывать исторію полярныхъ морей, такъ хорошо вамъ иввѣстную. Изъ рассказовъ объ этихъ отважныхъ попыткахъ всегда можно позаимствовать что нибудь полезное.

— И такъ, чтобъ не возвращаться уже къ Джемсу Россу, добавлю, что онъ старался съ запада подойти въ острову Мельвиля. При этомъ едва не погубилъ свои суда, былъ затертъ льдами и, помимо своей воли, отброшенъ въ Баффиново море.

— Помимо своей воли! — повторилъ Гаттерасъ, нахмутивъ брови.

— Онъ ничего мы нашель,— продолжалъ докторъ. Съ 1850 года англійскія суда не переставали бороздить полярныя моря; назначена была премія въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, которую могъ получить всякій, открывшій слѣды *Terror'a* и *Erebus'a*. Еще въ 1848 году, капитаны Келлетъ и Муръ, командовавпіе судами *Herald'омъ* и *Plover'омъ*, старались проникнуть въ Беринговъ проливъ. Въ 1850 и 1851 годахъ, капитанъ Аустинъ провелъ зиму у острова Корнваллиса; капитанъ Пенни изслѣдовалъ, на корабляхъ *Assistance* и *Resolute*, каналъ Веллингтона; старикъ Джонъ Россъ, герой магнитнаго полюса, тоже не утерпѣлъ и отправился на яхтѣ *Felix* отыскивать своего друга; бригъ *Prince Albert*, снаряженный лэди Франклинъ, отплылъ въ свою первую экспедицію; слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ американскихъ судахъ, отправленныхъ Гриннелемъ, подъ командою капитана Гевена (*Haven*), и отброшенныхъ изъ канала Веллингтона въ каналъ Ланкастера. Въ этомъ-же году Макъ-Клинтокъ, лейтенантъ капитана Аустина, поднялся до острова Мельвиля и мыса Дундаса, крайнихъ пунктовъ, до которыхъ доходилъ Парри въ 1819 году. Тамъ, на островѣ Бичи, были найдены слѣды зимовки Франклина въ 1845 году.

— Да,— сказалъ Гаттерасъ,— тамъ же погребены трое изъ его матросовъ, болѣе счастливые, чѣмъ ихъ товарищи.

— Въ 1851 и 1852 годахъ,— продолжалъ докторъ, жестомъ подтверждая замѣчаніе капитана,— *Prince Albert* предпринялъ свое второе путешествіе въ полярныя воды подъ командою французскаго лейтенанта Бэлло, который провелъ зиму въ Батти-бай, въ проливѣ Регента, изслѣдовалъ юго-западные части Соммерсета и прошелъ вдоль его береговъ до мыса Валькера. Между тѣмъ возвратившіяся въ Англію суда *Enterprise* и *Investigator*, поступивъ подъ начальство Коллинсона и Макъ-Клюра, отправились въ Беринговъ проливъ на соединеніе съ капитанами Муромъ и Келлетомъ. Коллинсонъ возвратился на зиму въ Гонгъ-Конгъ, а Макъ-Клюръ отправился на сѣверъ и, проведя тамъ три зимы, съ 1850 на 1851, съ 1851 на 1852 и съ 1852 на 1853 годы, открылъ сѣверо-западный проливъ, ничего не узнавъ объ участи, постигшей экспедицію Франклина. Съ 1852 на 1853 годъ, новая экспедиція, состоявшая изъ трехъ парусныхъ судовъ — *Assistance*, *Resolute* и *Norht-Star* и двухъ пароходовъ — *Pionnier* и *Intrepide*, отплыла къ полюсу подъ начальствомъ сэра Эдварда Бельчера и его помощника, капитана Келлета. Сэръ Эдвардъ проникъ въ каналъ Веллингтона, провелъ зиму въ заливѣ Нортумбернлэнда и про-

шелъ вдоль его береговъ, а Келлетъ, между тѣмъ, достигнувъ Бридпорта на островѣ Мельвиля, безуспѣшно изслѣдовалъ эту часть полярныхъ земель. Въ то время въ Англіи распространился слухъ, что два брошенные среди льдовъ корабля, были усмотрѣны невадалекъ отъ береговъ Новой Шотландіи. Лэди Франклинь немедленно-же снарядила, на остатки своего состоянія, небольшой винтовой пароходъ *Isabelle*. Капитанъ Ингльфильдъ поднялся на немъ въ Баффин-новомъ заливѣ до мыса Викторіи, подъ восьмидесятою параллелью, и затѣмъ безуспѣшно возвратился на островъ Бичи. Въ началѣ 1855 года, американецъ Гриннель снарядилъ новую экспедицію, и докторъ Кэнъ, стараясь подняться къ полюсу...

— Къ которому, однакоже, не поднялся, благодаря Богу! — вскричалъ Гаттерасъ. Но мы сдѣлаемъ то, чего онъ не могъ сдѣлать!

— Знаю, капитанъ,— отвѣтилъ докторъ,— и если я упомянулъ объ этомъ фактѣ, то только потому, что онъ находится въ связи съ поисками за Франклиномъ. Впрочемъ, экспедиція Кэна не увѣнчалась успѣхомъ. Я чуть было не забылъ сказать, что адмиралтейство, считая островъ Бичи сборнымъ мѣстомъ всѣхъ экспедицій, поручило капитану Ингльфильду, въ 1853 году, доставить на островъ запасъ продовольствія на пароходѣ *Phenix*. Ингльфильдъ отправился туда съ лейтенантомъ Бэлло, лишившись въ полярныхъ моряхъ этого мужественнаго офицера, который вторично отдавалъ себя въ распоряженіе Англіи. О катастрофѣ этой мы можемъ имѣть тѣмъ болѣе точныя свѣдѣнія, что свидѣтелемъ ея былъ Джонсонъ.

— Лейтенантъ Бэлло былъ доблестный человекъ и память его чтить вся Англія.

— Мало по малу,— продолжалъ докторъ,— корабли экспедиціи Бельчера начали возвращаться назадъ. Не всѣ, впрочемъ, потому что сэръ Эдвардъ нашелся вынужденнымъ бросить *Assistance* въ 1854 году, подобно Макъ-Клюру, бросившему *Investigator'a* въ 1853 году. Между тѣмъ, докторъ Рэ (Rae) въ письмѣ, помѣченномъ 29 числомъ іюля мѣсяца 1854 года и отправленномъ изъ Репульсъ-бая, куда онъ прибылъ изъ Америки,— довелъ до свѣдѣнія адмиралтейства, что у эскимосовъ Земли Короля Вильгельма находятся многіе предметы съ кораблей *Terror* и *Erebus*. Послѣ этого не могло уже быть никакого сомнѣнія на счетъ участи, постигшей экспедицію. *Phenix* и *North-Star* и судно Коллинсона возвратились въ Англію, такъ что въ арктическихъ моряхъ не осталось ни одного англійскаго корабля. Правительство, казалось, лишилось всякой надежды найти Франклина, но лэди Франклинь все еще не унывала и на остатки своего состоянія снарядила корабль *Fox*, подъ командою Макъ-Клинтока. Отправившись въ путь въ 1857 году, Макъ-Клинтокъ провелъ зиму въ мѣстности, гдѣ вы явились къ намъ, капитанъ, дошелъ до острова Бичи, 11-го августа 1858 года, во второй разъ провелъ зиму въ проливѣ Бэлло, возобновилъ свои поиски въ 1859 году, 16-го мая нашелъ документъ, не оставлявшій никакого сомнѣнія насчетъ участи *Erebus'a* и *Terror'a* и возвратился въ Англію въ концѣ того-же года. Все это совершилось въ теченіе пятнадцати лѣтъ и со времени возвращенія *Fox'a* ни одинъ корабль не пыталъ счастья въ полярныхъ моряхъ.

— Но мы испытаемъ его,— отвѣтилъ Гаттерасъ.

XV. Forward отброшенъ къ югу

Къ вечеру погода прояснилась, материкъ ясно былъ виденъ между мысами Сеппинга и Кларенса, изъ которыхъ послѣдній направляется сначала къ востоку, а затѣмъ къ югу, соединяясь съ берегами посредствомъ низкой косы. При входѣ въ проливъ Регента, море было свободно отъ льдовъ; но, какъ бы желая преградить путь *Forward'y* на сѣверъ, за портомъ Леопольда скучилась сплошная гряда ледяныхъ горъ.

Хотя это и было крайне непріятно Гаттерасу, тѣмъ не менѣе, затаивъ свою досаду, онъ прибѣгнулъ къ петардамъ, пытаясь взойти въ портъ Леопольда, куда и прибылъ въ воскресенье, 27-го мая. Съ брига завезли якоря на большія глыбы крѣпкаго какъ камень льда.

Капитанъ, въ сопровожденіи Джонсона, доктора и своей собаки Дэка, сошелъ на ледъ и вскорѣ былъ уже на материкѣ. Дэкъ прыгаль отъ радости; впрочемъ, со времени признанія Гаттераса капитаномъ брига, собака стала очень ласкова и кротка, и злилась только на кое-кого изъ матросовъ, которыхъ не долюбивалъ и самъ Гаттерасъ.

Портъ оказался свободнымъ отъ льдовъ, которые обыкновенно заносятся сюда восточными вѣтрами; вершины отвѣсныхъ горъ материка были окутаны снѣгомъ. Домъ и вышка, построенные Джемсомъ Россомъ, находились еще въ нѣкоторой степени сохранности, но запасы, повидимому, были расхищены лисицами и медвѣдями, которыхъ свѣжіе слѣды замѣчались во множествѣ. Однакожъ и рука человѣка не была чужда этому хищенію, потому что на берегахъ виднѣлись еще остатки эскимосскихъ хижинъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.